

В · Ж Е Л Е З Н И К О В

Хорошим людям —

Доброе утро

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В этой книге вы найдёте повести и рассказы о ваших современниках и ровесниках, о том, как они живут и как им бывает хорошо и весело, а подчас очень трудно и очень тяжело. В книге есть две повести — «Чудак из шестого «В» и «Солёный снег».

«Солёный снег» — это история о необыкновенных приключениях первоклассника Саши Огонькова, маленького, робкого мальчика. Его приключения необычны хотя бы потому, что его ближайшим другом был могучий гигант, атлет, древнегреческий герой Гераклес... А главный герой повести «Чудак из шестого «В» Боря Збандуто — удивительный, законченный чудак! Вы подумайте: он согласился работать вожатым во втором классе... Впрочем, не будем забегать вперёд. Прочитайте обе повести, и вы сами узнаете, чем закончились эти истории.

В книге ещё напечатаны рассказы о лётчиках: «Шестеро в самолёте», «Ослик и пятый океан», «Мальчик с красками», «Хорошим людям — доброе утро»; рассказы о войне: «Майор Щеголеев», «В старом танке»; рассказы о ваших ровесниках: «Голубая Катя», «Сенька», «Космонавт» и другие...

Повести и рассказы сборника увлекают тем, что их автор — писатель Владимир Железников — знакомит вас с судьбами своих героев в самые напряжённые моменты их жизни. И ещё одна общая черта этих повестей и рассказов: их герои мужественны в своей борьбе, в несчастье, в дружбе и работе. Они верны этому великому и достойному качеству — мужеству!

СОЛЁНЫЙ СНЕГ

Глава первая

Это началось тридцать первого августа. Маленький мальчик вышел во двор — он только что вернулся с дачи, увидел неизвестного ему человека и сказал: «Завтра я иду в школу».

Неизвестный человек остановился, сдвинул кепку на затылок, посмотрел на мальчика, подмигнул и скрылся в толпе людей, которые сновали мимо их двора по улице.

А первого сентября мальчик действительно пошёл в школу. Ну, разумеется, он волновался, боял-

ся опоздать, не разрешил матери провожать его. Впрочем, это не совсем точно, он разрешил ей идти на несколько шагов позади него. Получалось, что вроде он шёл один, ведь никто не знал, что женщина, которая шла за десять шагов от него, была его матерью.

Как видите, он совсем не желал, чтобы его провожала мать, — такой он смелый и решительный, но, чем ближе он подходил к школе, червячок страха и сомнения всё больше и больше беспокоил его.

Сначала он оглянулся, незаметно скосил глаза назад: решил проверить, здесь ли мама. Она была здесь, и он немного успокоился. Затем почему-то у него начали по-стариковски волочиться ноги. Он скрёб подмётками новых ботинок по асфальту, создавал искусственное торможение. В конце концов матери пришлось просто подталкивать его в спину. А потом он увидел толпу ребят в школьном дворе и вообще остановился. Мать взяла его за руку и чуть не волоком втащила в школьный двор.

Потом, когда мальчик попал в толпу первоклассников, он совсем притих, боялся даже поднять глаза.

А толпа первоклассников росла и росла, но она была какая-то особенная, молчаливая и таинственная. Но вот на школьное крыльцо вышли четыре женщины: это будущие учительницы первоклассников. И все ребята, как по команде, повернули головы в их сторону.

Добрых две сотни глаз устремились на учительниц: испуганные — а вдруг учительницы очень строгие? Любопытные — интересно, какая из четырёх наша? Влюблённые, они готовы были уже всем доказывать, что их учительница самая-самая умная и самая-самая справедливая; они нетерпеливо, молча ждали, что будет дальше.

— Ребята, внимание! — громко крикнула одна из четырёх. — Я учительница первого класса «А». Зовут меня Александра Ивановна. Сейчас я буду вызывать по списку своих учеников по фамилиям, а они должны построиться около меня парами. — Она развернула листок со списком и начала громко и отчётливо выкликать ребят: — Первая пара: Авдеев!

— Я! — крикнул испуганно какой-то мальчик.

— Иди сюда, — сказала Александра Ивановна. Мальчик пробирался сквозь толпу, низко опустив голову, а все смотрели на него и удивлялись его храбрости. Первому всегда трудно.

— Афонин...

Из толпы вышел ещё один мальчик.

— Беседкина...

— Здесь, — вместо девочки ответила её мать. — Идём, Ирочка, — громко сказала она, прошла вместе с ней сквозь толпу и стала в строй ребят.

— Вас я попрошу отойти, — вежливо сказала Александра Ивановна.

Мама Беседкиной неохотно отошла в сторонку. Потом учительница вызвала ещё нескольких ребят, а потом крикнула:

— Огоньков!

Никто не откликнулся.

— Огоньков! — громко и отдельно повторила Александра Ивановна.

Все стали оглядываться друг на друга, ища Огонькова, и тут мальчик, наш старый знакомый, спохватился и крикнул каким-то чужим голосом:

— Я Огоньков Саша! — но остался стоять рядом с мамой.

— Иди сюда, — позвала его Александра Ивановна. — Ты что, забыл свою фамилию?

Саша, не отвечая, встал в строй ребят.

— Сапегин...

— Здесь! — тут же откликнулся мальчишка и, лихорадочно расталкивая ребят, стал пробираться вперёд.

— Молодец, Сапегин, — сказала Александра Ивановна. — Громко ответил. Как тебя зовут?

— Гошка, — уверенно сказал мальчишка.

И все почему-то засмеялись, и Саша так расхрабрился, что засмеялся вместе со всеми.

А потом мелькнуло такое милое, единственно знакомое здесь, дорогое, взволнованное лицо матери, и он вместе с другими ребятами скрылся в школьном здании.

Но зря он так расхрабрился, потому что в первую же перемену на него обрушился неожиданный удар.

У них в классе было пятнадцать мальчиков и четырнадцать девочек. И все девочки были одеты и причёсаны совершенно одинаково. А мальчишки были не все одинаковы. У четырнадцати были коротко стриженные волосы и впереди, на лбах, чёлки, а у пятнадцатого, то есть у Саши Огонькова, была буйная, словно спутанная ветром, шевелюра.

Видно, Сашиной матери очень нравились волосы сына, и она уговорила его не стричься.

И вдруг на первой перемене один из мальчишек показал на Сашу пальцем и противным голосом закричал:

— Смотрите, смотрите, у него волосы как у девчонки! — и громко, нахально засмеялся, захотал — так обычно хохочут актёры, когда играют злых колдунов в театре.

А все другие мальчишки, вместо того чтобы остановить этого нахала, тоже засмеялись. Саша неожиданно оказался в центре круга, и мальчишки

начали его толкать, громко, нараспев кричать при этом: «Дев-чон-ка, дев-чон-ка, дев-чон-ка!» И никто не подумал за него заступиться. И даже девочки, которые до сих пор жались в углу плотной стайкой, захихикали и стали тоже тыкать в него пальцами.

Саша растерялся и просто не знал, что ему делать. Он испуганно втянул голову, сел на парту и закрыл пальцами уши, чтобы не слышать, как они его дразнили.

Всё это было возмутительно. Вы подумайте, это в наше-то время, в нашей стране так издеваться над человеком, когда на помощь одному несчастному бросаются десять, сто, тысяча, миллионы людей, а в этом первом классе четырнадцать мальчишек, не задумываясь почему, смеялись и издевались над пятнадцатым!

Саша открыл уши, и снова раздались крики: «Дев-чон-ка, дев-чон-ка, дев-чон-ка!» Тогда он схватил портфель из парты и побежал к дверям. Но мальчишки догадались, что он решил сбежать, стали кричать ещё сильнее, отчаяннее, схватили его за руки и не пускали, а он вырывался и почти плакал от обиды.

И тут в класс вошла их учительница Александра Ивановна. Она была очень старая учительница. Александра Ивановна так давно учительствовала, что её первый ученик сражался ещё на гражданской войне. А потом она провожала своих учеников на фронты Великой Отечественной войны.

Александра Ивановна была очень старая и очень мудрая учительница; она вошла в класс и сразу поняла, что тут что-то не так.

Ребята разбежались по своим местам, а перед ней остался Саша Огоньков. Его портфель, его новенький портфель валялся, затоптанный, на полу.

— Подними портфель, Саша,— сказала Александра Ивановна.

Она думала, что же здесь случилось, но пока ничего не могла придумать. Ей и в голову не могло прийти, что в её классе двадцать восемь человек ополчились на одного только за то, что у него длинные красивые волосы.

Саша поднял портфель.

— Далеко ли ты собрался? — спросила она.

— Домой,— ответил Саша.

— Домой? — удивилась Александра Ивановна.— А знаешь ли ты, что домой можно уходить только после уроков?

— Я хочу домой,— упрямо сказал Саша.

— Ты подумай, прежде чем говорить,— сказала учительница.— Вот сейчас ты уйдёшь, а мы начнём учить буквы. А ты их не выучишь. А завтра ты снова захочешь домой, а мы тем временем выучим ещё новые буквы. Ты отстанешь и вырастешь просто дурачком.

Класс дружно засмеялся. Это не понравилось Александре Ивановне. Она строго посмотрела на ребят и снова подумала: что же это такое случилось в её отсутствие и почему Саша Огоньков решил уйти из школы?

— Ну, вот что, дорогой мой,— сказала она,— садись на своё место и слушай, что я буду говорить.

Глава вторая

Саша жил в большом старом доме на старом Арбате. Квартиры в этом доме были большие, потому что до революции там жили богачи. А Сашина квартира в те далёкие времена принадлежала царскому генералу, у которого в кухарках служила его бабушка.

Генерал занимал восемь комнат вдвоём с собакой. Саша против собак не возражал, собак все любят, особенно овчарок или, например, боксёров. Но жить одному в восьми комнатах, а его, Сашину, бабушку поселить в тёмном чулане за кухней?.. Этому даже трудно поверить, так это несправедливо, но бабушка говорит, что богачи и не думали о справедливости.

А потом, после революции, царский генерал сбежал, и квартиру из восьми комнат разделили на две. В их половине в двух комнатах разместились Саша Огоньков с бабушкой, с мамой, которая работала в Институте физики земли, и с папой, который работал в этом же институте, но сейчас уехал в экспедицию на Камчатку. А третью комнату в самом конце коридора занимал Пётр Петрович Добровольский. Он был пенсионер и жил один: жена у него умерла, а его единственный сын служил на флоте и наезжал домой редко.

Пётр Петрович никогда не закрывал свою комнату на ключ, не имел такой привычки, и Саша мог входить к нему, даже когда самого хозяина не было. Вот и сегодня, как только бабушка его покормила, он, стараясь не отвечать на её вопросы, направился в комнату Петра Петровича.

— Опять туда? — спросила бабушка. — Ну, чего ты сидишь в этом старом, пыльном, заштопанном кресле? Иди лучше погуляй, а потом принимайся за уроки. А то ты всё в игрушки играешь, как маленький.

Саша молча прошмыгнул в коридор.

— Ти-ше, ти-ше, — шепчет он себе под нос.

Ти-ше, ти-ше! Об этом нельзя говорить громко: ведь старое кресло в комнате Петра Петровича волшебное. Единственное во всём мире, последнее волшебное кресло. Только это величайшая тайна. Ти-

ше, ти-ше! Ох, как громко скрипят половицы под Сашиными ногами! Ти-ше, ти-ше! Они страшно скрипят в темноте коридора, но свет зажигать нельзя. Прежде всего надо сохранить всё в тайне.

Саше страшно в этом длинном, чёрном коридоре. Скорее бы добраться до комнаты Петра Петровича, взяться за дверную ручку, толкнуть дверь и...

Три стены в этой комнате занимали книжные полки от пола до потолка. А в самом дальнем углу стояло знаменитое старое кресло. Материя на его спинке и ручках давно истёрлась, а в центре сиденья гордо торчала пружина.

Саша влез в кресло с ногами, вдохнул его пыльный, дразнящий запах, вспомнил весь сегодняшний день и горестно вздохнул. Нет, совсем не так он представлял себе свой первый школьный день. Может быть, этот неизвестный, которого он встретил вчера во дворе, ничего не ответил, когда он ему заявил, что идёт в школу, из жалости? Ведь эти взрослые очень много знают, а от детей скрывают. Только подмигнул, вроде предупредил: «Смотри, мол, наплачешься!» А он ничего не понял. Саша опять длинно и печально вздохнул.

Но в том-то и дело, что Саша сидел в настоящем волшебном кресле. Хотите верьте, хотите нет, как только Саша глубоко вздохнул, тут же под ним запели старые ржавые пружины. И в первую очередь та самая главная пружина, которая протёрла материю и торчала в центре сиденья. Они качнули Сашу сначала легко, робко, потом сильнее, сильнее и стремительно понесли в неизвестную, радостную даль...

Это кресло было очень хитрое: во-первых, оно умело выдумывать всякие истории; во-вторых, умело успокаивать, уводить от печальных мыслей; в-третьих, его пружины умели звенеть красивые

песни. А в-четвёртых — и это самое главное! — оно умело из труса в один миг делать первейшего храбрца. Это было самое-самое ценное его качество!..

Саша преобразился в один миг. Теперь это уже совсем не тот Саша, который испугался в школе мальчишек и их крика, а герой, атлет, и ему ничего не страшно...

«Эге-гей! — Это кричит Гошка Сапегин, мальчишка, который обидел Сашу в школе. — Выходите на бой, кто самый смелый!» Он ходит посреди класса и хвастается своими упругими мускулами, а все ребята испуганно жмутся к стене. Он ходит, вобрав в себя живот, расправив могучие плечи, похваливаясь силой. Тогда вперёд выскакивает Саша, и тот бросает его на пол. Но Саша только улыбается, ему совсем не страшно и не больно, он чувствует свою силу, и мужество его велико, и он снова бросается вперёд и побеждает Гошку Сапегина.

Саша вскочил и стал прыгать в кресле, радуясь победе, а пружины стонали и звенели под его ногами. Но тут дверь открылась, и в комнату вошёл сам Пётр Петрович. Он был очень худой и очень высокий, он был такой высокий, что его седая лохматая голова доставала почти до притолки.

— Как дела, герой? — спросил он.

Пётр Петрович начал медленно раздеваться, он всегда всё делал медленно, потому что у него была только одна рука. Вторую руку он потерял на войне.

— Хорошо! — бодро сказал Саша.

— А в школе?

Саша помолчал. Перед ним снова всплыли неприятности дня. Потом неохотно ответил:

— Ничего особенного.

— «Ничего особенного»? Нет, вы видели этого нахального мальчишку? Возмутительно! — закри-

чал Пётр Петрович.— Если я ещё раз услышу эти слова, я прогоню тебя прочь, я тебе руки не подам. Нет, это поистине возмутительно. Сейчас, когда перед тобой открываются необозримые просторы знаний, когда ты, счастливый человек, можешь постигнуть тайны космоса и недр земли, когда ты можешь открыть для себя Буратино, Золушку, ты отвечаешь мне: «Ничего особенного!» Вон сейчас же из моей комнаты! Вон!

Пётр Петрович никогда не кричал на Сашу, и поэтому тот обиделся и решил на самом деле уйти. В этот момент Пётр Петрович смущённо закашлял.

— Прости меня, я погорячился,— сказал он.— Но ведь ты неправ.

— А они меня дразнили,— сказал Саша.— Обзывали «девчонкой» из-за этих волос.

— Какая чепуха, какая чепуха! — сказал Пётр Петрович.— Подожди, пройдёт совсем немного времени, и все эти ребята будут твоими товарищами.

Глава третья

Сон насккивал на Сашу, как ураган. Ещё только что он разговаривал с мамой и бабушкой, а в следующую секунду какая-то неодолимая сила прикрыла ему глаза. Он слышит их разговор, пытается вставить слово, но язык у него не желает шевелиться.

— Саша пришёл сегодня из школы расстроенный,— сказала бабушка.— Его дразнили «девчонкой» за длинные волосы.

— Не страшно,— сказала мама.— Привыкнут.

Саша хотел возразить, что это очень страшно, что его должны обязательно постричь, он хочет быть, как все, но язык его не слушался.

— Не скажи,— заметила бабушка.— Твой сын — тебе виднее, а только смотри, задразнят мальчишку.

— Ты неправа,— сказала мама.— Нужно с детства воспитывать мужество. Он во всём уступает, со всеми соглашается. Это нехорошо. Типичный бабушкин внучок.

— Пустые слова,— сказала бабушка.— И всё он, старый фокусник, тебя с детства накачал, а теперь его настраивает. Вот я ему дам, вот я его отчитаю! Придумал какие-то сказки, какое-то волшебное кресло, какой-то укромный уголок для Саши и — слыханное ли дело — запретил мне туда заходить. Говорит, у каждого маленького человека должен быть свой укромный уголок, и никто там не имеет права его беспокоить. Ишь чего старый выдумал!..

Саша решил заступиться за Петра Петровича, а то ещё, чего доброго, бабушка его отчитает, но у него снова ничего не получилось...

...Ровно в восемь бабушка подняла Сашу с кровати и отвела в ванную, чтобы он умылся и почистил зубы. А Саша сел на табуретку, которая стояла в ванной, и уснул сидя.

Потом прибежала бабушка, разбудила Сашу, умыла и накормила геркулесовой кашей.

Пётр Петрович рассказывал Саше, что в Древней Греции такую кашу ел сам Геркулес. Правда, тогда эта каша называлась по-другому. Он ел эту кашу каждое утро и всё время подымал тяжести: он мечтал быть самым сильным человеком. А потом на спортивных состязаниях Геркулес поднял быка. Тогда у него стали спрашивать, как он этого добился, и Геркулес ответил, что просто по утрам он ел кашу земли. И с тех пор овсяную кашу стали звать геркулесовой и ею кормили всех детей в Древ-

ней Греции. Обо всём этом Саша вспомнил, чтобы ему легче было съесть свою тарелку каши.

Пока Саша завтракал, бабушка сложила ему в портфель тетради и букварь. Из соседней комнаты выбежала Сашина мама, горестно всплеснула руками и сказала:

— Ну кого ты растишь: барчука и лежебоку! Разве он не может собрать сам книги и тетради? Вот приедет Сергей, он тебе задаст.

— Что-то он долго не едет, твой Сергей,— ответила бабушка.

Мама сразу помрачнела, вышла из комнаты, а когда Саша уже убегал в школу, мама надела платье, которое не любил отец. Ясно, что она сердилась на него.

Около школы Саша увидел Гошку Сапегина. Он замедлил шаги, чтобы не нагонять Гошку, но тот,

как назло, еле-еле тащился. Гошка заметил Сашу, показал ему нос и захохотал.

Саша попробовал его обогнать. Гошка побежал рядом с ним и всё время показывал ему нос. Тогда Саша остановился, а Гошка добежал до школьных дверей и стал поджидать Сашу. Скоро рядом с ним собралось ещё пять мальчишек из их класса, и все они улюлюкали на Сашу.

Зазвенел звонок, мальчишки бросились в школу, чтобы не опоздать. А Саша помедлил минуту и тоже пошёл в школу.

В школе было удивительно тихо.

Саша подошёл к дверям своего класса и услышал голос Александры Ивановны:

— Сейчас мы, ребята, будем писать букву «а» маленькую и букву «А» заглавную, большую...

У Саши мелко-мелко забилося сердце, и ему стало жарко. Вот сейчас они начнут писать букву «А», а он стоит за дверью. Нужно быстрее войти в класс, но он тут же представил себе, как Александра Ивановна отчитает его перед классом и ребята снова будут над ним смеяться.

И вместо того чтобы войти в класс и выучить букву «А», так необходимую для покорения космоса и недр земли, эту первую букву алфавита, без которой не узнаешь второй и останешься дурачком, как сказала Александра Ивановна, Саша повернулся и побежал вон из школы.

Нет, ему совсем было нелегко, он даже готов был заплакать от обиды, но всё это он мог сделать только втихомолку. А сделать что-нибудь решительное и смелое он не мог. Эх, сейчас бы ему сюда волшебное кресло, и он прямо на нём, точно на гоночном мотоцикле, влетел бы в класс. Он бы тогда им показал!..

А пока Саша уже бежал школьным двором, по-

том выскочил на улицу и снова бежал долго-долго не останавливаясь, бежал до тех пор, пока у него сердце не стало биться где-то у горла, и он задохнулся. Может быть, в эти минуты он поставил рекорд по скорости бега, может быть, он бежал так же быстро, как бегали знаменитые чемпионы братья Знаменские, но это был не тот бег, которым он мог гордиться. Про такой бег никому не расскажешь.

Домой он вернулся вовремя, прогулял ровно столько, сколько полагалось заниматься в школе. Бабушка встречала его на улице, стояла у ворот. Она еле дождалась Сашу.

— Ну, что проходили сегодня? — спросила бабушка.

— Букву «А» большую, заглавную, и букву «а» маленькую.

— Молодцы, — сказала бабушка. — А ты, верно, голодный?

— Голодный, — согласился Саша.

И хотя Саша не заслужил вкусного обеда, потому что всем у нас в стране известны очень хорошие слова: «Кто не работает, тот не ест», он спокойно пообедал. Работаешь или не работаешь, а есть-то охота.

Глава четвёртая

После обеда Саша вытащил тетрадь и сел к столу. Он решил писать букву «А». Сидел, сидел, но не написал ничего. Вообще-то он знал букву «А», но перед ним был чистый лист бумаги, и он боялся к нему притронуться. Вдруг напишет что-нибудь не так.

Саша взял тетрадь и отправился к Петру Петровичу. Может быть, тот выручит его. Но Петра

Петровича не было дома, а в углу комнаты так заманчиво темнело волшебное кресло, и Саша решил немного посидеть в нём.

Он сел, кресло печально и жалобно скрипнуло, точно оно было чем-то недовольно.

— Ну-ну! — крикнул Саша и сильно качнул кресло.

Пружины привычно и звонко откликнулись на его призыв.

— Эх ты, буква «А»! — снова закричал Саша. — Неужели ты думаешь, что я тебя боюсь?

— Нет, нет, нет, — ответил он себе жалобным, тоненьким голоском. Почему-то ему хотелось унижить букву «А», и поэтому он говорил за неё таким робким голоском. — Я совсем этого не думаю.

— То-то! — крикнул Саша своим голосом.

И понеслось... Он махал в воздухе рукой, словно быстро-быстро писал на невидимом листе и буквы сами собой выскакивали у него из-под пера и ровными рядами ложились одна к другой. Это он писал у доски, и весь класс, и Александра Ивановна, и сам нахальный Гошка, — все смотрели на него с открытыми ртами, а он писал и писал. И Александра Ивановна сказала: «Прости меня, Саша: ты не вырастешь дурачком, этому никогда не бывать».

Саша соскочил с кресла, подбежал к книжной полке, выхватил самую толстую книжку, открыл её на первой странице и хотел уже вслух начать читать, чтобы все видели и слышали!

Он верил в чудо, вот сейчас он начнёт читать, и эти неприступные, гордые книги откроют ему наконец свои тайны... Вот сейчас... Он уже пожирал буквы глазами и ждал, что они начнут у него складываться в слова, и чудная музыка чтения, необыкновенная музыка чтения сорвётся у него с

языка... Право, лучше бы Саше оставаться в волшебном кресле — там так легко и удобно.

Саша поставил на прежнее место книгу и решил отправиться во двор. Надо ему погулять в конце концов, тем более что лозунга: «Кто не работает, тот не гуляет» — не было.

Он вышел во двор и оглядел поле сражения. Двор был пуст, только в углу, в песочке, возилась Маринка — это его старая подружка. Раньше они были неразлучными друзьями.

Маринка увидела Сашу и замахала ему рукой: мол, иди скорее сюда. Саша поколебался, ведь теперь между ним и Маринкой была огромная пропасть: он учился в школе, а Маринка по-прежнему ходила в детский сад. Он нехотя подошёл.

— Ну? — сказал он.

— Задаёшься? — спросила Маринка.

— И не думаю, — сказал Саша. — Просто устал в школе.

Маринка вздохнула:

— А я, когда пойду в школу, никогда не буду уставать.

— Много ты знаешь, там одних букв столько нужно выучить — голова кругом идёт.

— А как зовут твою учительницу?

— Александра Ивановна. У неё есть орден Ленина. Ты когда-нибудь видела орден Ленина?

— Конечно. По телевизору.

— Ох, рассмешила. А ты на живых людях видела?

— Нет ещё... Но ты будешь со мной дружить по-прежнему?

— Ладно, буду, — согласился Саша и тут же забыл о Маринке, потому что в глубине их двора стоял гараж и сейчас ворота этого гаража были открыты настежь.

Ну, машины — это была его страсть. Он знал все марки советских автомобилей. Саша подошёл к открытым воротам гаража, осторожно заглянул и остановился на пороге. Дальше он идти без разрешения боялся.

Шофёр, который возился в моторе «Волги», совсем молодой на вид парень, поднял голову и улыбнулся ему.

— Здравствуйте, дядя, — сказал Саша.

— Здравствуй, малый, если не шутишь, — ответил шофёр.

— Я не шучу. — Саше понравилось, что шофёр назвал его «малым». Это для него звучало необычно, ну, вроде как он сродни стал этому необыкновенному человеку, от которого так хорошо пахнет бензином, мазутом и ещё чем-то таким, отчего просто захватывает дух.

— А если не шутишь, вот тебе ведро, принеси воды, — сказал шофёр. — Вон там, в глубине гаража, есть водопровод.

Саша взял ведро, и дужка его глухо звякнула, как пружина на волшебном кресле. И он, Саша, пошёл в глубь гаража.

В гараже было полутемно, но Саша совсем не боялся, он легко и свободно шёл между машинами. Потом набрал полнёхонько ведро воды, еле дотащил, а когда шофёр сказал, что ведро, пожалуй, было для него тяжёлым, он улыбнулся: «Ерунда, мол, не такие таскали», — хотя он в своей жизни не притащил ни одного ведра воды и сейчас, когда тащил, от собственной неловкости облил себе ноги.

Шофёр залил воду в машину, закрыл капот и протянул Саше руку.

— Заходи, когда будет время, — сказал он.

Саша крепко пожал ему руку и ответил:

— Обязательно зайду, я ведь живу в этом доме.

Шофёр уехал, а у Саши на руке осталась широкая тёмная полоса,— это шофёр вымазал его руку машинным маслом. Саша оглянулся, но Маринка уже ушла. Жалко, а то можно было ей показать эту полосу на руке.

Саша постоял ещё немного во дворе, поздоровался с двумя незнакомыми взрослыми, потом услышал вой пожарных машин и выскочил на улицу, чтобы посмотреть на них. Мимо него с своим промчались здоровенные тупорылые красные закрытые машины. Потом где-то в воздухе грохнуло, и он со знанием дела задрал голову кверху, потому что знал: так грохочут реактивные самолёты. Они выбрасывают облако горячего отработанного керосина, облако сталкивается на большой высоте с холодным воздухом — и раздаётся взрыв.

Саша долго вертел головой, даже снял берет, чтобы не мешал смотреть, но всё равно самолёта не нашёл и решил вернуться домой.

Дома бабушка отправила его мыть руки. Он открыл кран и увидел на руке шофёрскую заметину, решил её не смывать — не каждый день ведь выпадает такое счастье.

Пришёл в комнату и сел ужинать, а правую руку с заметиной спрятал под стол, чтобы не увидела бабушка. Взял вилку в левую руку и стал ковырять котлету.

— Что это ещё за новости? — сказала бабушка.— Ну-ка, бери вилку в правую руку.

— А как же Пётр Петрович всё ест левой? — сказал Саша.

— Эх ты, дурачок,— ответила бабушка.— У Петра Петровича нет правой руки, поэтому он ест левой. Правую руку ему оторвало под Москвой, когда он воевал с фашистами.

Пока бабушка рассказывала, Саша переложил вилку в правую руку и быстро съел котлету.

— А было время, когда у Петра Петровича обе руки были на месте. Я ведь его знаю, дай бог память, с тысяча девятьсот восемнадцатого года... Тогда в Москве только революция случилась, а потом юнкера подняли восстание, хотели царскую власть восстановить, и началась в городе стрельба. Бывало, выйдешь на Арбат, а на улице убитые валяются. Это юнкера убивали рабочих. А тут ещё бандиты развелись, грабили народ. И вот однажды иду я по улице, вечерает, вдруг ко мне шасть мужчина, а за ним второй. У меня сердце дрогнуло, думаю — пропала. А они говорят: «Ну-ка, тётка, встряхай сумку». А у меня там хлеб, дневная норма. Ах, думаю, изверги окаянные, бандиты. Как заору в голос, откуда только силища взялась, ору: «На помощь, грабят!» И со всех ног от них. А они за мною топают. И вдруг как метнётся мне чёрная тень наперерез, как закричит эта тень: «Стой, а то стрелять буду!» Тут я сразу остановилась, а вокруг почему-то тихо-тихо стало. «Эй, тётка,— слышу голос.— Убежали грабители». Подняла голову, а передо мной стоит молодой матрос. Бескозырка на макушку сдвинута, весь пулемётными лентами обмотан. Посмотрел мне в лицо и говорит: «Извините, мисс, что назвал вас тёткой. Из-за платка не рассмотрел вашего лица». — «А вы кто такой?» — спросила я его. Он козырнул мне и говорит: «Балтийский матрос Пётр Добровольский, прибыл в Москву в помощь московскому пролетариату от Петроградского комитета партии большевиков». Пётр Петрович проводил меня домой, а я тогда жила во всех восьми комнатах одна — хозяин мой сбежал. Вот он одну комнату и занял в нашей квартире.

Бабушка села на кончик стула и задумалась, и, вероятно, перед ней мелькало то далёкое время, когда она была молоденькой девушкой, а Пётр Петрович Добровольский матросом революционной Балтики.

А может быть, и другие времена, может быть, те времена, когда её муж, мастер завода «Серп и молот», вместе с Петром Петровичем ушли осенью сорок первого года в народное ополчение, а вернулся обратно только Пётр Петрович, да и то без руки. А может быть, она вспомнила, как под фашистскими бомбами в лютую стужу в сорок втором рыла противотанковые рвы, чтобы танки врага не прорвались в город. Или как в сорок третьем ездила в брошенные деревни и выкапывала из-под снега маленькие замёрзшие картофелины, чтобы прокормить свою дочь, больного Петра Петровича и его сынишку.

Многое вспомнишь, когда прожита такая жизнь!

Глава пятая

Когда утром Саша вошёл в класс, то все сразу стали смотреть на него. Он прошёл под этими напряжёнными взглядами к своему месту и положил портфель в парту.

— Ты что это вчера убежал? — спросил Гошка.

— Захотел и убежал, — ответил Саша.

— А если Александра Ивановна узнает, что ты прогулял, тогда что?

— А ты это видел? — Саша выставил свой главный козырь. — Ты это видел? — И он протянул Гошке прямо к носу правую руку, на которой была шофёрская заметина.

— А что это? — спросил Гошка.

— «Что, что»!.. Работал в гараже, вот что, по-

могал одному шофёру ремонтировать машину и выпачкал руку машинным маслом.

— Брось вратъ,— сказал Гошка.

— А ты понюхай.

Гошка долго нюхал заметину на Сашиной руке, прямо вынюхал её. Саша даже испугался, что он её сотрёт. Потом её нюхали все мальчишки подряд.

— Подумаешь,— сказал Гошка,— а я собираю марки.

Саше не хотелось упускать с таким трудом завоеванное внимание ребят, и он соврал:

— И я собираю.

Хотя он марок не собирал, а только слышал, что их собирает отец Маринки.

— Давай меняться,— обрадовался Гошка.

— Как — меняться? — не понял Саша.

— Обыкновенно,— сказал Гошка,— я тебе отдаю лишние марки, а ты мне. Это и называется «меняться».

— Давай,— согласился Саша.

— Так завтра не забудь, принеси,— сказал Гошка.

— Не забуду,— сказал Саша.

Но вот зазвенел звонок, и появилась Александра Ивановна. Она проверила, все ли в классе, и спросила у Саши, почему он вчера не был в школе. Саша опустил голову.

— Саша,— сказала Александра Ивановна,— когда с тобой разговаривает учительница, надо встать.

Саша встал.

— Так почему же ты вчера не был в школе? — снова спросила Александра Ивановна.

— У меня болела голова,— соврал Саша.

— Это уважительная причина,— сказала Алек-

сандра Ивановна.— Только в следующий раз, ребята, если кто-нибудь пропустит школу, принесите справку от родителей или от врача.

И все страхи остались позади. А ребята думали, что Саша простак. А он соврал — и концы в воду. А если бы он сказал правду, тут такой бы скандал начался: «Как смел, да как тебе не стыдно!» Нет, Саша не простак, он очень-очень хитрый.

— Ребята,— сказала Александра Ивановна,— положите свои тетради справа от себя на парте, а я пройду по рядам и посмотрю, как вы написали букву «А» заглавную и букву «а» маленькую.

Все вытащили тетради и положили с правой стороны, и Саша тоже положил. Только у всех были написаны буквы, а у него были чистые листы.

Александра Ивановна шла по рядам и одобрительно кивала головой: ей нравилось, что ребята аккуратно выполнили домашнее задание. Потом она дошла до Саши, посмотрела на чистые листы его тетради и сказала:

— Огоньков, пройди к доске, возьми мел и напиши нам букву «А» заглавную. Знаешь, как её писать?

— Знаю,— ответил Саша.

Взял мел и написал букву «А» вверх ногами.

Все ребята начали смеяться, а Гошка крикнул:

— Буква «А» встала на голову! Не буква, а акробат.

— Тише, тише, ребята,— сказала Александра Ивановна.— Саша вчера не был в школе, поэтому он написал неправильно.

Саша стёр ладошкой то, что написал, и вывел мелом букву «А».

— Вот теперь правильно,— сказала Александра Ивановна.— В следующий раз никогда не торопись, сначала подумай, а потом пиши.

Саша осторожно, стараясь не шуметь, опустился в кресло. Оно жалобно-жалобно звякнуло. Саша потянул носом, всё было по-прежнему. Теперь надо было сидеть и ждать, когда Петру Петровичу надоест читать, он снимет очки, потрёт глаза рукой и скажет: «Чертовски устали глаза». Тогда, значит, настала очередь разговора с Сашей.

Но сегодня Пётр Петрович долго не откладывал книгу, и Саша сидел как мышь, боялся ему помешать. Что-то у него пело в голове, что-то путалось... Потом вдруг в комнату вошёл высоченный человек в сандалиях на босу ногу и в тунике. У него была шея борца, она была у него прямая, как колонна, и на ней покоилась голова, украшенная длинными кудрявыми волосами.

Кто бы это мог быть? И вдруг Саша догадался: это был сам Геркулес. Ну да, конечно, древнегреческий герой Геркулес. Хорошо бы спросить его об этом, чтобы окончательно убедиться, но неудобно.

Человек в сандалиях подошёл к Саше и поднял его вместе с креслом на вытянутых руках, и Саша достал руками до потолка, и где-то внизу остался Пётр Петрович.

Ясно, что это был Геркулес. Ах, как ему стало хорошо и весело! Теперь Саша убедился, что Геркулес действительно могучий человек, настоящий богатырь, прямо чемпион мира Юрий Власов.

«И всё это от геркулесовой каши?» — спросил Саша.

«Да, — ответил Геркулес. — И ещё от настойчивости».

Саша слышал, как хлопнула входная дверь, и сразу Геркулес пропал, исчез, просто испарился... Он закричал:

— Геркулес, Геркулес, не уходи, мне надо спросить у тебя одну очень важную вещь!

— Ты что раскричался? — Перед Сашей стоял Пётр Петрович. Правое плечо, то, что без руки, у него было поднято выше подбородка.

— Здесь был Геркулес,—сказал Саша.— Я только что с ним разговаривал. Он был в сандалиях на босу ногу и в тунике. Я его сразу узнал. Мне надо было спросить у него одну важную вещь, а он пропал.

— Не расстраивайся,—сказал Пётр Петрович.— Он ещё обязательно придёт к тебе. Я лично знал одного мальчика, так только стоило ему сесть в это кресло, к нему тут же заявлялся сам великий Христофор Колумб. И они вместе отправлялись в далёкие путешествия.

— Это вы рассказываете про Игоря? — спросил Саша.

— Про него,—ответил Пётр Петрович.— А теперь иди встречай мать, она вернулась с работы, все матери очень любят, когда их встречают сыновья.

Саша встал и пошёл к матери, но в голове у него пело: «Геркулес милый, милый Геркулес».

Мама сидела за письменным столом, перед ней лежала толстая книга, а глаза у неё были закрыты.

— Не подвигается работа? — спросил Саша.

— Не подвигается,—ответила мама.

— Я знаю,—сказал Саша,—ты волнуешься, что от папы нет давно писем.

Мама растрепала Сашины волосы. Она любила их так трепать.

— О, какой у меня наблюдательный сын! — сказала мама и попыталась улыбнуться, но из этого ничего не вышло.

Они замолчали. В комнате появились тёмные углы. Горела только настольная лампа под зелёным абажуром. Потом они услышали звук шагов.

— Геркулес, милый Геркулес,— прошептал Саша.

— Что ты там шепчешь? — спросила мама.

— Ничего,— ответил Саша.— Ты слышала, по коридору кто-то прошёл?

— Это Пётр Петрович,— сказала мама.

Саша знал, что это Пётр Петрович. Он его шаги узнавал всегда, потому что Пётр Петрович чуть волочил левую ногу, ему её прострелили в гражданскую войну. Это было в 1918 году.

— А по-моему, это кто-то другой,— сказал Саша.— Например, Геркулес. (Ах, как это имя звенело у него в голове и камешком каталось во рту!) Знаешь что, пойдём в комнату Петра Петровича, и ты посидишь в волшебном кресле. У тебя все заботы как рукой снимет.

— Нет, Саша,— сказала мама,— мне надо работать.

— Даже если тебе не хочется? — спросил Саша.

— Надо уметь себя заставить,— сказала мама.— И потом, я уже взрослая, и мне ни к чему сидеть в волшебном кресле.

— А Пётр Петрович?..— сказал Саша.— Он совсем старик, а сидит. Он говорит, что это ему помогает думать. Пойдём, я тебя очень прошу.

Мама встала, взяла Сашу за руку, и они молча, без единого слова, стараясь ступать осторожно, так, что был слышен только скрип половиц и какой-то непонятный шорох, а шагов их не было слышно, отправились в комнату Петра Петровича.

Их зеленоватые длинные тени упали на стену, прошли по занавескам и вышли в дверь. В кори-

доре они растворились: в коридоре не было света, а они не стали его включать.

— Осторожно,— сказала мама шёпотом,— не наскочи на холодильник.

Саша только крепче сжал её руку, и она крепко-крепко сжала его маленькую тёплую ладошку...

Они вошли в комнату Петра Петровича и в темноте подошли к волшебному креслу. Было тихо-тихо.

— Ну, садись,— великодушно предложил он матери.— Садись, а я постою рядом.

Мама осторожно опустилась в кресло. Оно прозвенело под ней всеми своими пружинами.

— О, какая я стала тяжёлая,— сказала мама.— Раньше оно подо мной так не пело.

Саша промолчал. Он знал: сейчас, в этот миг, ничего нельзя говорить. Ничего.

— Здравствуй, кресло,— сказала мама. И слегка качнулась в нём, как это делал всегда Саша.

Кресло снова прозвенело свою песню.

— Ведь я что волнуюсь...— сказала мама.— Он пошёл на штурм действующего Авачинского вулкана. А вулкан этот выбрасывает лаву, её температура семьсот градусов: это всё равно что раскалённая, kloкочущая сталь, выпущенная из доменной печи. А ему, видите ли, обязательно надо спускаться в кратер вулкана.

— Он это делает ради науки,— сказал Саша.— Он говорил мне: вулканы — пушки земли. Они стреляют лавой, а эту лаву можно собрать, и потом узнаешь, что делается глубоко-глубоко под землёй.

— Он и тебя перетянул на свою сторону,— сказала мама.

— Но он не первый раз спускается в кратер,— ответил Саша.

— В прошлом году он сломал себе руку,— ска-

зала мама.— А в позапрошлом году его ударило глыбой лавы по спине, и ему пришлось пролежать целый месяц. Врач боялся, что у него повреждён позвоночник, а когда повреждён позвоночник, надо лежать на доске. Там никаких досок не было, пришлось сорвать с домика экспедиции двери, и он лежал на этих дверях. А ты видел, какие у него руки? Все в ожогах.

Они снова помолчали. За окном в небе полыхали отсветы большого города.

— Можно, я сяду рядом с тобой? — спросил Саша.

Мама подвинулась, и он сел и стал раскачиваться и звенеть пружинами. И этот звон, как нежный звук струн, раздавался у них в ушах, и чуть-чуть веселил их души, и соединял их со всем миром. Теперь для них не существовало темноты, одиночества, далёких расстояний.

— Как хорошо, что ты привёл меня сюда,— сказала мама.— Конечно же, Сергей прав, что поехал на Камчатку, что взбирается на эти вулканы, а потом, точно цирковой акробат, спускается в кратеры. Он спускается на тысячу метров в глубину, а навстречу ему поднимаются испарения лавы... Мягкое, мудрое кресло, я буду терпеливо ждать его писем.

Мама обняла Сашу за плечи и потихоньку укачивала его, точно маленького. Сколько они так просидели, неизвестно, но только Саша слышал, как к нему подошёл Геркулес, тронул его за плечо и сказал:

«Вот я и пришёл. Прости меня, что я так неожиданно исчез, но здесь раздались чужие голоса».

«Это был Пётр Петрович,— сказал Саша.— Правда, он не такой сильный, как ты, но тоже ге-

рой. Некоторые взрослые кое-чего не понимают, а он всё-всё понимает».

«Ну, я слушаю, о чём ты меня хочешь спросить?»

«А ты не будешь смеяться?» — спросил Саша.

«Ни за что! — сказал Геркулес. — Клянусь тебе именем богини Афины Паллады».

«А-а-а! — сказал Саша. — Вообще-то я в бога не верю, мы теперь знаем, что бога нет. Но ведь ты жил три тысячи лет назад, и у тебя не было другого выхода».

«Афина Паллада — богиня мудрости, — сказал сердито Геркулес. — Она не позволит мне соврать».

«Прошу тебя, не сердись, — сказал Саша. — Если бы ты жил в наше время, и ты бы не верил в бога».

«Спрашивай», — сказал Геркулес.

«Геркулес! — Саше было неловко, и он тянул время. — Скажи, тебя не дразнят «девчонкой» за то, что ты носишь длинные волосы?»

«Я не обращаю внимания на глупых людей, а умные никогда никого не дразнят».

«А меня дразнят «девчонкой». Это Гошка Сапегин придумал, хотя он совсем, по-моему, не глупый».

«Ну, если он не глупый, то он скоро перестанет тебя дразнить. А ты пока потерпи».

«Вот и мама говорит: «Ты пока потерпи». А знаешь, как трудно терпеть?.. Геркулес, а почему ты носишь длинные волосы?»

«Так нравится моей матушке, — сказал Геркулес. — А это для меня закон...»

Мать Саши осторожно подняла его на руки и понесла из комнаты.

«Ах, какой он стал тяжёлый, — подумала она. — Почти мужчина».

Стоило ему войти в класс, как на него вихрем налетел Гошка.

— Принёс марки? — спросил он, увидел по Сашиному лицу, что тот ничего не принёс, и закричал: — Не принёс? Несчастный хвастунишка, врун, врун! А может быть, у тебя их даже нет?

— Нет, есть, — соврал Саша. — Просто я забыл.

— Посмотрим, — сказал Гошка. — Потерпим до завтра. А то придётся тебя звать не просто «девчонкой», а «девчонкой-врунишкой».

После школы Саша решил зайти к Маринке и попросить у неё две марки. Подумаешь, две какие-то несчастные марки, неужели она не даст ему их. Он вошёл во двор и увидел, что ворота гаража открыты. Саша сначала заглянул в гараж. Там он увидел своего знакомого шофёра.

— Здравствуйте, дядя, — сказал Саша.

— А, здравствуй, малый, если не шутишь.

— Хотите, я вам принесу воды?

— Ну принеси, — ответил шофёр.

Саша схватил ведро и побежал в глубь гаража за водой. Принёс воду и сказал:

— А теперь мне надо идти.

— Важное дело? — спросил шофёр.

— Да, — ответил Саша. — Важное.

После разговора с шофёром у Саши настроение стало лучше. И он побежал к Маринке.

Она была дома одна. Сначала пришлось поиграть с ней в куклы, потом в пароходы, а потом Саша попросил у Маринки, чтобы она показала ему коллекцию папиных марок.

Маринка влезла в папин стол и достала большой квадратный альбом в синем переплёте... Каж-

дая страница была прикрыта в нём папиросной бумагой, а под бумагой, на сером толстом картоне, в карманчиках лежали марки.

— Только ты не перепутай их, а то папа будет ругаться. Он эти марки собирает всю жизнь, с девятилетнего возраста.

— А у нас в классе один мальчик, Гошка Сапегин,— сказал Саша,— тоже собирает марки. И даже меняется.

— Как это — меняется? — не поняла Маринка.

— Очень просто,— сказал Саша.— Он отдаёт, например, твоему папе лишние марки, а твой папа ему свои лишние марки.

— А у моего папы нет лишних марок,— сказала Маринка.

Саша подумал, что, пожалуй, Маринка не даст ему две марки для Гошки, и представил себе, как Гошка завтра будет кричать на него на весь класс: «Врунишка, хвастунишка!»

На каждом листе было написано название страны, но Саше трудно было прочесть эти названия. Он просто ворошил марки: на них были портреты каких-то людей, какие-то дома, деревья, звери, церкви... Их здесь было так много, и Саша подумал, что Маринкин папа совсем не обеднеет, если отдаст ему две марки для этого ненасытного, кровожадного Гошки.

— Ну, посмотрелся? — спросила Маринка.

Ей хотелось побыстрее убрать альбом в стол, потому что папа никому ни под каким видом не позволял брать альбом с марками без его разрешения. И Маринка впервые его сама держала в руках, и сделала она это только ради Саши.

— Сейчас,— ответил Саша и покосился на Маринку. Нет, и просить не стоит, всё равно не даст. Он уже хотел отложить альбом, но тут позвони-

ли в дверь, и Маринка побежала открывать. А Саша вдруг сделал нечто странное, нечто ужасно необыкновенное, нечто такое, что нельзя никому делать ни при каких условиях: он вытащил из марочного карманчика две маленькие старенькие марки (нет, он не взял большие, хорошие марки) и быстро положил их в карман. При этом у него сильно-сильно заколотилось сердце.

Тут же вернулась Маринка. Саша уже стоял в другом конце комнаты. Маринка взяла альбом и сунула обратно в стол. Саша решил ей сказать что-нибудь весёлое и беззаботное, хотелось ему притвориться, но вдруг у него пропал голос. Он постоял немного и прохрипел:

— Я пойду.

— Посиди ещё немного. Давай поиграем в «дочки-матери». Ты будешь мой сын, а я буду готовить тебе обед.

Но Саша не стал играть и ушёл домой.

Дома он вытащил марки из кармана, разгладил их и положил в дневник.

Глава восьмая

Нельзя сказать, что Саша чувствовал себя спокойно. Нет, совсем не так. Во-первых, ему совсем не хотелось есть, во-вторых, когда он делал уроки, то поставил две большие кляксы.

Бабушка уже два раза говорила ему, чтобы он шёл гулять во двор, но он отказывался.

И вдруг, когда Саша так сидел, раздался звонок в дверь. Он по привычке прислушался, кто пришёл. И когда он услышал голос Маринкиного папы, им овладел дикий страх, он судорожно схватил дневник и сунул его под тахту.

— Евдокия Фроловна, — сказал Маринкин па-

па,— вы меня ради бога извините, но произошла какая-то странная история: пропали мои две самые ценные марки. Вы понимаете, каждой марке по сто двадцать лет. Я за ними гонялся с детства.

— Вы уж простите меня, но я марки не собираю,— сказала бабушка.

— Извините, извините, я волнуюсь и говорю непонятно. Да, в конце концов, дело даже не в марках, а в факте...

— В каком факте? — спросила бабушка.

— В факте пропажи.

— В факте пропажи?

— Ну да. Возможно, он взял их по глупости. Ну, знаете, как ребята, не отдавая отчёта в своём поступке. Он ведь не понимает, какая это ценность.

— А я тут при чём? — не поняла бабушка.

— Их мог взять только Саша,— ответил Маринкин папа.— Он сегодня был у нас, попросил у Маринки посмотреть мой альбом... И вот результат: нет двух самых ценных марок.

В следующую секунду Маринкин папа и бабушка появились перед Сашей. Они стояли рядом, безмолвные, как статуи.

Саша поднял на них глаза и, стараясь говорить как можно громче, сказал:

— Я не брал марок. Честное слово, я не брал никаких марок.

Может быть, сейчас он даже сознался бы, отдал бы эти марки, но он просто боялся признаться.

— Саша,— сказал Маринкин папа. Он смотрел на Сашу сверху вниз, и Саше казалось, что он сейчас клюнет его носом в самую макушку.— Я понимаю, ты просто не подумал, тебе ничего не будет, я тебя заранее прощаю, только отдай мне марки.

— Я не брал марок,— снова сказал Саша и даже более уверенно.

Маринкин папа снова клюнул носом. Только теперь Саше показалось, что он просто готов заплакать и совсем не собирается клевать его в макушку.

— Ну, хочешь, я тебе дам за эти две марки пять марок: одну новую, например, марку республики Танганьики, Великобританию, Канаду, Ирак и любую страну по твоему выбору... Ну ладно, я тебе дам десять любых марок.

— Честное слово, я ничего у вас не брал,— сказал Саша. Ему стало как-то полегче, он понял, что никто не докажет, что именно он взял эти марки.

— Саша у нас никогда не врёт,— сказала бабушка.

Маринкин папа снова жалобно клюнул носом и сказал:

— Значит, это всё же сделала она, ну, я ей сейчас покажу!

Он выскочил из комнаты размашистым шагом, и Саша представил себе, как он бежит по лестнице, прыгая сразу через пять, нет, через десять ступенек, как он врывается домой и начинает страшным голосом кричать на Маринку и клевать её своим длинным птичьим носом.

— Саша,— сказала бабушка,— а может, ты всё же взял марки?

— Ничего я не брал,— сказал Саша.— И чего вы ко мне все пристали?—Он немного помолчал.— Бабушка, а что он сейчас сделает Маринке?

— Не знаю,— ответила бабушка.— Всякие бывают отцы. Один покричит и успокоится, а другой перестанет разговаривать. Не будет её замечать, точно она для него не существует: в общем, будет прорабатывать её своим молчанием и презрением. А другой, может быть, и накажет ремешком.

Бабушка вышла из комнаты. Саша тяжело вздохнул. Он сидел на тахте, под которой лежал его дневник с двумя марками. Ох эти проклятые две марки!

У Саши сами собой потекли слёзы и закапали на пол. Они падали на чистый, аккуратно натёртый паркетный пол, и на полу появились светленькие точки от Сашиных слёз. И тут вернулась бабушка. Она посмотрела на Сашу и сразу всё поняла.

Бабушка так сильно побледнела, точно случилось какое-то большое-большое несчастье. Она побежала к телефону, дрожащими руками набрала номер телефона и закричала в трубку маме: «Немедленно приходи домой!» Мама, видно, что-то спросила бабушку, и та ответила: «Жив, но немедленно приходи домой». Она повесила трубку и заметалась по комнате. Она металась по комнате до тех пор, пока не влетела мама.

— Полюбуйся на своего сына, — сказала бабушка. — Вот к чему приводит отсутствие отца. Он, он, он... — Бабушка заплакала. — Он украл две марки у Маринкиного отца. Влез в альбом и украл.

— Так, — сказала мама. — А откуда это стало известно?

— Сначала пришёл Маринкин папа, — ответила бабушка. — И он отказывался, нахально так отказывался, нагло. Представляешь, говорит: «Честное слово, я не брал». И я, старая дура, говорю: «Наш Саша никогда не врёт». А потом тот убежал, а он разревелся.

— Ты лгун и вор, — сказала мама. — Сейчас же соберайся, пойдём к Маринке.

Саша сидел, низко опустив голову.

— Посмотри на меня. — Она взяла Сашу за подбородок и подняла его голову.

И Саша увидел её глаза, и её рот, и веки глаз, которые всё время напряжённо вздрагивали. Всё-всё в этом лице было для него незнакомым и чужим.

— Где эти марки? — спросила мама.

Саша встал на колени, вытащил из-под тахты дневник и достал марки. Мама взяла марки в руки и долго-долго смотрела на них, стараясь прочесть, что там написано, точно это сейчас было самое главное.

— Пошли, — сказала мама.

— А может быть, их отнесу я? — робко прошептала бабушка.

Мама ей ничего не ответила, и они вышли на лестничную площадку. Саша шёл медленно-медленно, мама изредка подталкивала его.

Они вышли во двор, пересекли его и вошли в

подъезд, где жила Маринка. Сели в лифт и поднялись на шестой этаж.

— Звони,— сказала мама.

Саша надавил кнопку звонка. Им открыла дверь Маринка. Саша внимательно посмотрел на неё: она была такая же, как всегда. Значит, отец её не выполнил своей угрозы.

— Марина, позови своего папу,— сказала мама.

Маринка убежала и вернулась с отцом.

— Здравствуйте,— сказала мама.

— Здравствуйте,— ответил Маринкин папа и как-то весь согнулся, словно ему было неудобно, что он такой высокий.

— Ну? — сказала мама.

— Это я взял,— сказал Саша. Больше он ничего не мог выдать.

Мама протянула марки Маринкиному папе. Он схватил их и тут же стал рассматривать.

— Всё в порядке,— сказал он довольным голосом,— уголки не повредили. Знаете, я был уверен, что они найдутся, только боялся, что повредят уголки. Это самое ценное в марке.— Потом он посмотрел на Сашу и добавил: — Из тебя никогда не выйдет настоящего коллекционера.

Саша ещё ниже опустил голову, чтобы никого не видеть. Он теперь видел только ноги. Мамины ноги в туфлях на высоких каблуках, ноги Маринкиного отца в туфлях сорок пятого размера и Маринкины ноги в ботинках с облупленными носами. Эти ноги иногда немного двигались. Там наверху над ним его мама и Маринкин папа произносили какие-то слова, но Саша ничего не слышал.

— Нам пора,— сказала мама.— До свидания. Простите.

— Что вы,— сказал Маринкин отец. Он поче-

му-то тронул Сашу за плечо и клюнул носом.— В конце концов всё кончилось благополучно, и нечего так расстраиваться.

Он открыл им дверь. Первой вышла мама, а когда Саша проходил мимо него, он тихо прошептал ему: «Мужайся». И клюнул носом.

Всю дорогу домой Саша шёл позади матери. И думал, что теперь его долго-долго будет ругать бабушка, а потом она ещё возьмёт да скажет Петру Петровичу. Вот тогда-то совсем неизвестно, что делать...

Глава девятая

На следующий день утром Саша из дому вышел один. Обычно он выходил вместе с мамой, но сегодня она собралась раньше его и, не дожидаясь, не говоря ни слова, хлопнула дверью. А Саша вышел следом.

Он догнал её уже во дворе, вернее, не догнал, а увидел её спину. Рядом с ней шёл Маринкин папа. Мама что-то говорила ему, а он жалобно клевал носом. Видно, мама возмущалась Сашей, говорила, что она теперь никогда-никогда не простит его, что он распрощанный человек. Маринкин папа клевал носом, слегка покачивал головой, значит, он был во всём согласен с мамой.

Саша проводил их до троллейбуса, посмотрел, как они сели в троллейбус, как Маринкин папа подталкивал маму в двери машины, потому что троллейбус был набит до отказа. Потом Саша увидел в заднем окне мамино лицо и мамин весёлый платочек, который привёз ей папа из экспедиции по Средней Азии.

А потом Саша развернулся, чтобы идти своей дорогой, и тут на него наскочило такое настроение,

такой страх перед Гошкой, перед его приставанием и дразнилками, что он просто не пошёл в школу. Пускай они учат там свои «А» заглавные и «а» маленькие, «Б» заглавные и «б» маленькие, пускай они учат все остальные буквы, а он останется дурачком. Лучше быть дурачком, чем встречаться с Гошкой, с этим вредным Гошкой, которому он наобещал марки и столько из-за них перетерпел.

А в Москве для прогулок места много, и интересного в Москве очень много, столько интересно, что неизвестно, кто будет дурачком: Саша или те, кто сидит в школе...

Так он прожил целых пять дней. Приходил домой, его кормили, потом он для отвода глаз возился с тетрадями, потом всё прятал в портфель и убегал во двор. Никто с ним не разговаривал: ни мама, ни бабушка. А от Петра Петровича и от Маринки он прятался всеми правдами и неправдами.

В этот день он задержался дома дольше обычного. Бабушка куда-то ушла, и Саша ждал её возвращения, чтобы пообедать.

По коридору прошёл Пётр Петрович, достал что-то из почтового ящика, открыл к Саше дверь и сказал:

— Вам письмо с Камчатки, а мне с Южного полюса.— Потом он внимательно посмотрел на Сашу. (Тот на всякий случай низко опустил голову — так было удобнее: не видишь глаз человека, который с тобой разговаривает.) И добавил: — Где это ты пропадаешь последнее время?

— Я не пропадаю,— сказал Саша.— Просто много уроков.

— Уроки уроками,— сказал Пётр Петрович,— а старых друзей забывать не полагается.

Саша был рад, что поговорил с Петром Петро-

вичем, всё-таки легче на душе. И поэтому, когда Пётр Петрович позвал его условным стуком через стену, он с радостью побежал к нему.

Он вошёл в комнату и почувствовал, что соскучился по ней, по этому беспорядку, по книгам, которые валялись в разных концах комнаты в раскрытом виде: Пётр Петрович всегда читал сразу несколько книг; по карточкам Игоря, развешанным на стенах, по любимому волшебному креслу, по запаху этой комнаты.

— Какая жалость,— сказал Пётр Петрович.— Написал Игорю письмо, стал искать конверт и смахнул очки. Разбились вдребезги. Ты меня не выручишь, не напишешь адрес на конверте? Без очков я ничего не вижу.

Пётр Петрович встал со своего места и подтолкнул к стулу Сашу.

— Ну, давай пиши,— сказал Пётр Петрович.— Ты уже всю азбуку знаешь?

Саша мотнул головой: понимай как хочешь.

— Ну, давай пиши. Сверху, в углу, большими, печатными буквами напиши: АВИА.

Эти буквы Саша знал и с радостью, низко склонясь к конверту, написал сначала заглавную «А», потом «В», потом «И» и снова «А». Ах, как Саша старался, и как у него полегчало на сердце, когда он с такой лёгкостью справился с этим словом!

— Теперь напиши: Одесса. Давай по буквам: О, Д, Е, С, второй раз С, А. Написал?

— Написал,— ответил Саша, хотя в этом слове он пропустил букву «Е», а букву «С» развернул в другую сторону.

Ему стало немного жарко, и он уже со страхом стал ждать продолжение адреса.

— Теперь напиши: улица Карла Маркса, двадцать пять. По буквам: У, Л, И, Ц, А. Написал?

Саша кивнул, он окончательно запутался и ждал, когда же кончится это мучение.

Теперь, когда Пётр Петрович ему диктовал, он писал какие придётся буквы, писал их кверху ногами, и развернув в другую сторону, и просто придумывая какие-то новые, никому не известные буквы. А Пётр Петрович диктовал ему название улицы, потом название экспедиции и, наконец, фамилию и имя сына. Это ведь письмо должно было пройти далёкий путь. Сначала до Одессы на самолёте — для быстроты, потом пароходом поплывёт к Южному полюсу, через Чёрное и Красное моря, по Суэцкому каналу, огибая Африку, пересекая экватор, и, наконец, его привезут Игорю.

— Так. Спасибо,— сказал Пётр Петрович.— Теперь мы его заклеим.

Саша медленно пошёл к дверям. У дверей он оглянулся. Пётр Петрович рассматривал его каракули. Саша сделал последние два шага, чтобы навсегда покинуть эту комнату, и тут Пётр Петрович сказал:

— Прекрасно, прекрасно... Может быть, ты его бросишь в почтовый ящик, когда пойдёшь гулять?

Саша на секунду замер, потом бросился обратно к Петру Петровичу — значит, он ничего не разобрал из-за глаз,— схватил конверт.

— Я сейчас же пойду на улицу и брошу его в почтовый ящик. Я это сделаю сию же секунду.— Он выбежал в переднюю, на ходу схватил куртку, чтобы Пётр Петрович не передумал, и выскочил из квартиры.

Только во дворе Саша пришёл в себя: вытащил письмо, полюбовался своими каракулями, сложил письмо вдвое и спрятал в дальний карман. Надо было что-то придумать, нельзя ведь просто не от-

править письмо. И тут он столкнулся носом к носу с Маринкой.

— Здравствуй, Саша,— сказала Маринка.

— Здравствуй,— сказал Саша.

— Ой, снова пошёл дождь! — сказала Маринка.— Ты без дела вышел на улицу или по делу?

— Без дела,— сказал Саша.

— Тогда пойдём ко мне,— сказала Маринка.

— Нет,— ответил Саша.

— Пойдём,— сказала Маринка и добавила между прочим: — У нас дома никого нет.

— Не пойду,— сказал Саша.

— Глупый,— сказала Маринка.— Папа совсем на тебя не сердится.

— Я видел, как моя мама разговаривала с ним. Она меня ругала, ругала, а он кивал головой, что согласен с ней. Теперь у меня вообще знаешь какая жизнь: мама со мной не разговаривает, бабушка не разговаривает.— Он сунул руку в дальний карман, пощупал письмо Петра Петровича и просто чуть не заплакал.

— Мой папа так делал головой? — спросила Маринка и показала, как её отец клевал носом.

— Так,— ответил Саша.

— Это значит, что он тебя совсем не ругал, это значит, что ему было тебя жалко. Он всегда так делает, когда ему кого-нибудь жалко. Ясно тебе?

— Ясно.

— Смотри, какой сильный дождь пошёл,— снова сказала Маринка.— И листья на деревьях все облетели... Скоро придёт зима. Ну, побежали к нам.

И они побежали к Маринке. Они поиграли в автомобили, потом в самолёты. А потом Маринка сказала:

— Давай смотреть марки.

— Не хочу,— решительно сказал Саша.— И вообще я ухожу.

— А мне теперь папа разрешает смотреть свой альбом,— сказала Маринка.— Это теперь наш общий альбом. Мы с ним вместе собираем марки.

Маринка, не дожидаясь, когда Саша уйдёт, вытащила альбом и положила его на стол.

— Смотри, вот новая марка республики Алжир. А вот новая кубинская марка. Правда, красивая?

Саша взял марку и долго разглядывал её рисунок. А Маринка несколько раз выходила из комнаты, чтобы показать, что она полностью доверяет Саше.

...Когда Саша открыл входную дверь в свою квартиру, он услышал голос Александры Ивановны.

— Может быть, он перестал ходить в школу, потому что его один мальчик дразнил «девчонкой»? — сказала Александра Ивановна.— За его длинные волосы. А может быть, ещё что-нибудь случилось, в этом надо разобраться...

Саша слышал, как бабушка жалобно вскрикнула.

— Ну, что вы, право, Евдокия Фроловна, — услышал Саша голос Петра Петровича.— Ничего ведь страшного не произошло. Мальчик выходит в жизнь, на его пути первые трудности... Ну, вот он перед ними и спасовал.

— Не успокаивайте меня, Пётр Петрович,— сказала бабушка.— Просто мы его не так воспитали. Мало было строгости. Что теперь делать, ума не приложу, а Ольге даже боюсь об этом сказать. Столько у неё переживаний, столько переживаний... А ведь раньше он был такой смирный, ласковый мальчик.

— Слишком смирный,— сказал Пётр Петрович.— Вы помните моего Игорька, Александра Ивановна? Парень был боевой.

— Боевой,— сказала Александра Ивановна.— Очень боевой, а Саша весь в себе, он когда откроется, когда наберётся храбрости, тоже будет боевой.

— Ну что же делать? — снова спросила бабушка.

— А вы положитесь на меня,— ответила Александра Ивановна.— Вот он придёт, я с ним переговорю и всё улажу.

Саша потихоньку сделал шаг назад, всунул ключ в замочную скважину, чтобы дверь не щёлкала замком, и осторожно прикрыл её.

Он шёл по улице, не разбирая дороги, ступая по лужам, в лицо ему хлестал противный колючий дождь, подгоняемый ветром. А он всё шёл и шёл, мимо освещённых окон, мимо людских теней на этих окнах, он шёл совсем один, и ему сейчас было так жалко себя и хотелось умереть, хотелось навсегда расстаться с этой постылой жизнью.

Ну скажите, разве это не глупо? Разве это не глупо — из-за каких-то неприятностей так думать о жизни и отказаться от школы, от учения, от будущих полётов в космос, от мамы и бабушки, от отца, который, может быть, сейчас, в этот момент, открыл тайну вулканов. Всё только из-за того, что он не может пойти и во всём честно сознаться, всё только из-за того, что не может постоять за себя. Ах, какой он был слабовольный!

Его нашла во дворе мама, привела домой, напоила горячим чаем с малиной и уложила в кровать. Она всё делала молча, не ругала его, и Саша даже не знал, рассказала ли бабушка ей о том, что к ним приходила Александра Ивановна.

Ночью Саша проснулся от каких-то шорохов.

Ему стало страшно и захотелось закричать, но потом ему показалось, что это кто-то плачет. Видно, это плакала бабушка.

— Бабушка, бабушка! — тихо позвал он.

Но бабушка не откликнулась, а Саше ужасно хотелось пить.

Он осторожно встал и, ступая неслышно, почти не касаясь ногами пола, вышел из комнаты. Прошёл по коридору и, вместо того чтобы идти на кухню за водой, открыл комнату Петра Петровича.

Как он долго не сидел в этом кресле, просто ужасно долго, целую неделю, он так соскучился по креслу. А сейчас он сядет в кресло и будет сидеть в нём столько, сколько ему захочется.

И вдруг он увидел, что кресло уже кем-то занято. Опять ему не повезло, даже ночью, когда уже все спят, кто-то захватил его любимое кресло.

И вдруг, вдруг, вдруг случилось такое необыкновенное счастье: в кресле сидел сам Геркулес!

«Милый, милый Геркулес,— прошептал Саша.— Спасибо, что ты пришёл. Тебе не страшно ходить ночью?»

«Я ничего не боюсь»,— ответил Геркулес.

«Ах, какой ты храбрый,— сказал Саша.— Я тоже хочу стать таким храбрецом, но мне всегда что-нибудь мешает. Вот сейчас я ужасно хочу пить».

«Пить, пить, пить,— пропел Геркулес.— Самое главное, чтобы ты сохранил верность другу Петру Петровичу».

«Геркулес, можно, я посижу рядом с тобой? — попросил Саша.— А то я целую неделю не сидел в кресле...» — Саша тихо опустился в кресло, оно звякнуло под ним, и этот звук отчаянно-громко зазвенел в ночной тишине.

И в ту же секунду в комнате загорелся свет, и перед Сашей появился Пётр Петрович. Саша испу-

гался, что он сейчас накричит на него, но Пётр Петрович не стал кричать. Он нагнулся и потрогал губами его лоб.

— Э, брат, да ты горишь, у тебя, брат, жар,— сказал Пётр Петрович.

Он взял Сашу за руку и повёл обратно к нему в комнату. Разбудил бабушку и маму, и они втроём уложили Сашу в кровать. И мама впервые за эти дни поцеловала Сашу и стала расспрашивать, что у него болит.

Глава десятая

Саша лежал уже несколько дней и никак не поправлялся. У него была сильная ангина, и ещё доктор сказал, что Саша чем-то сильно взволнован и это мешает ему, доктору, бороться с болезнью.

Саша лежал в абсолютной тишине. Так нехорошо, когда сильная ангина. Не хотелось разговаривать, больно было открывать глаза, больно глотать и совсем не хотелось есть.

И вдруг он услышал чей-то громкий голос. Приоткрылась дверь, и Саша увидел Петра Петровича: его лохматую седую голову, его лицо.

— А, Пётр Петрович, здравствуйте,— сказал Саша, и, хотя у него сильно болела голова, он сразу вспомнил, что на самом дне кармана его куртки до сих пор лежит неотправленное письмо.— Что-то у меня голова кружится.

— Э, брат, да ты совсем сдаёшь позиции.— Пётр Петрович сел около Саши и положил ему руку на лоб.— Не такая уж горячая голова.

У Петра Петровича была мозолистая рука, и Саша почувствовал, как твёрдые камушки его мозолей царапают ему лоб.

— Я заразный,— сказал Саша.

— Ерунда,— ответил Пётр Петрович.— Я этой проклятой ангиной болел сто тысяч раз.

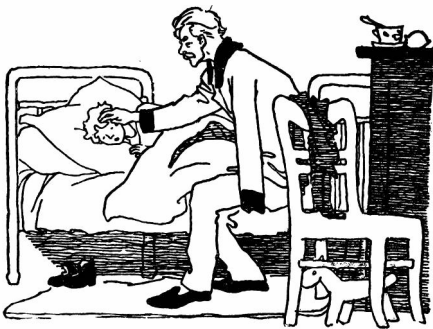
Саше было трудно разговаривать с Петром Петровичем, и он закрыл глаза.

Пётр Петрович встал, потоптался и осторожно, на цыпочках пошёл к двери. Потом остановился, повернулся к Саше и сказал:

— Но пасаран! — громко так сказал, так громко, как давно уже никто не говорил в Сашиной комнате.

Саша поднял глаза на Петра Петровича. Ему трудно было это сделать, но Пётр Петрович произнёс какие-то непонятные слова, и Саша заставил себя открыть глаза.

— Но пасаран! — ещё громче сказал Пётр Петрович.— Они не пройдут!

— Кто не пройдёт? — спросил Саша.

— Так говорили испанские революционеры.

— Всё вы перепутали, — сказал Саша. — Во-первых, не испанские революционеры, а кубинские. А во-вторых, не «Но пасаран», а «Патриа о муэрта» — «Родина или смерть».

Пётр Петрович снова сел на Сашину кровать.

— Дело в том, — сказал Пётр Петрович, — что это было двадцать девять лет назад. Поэтому ты ничего об этом не знаешь. Ты меня слушаешь?

Саша кивнул.

— Испанские революционеры сражались не хуже кубинцев, но их было мало, а испанским фашистам помогали германские и итальянские фашисты. Силы были не равны, но дрались революционеры храбро... Я сам был в Испании в те годы, солдатом Интернациональной бригады. У нас в бригаде были немцы, французы, англичане, венгры — в общем, все, кому дорога была испанская революция, кто ненавидел фашизм. — Он помолчал. Потом прибавил: — Как это хорошо, когда умеешь ненавидеть. Знаешь, люди, которые умеют ненавидеть плохое, самые замечательные люди.

— Пётр Петрович! — У Саши сильно-сильно закружилась голова, он крепко сжал кулаки и уже хотел из последних сил крикнуть: «А я плохой, я самый плохой человек на свете, потому что в кармане моей куртки лежит ваше письмо к Игорю...» Но вместо этого он сказал: — Пётр Петрович, расскажите мне ещё про Испанию.

— Ладно, — согласился Пётр Петрович, — слушай... Во время одного боя меня сильно контузило, и я потерял сознание, ну и фашисты меня схватили. Привезли в деревню и бросили в подвал. В подвале уже сидело трое мужчин. Один старик, видно испанский крестьянин, и двое мужчин помоложе.

Они сидели в трёх разных углах подвала. Я сел в четвёртый. Так мы и сидели, каждый в своём углу. А где-то совсем недалеко слышались разрывы гранат, уханье пушек. Наши продолжали бой.

«Надо поговорить с ними,— подумал я.— Но, может быть, среди них был фашист, которого посадили сюда подслушивать наши разговоры? Такое тоже могло быть».

Сидим, молчим, смотрим друг на друга. И вдруг я слышу в перерыве между грохотанием боя, будто кто-то поёт. Тихо так поёт, еле слышно. Поднял голову, оглянулся: вижу — поёт мужчина, который сидит напротив меня. Поёт на французском языке. Рубашка на нём разорвана, один глаз заплыл от удара. В общем, совсем вроде ему незачем петь. А он поёт. И вдруг меня как ударило: он пел «Интернационал»!

— Понимаешь,— сказал Пётр Петрович,— этот человек пел «Интернационал», хотя был избит и еле двигал губами, и рядом шёл бой, и надо было совсем не петь, а постараться, пользуясь наступлением наших, вырваться из подвала.

Саша открыл глаза.

— И тут я догадался, почему он пел. Он искал товарищей по борьбе. Он хотел узнать, кто сидит рядом с ним: друзья или враги. Тогда я встал перед ним и тихо пропел по-русски: «Вставай, проклятьем заклеймённый, весь мир голодных и рабов. Кипит наш разум возмущённый и в смертный бой вести готов...»

Ах, как ударили по сердцу Петра Петровича эти слова, хотя прошло столько лет и казалось, что эта испанская история давно забыта. Он замолчал. Перед ним стояли те трое из подвала.

— Ну? — сказал Саша.

— «Камарад»,— сказал мне француз. Это зна-

чит — товарищ, друг. И показал на место рядом с собой.

Теперь нас было двое. И тогда поднял голову второй мужчина и запел «Интернационал» на немецком языке. Потом он пересел к нам. Мы сидели рядом, плечом к плечу: русский, француз и немец. Мы сидели рядом, и я чувствовал тёплое плечо француза. Понимаешь, мы верили друг другу. В этот момент во всём мире не было более верных товарищей, чем были мы. Без слов. «Интернационал» был для нас как пароль...

А бой приближался. Старик испанец что-то сказал по-испански, подошёл к ящикам, которые стояли у стен, и попытался сдвинуть один из них. Ящики были тяжёлые, и он показал нам, что нужно дверь завалить этими ящиками и чтобы мы помогли ему это сделать. Мы стали подтаскивать ящики к дверям. Ставили один на другой. В два ряда поставили, накрепко завалили дверь.

Старик правильно придумал; нам надо было продержаться в подвале, пока наши захватят деревню. И только мы отошли от дверей, как слышались чьи-то быстрые шаги. Кто-то откинул засов и толкнул дверь. Но дверь даже не шелохнулась: ящики были тяжёлые. Тот толкнул дверь сильнее и громко крикнул по-испански. По лестнице зацокали ещё чьи-то шаги, и теперь уже вдвоём они поднавалились на дверь. Мы все четверо, как по команде, бросились к ящикам и стали их придерживать со своей стороны...

А бой уже был в деревне, нам нужно было продержаться, может быть, минут десять, не больше. Мы слышали, как те двое стали быстро подниматься по лестнице...

Мы думали, что они ушли, а они не ушли. Они подобрались к окну, вышибли стекло и бросили к

нам в подвал гранату. Она упала ближе всех к немцу. Я видел её упругий гофрированный корпус. Ещё секунда, она взорвётся и разлетится на тысячу мелких осколков. И тут немец бросился вперёд и накрыл эту гранату своим телом, и она взорвалась под ним.

— Зачем он это сделал? — спросил Саша.

— Он не хотел, чтобы погибали все, — сказал Пётр Петрович. — Он хотел, чтобы мы остались жить и продолжали борьбу. По-моему, он ненавидел фашизм больше, чем любил жизнь. Такой был человек. И тогда старик испанец, который, может быть, до сих пор даже не участвовал в революции, тихо-тихо сказал: «Но пасаран»...

К Саше пришла медсестра, чтобы сделать ему укол пенициллина, и Пётр Петрович замолчал.

Саша крепко-крепко зажмурился, он очень боялся. Он даже не мог смотреть на иглу, так он боялся. Но Саша не выдал себя, потому что над ним возвышалась лохматая голова Петра Петровича. А рядом с ним стояли те трое из подвала: француз, немец и испанский крестьянин. Саша отлично их всех видел.

Они стояли перед ним как живые.

Глава одиннадцатая

Однажды, когда Саша был ещё болен, пришло от папы письмо. Бабушка надела очки, села около Саши и стала читать.

— «Дорогие мои Оля и Саша! — писал папа. — У нас уже выпал снег, и работа моя теперь идёт медленнее. Только вчера вернулся из небольшого похода: ходили в район гейзеров. Мороз был десять градусов, а температура воды в озерах от гей-

зеров тридцать шесть градусов тепла. Мы все от- лично выкупались. А теперь о самом главном: я здесь должен прожить до следующей осени. Может быть, вы ко мне приедете? А то я совсем одичал и сильно скучаю о вас. А здесь для вас дивное диво. Будете купаться в озёрах зимой, ходить на лыжах, ездить на собаках. А кроме всего прочего, здесь снег солёный, потому что морские штормы и ветры поднимают большое количество морских капель в воздух, эти капли замерзают и вместе со снегом па- дают на землю. Разве это не сказка: солёный снег? Приезжайте, не пожалеете.

Сашка, ты будешь ездить в школу на собаках. Их у меня девять: Троп, Ветка, Игла, Леди, Музы- кант, Тяпа, Сокол и Бутон. А самый главный пёс Алерт — это вожак, он бежит впереди, ведёт упр- яжку. Он рыжий, очень сильный и умный. Приез- жайте. Я вас подыму к кратеру вулкана, и вы по- чувствуете, как дрожит под ногами земля и кто-то сопит в кратере, точно дышит через большой-большой нос. И вы сможете просто, например, плюнуть в кратер. Это ведь замечательно!

Ваш бородатый «очкарик». Самый низкий по- клон Евдокии Фроловне. Сергей».

— Не надо мне его поклонов! — возмутилась бабушка. — Чего придумал! Больного, слабого ре- бёнка тащить на Камчатку. Виданное ли дело: сол- лёный снег, купание в озёрах, в школу на собаках ездить. Сказочник. Вот я ему сама отпишу.

— А я поеду на Камчатку, — сказал Саша. — Я поеду.

— Прежде всего, — сказала бабушка, — надо поправиться и посоветоваться с врачом. А может быть, тебе нельзя менять климат?

— А ты не пиши пока папе письмо, — попросил Саша. — Не будешь писать?

— Не буду,— сказала бабушка.— Только поправляйся поскорее.

А когда пришла мама, он сказал:

— Я скоро поправлюсь, и мы поедem к папе. Ладно? Я тебя очень прошу. Очень, очень, очень...

Вот хорошо бы уехать к папе на Камчатку, забыть про московские неприятности, не ходить вату школу. А письмо Петра Петровича можно было оставить у бабушки, и она всё бы сделала как надо. Тогда ему стало бы так легко и свободно и можно было жить в полное своё удовольствие.

Глава двенадцатая

Когда Саша первый раз вышел из дому, уже наступила поздняя осень. Во дворе были лужи, а в лужах плавали жёлтые листья.

Первым делом он отправился в гараж. Ничего не изменилось там за его отсутствие. В гараже по-прежнему пахло бензином и маслом, и даже его знакомый шофёр, как прежде, возился со своей «Волгой».

— Здравствуйте, дядя! — сказал Саша.

— А, здравствуй, малый,— сказал шофёр.— Как живёшь?

— Я болел,— ответил Саша.— У меня была ангина.

— То-то, я смотрю, ты побледнел, и лицо у тебя как-то вытянулось. Небось ослабел?

— Ничего,— ответил Саша.— Я теперь буду есть каждый день геркулесовую кашу и поправляюсь.

Потом Саша увидел Маринку и побежал к ней.

— Какой ты худой, одна кожа и кости,— сказала Маринка.

— А мне делали уколы,— сказал Саша.

— Больно? — спросила Маринка.

— Нет, совсем не больно,— сказал Саша.—

А потом, я терпеливый.

— А вот это тебе.— Маринка вытащила из кармана конверт и протянула Саше.

Саша взял конверт.

— А ты открой, открой,— сказала Маринка.

Саша открыл и увидел там несколько марок.

— Десять штук,— сказала Маринка.— Это тебе от моего папы, для начала коллекции.

— Спасибо,— сказал Саша.

Мимо них проехала машина из гаража, и Саша помахал рукой шофёру. Машина подъехала к воротам. А в воротах стояла Сашина бабушка, разговаривала с какой-то женщиной и не видела, что загрозила дорогу машине.

— Эй, тётка! — грубо крикнул шофёр.— Нашла где стоять, а то толкану машиной, костей не соберёшь.

И Саша это всё слышал. Это так кричали на его бабушку, на самого хорошего, доброго человека! И кричал не кто-нибудь, а его друг — шофёр, дружбой с которым он так гордился!

Саша покраснел, потом побелел и вдруг бросился со всех ног за машиной. Он подскочил к шофёру и крикнул ему в лицо:

— Если вы ещё раз когда-нибудь закричите на мою бабушку, я вас... я вас... я вас ударю! — Он кричал высоким тонким голоском.

Вот сейчас что-то должно было случиться. К нему подбежала Маринка и стала рядом.

— Ух ты,— сказал шофёр,— какой рыцарь, прямо благородный рыцарь! — Он оглушительно рассмеялся.

Больше он ничего не мог сказать. Просто не

знал, что ему говорить. Может быть, ему стало стыдно. До сих пор он часто так гремел басом на людей и никогда не задумывался, что обижает их. Он кричал на них и уезжал дальше своей дорогой. А тут впервые ему сказали такие слова. И кто сказал? Маленький мальчик, которого он мог одним щелчком опрокинуть на землю, о котором он даже не помнил, стоило ему уйти с работы. Он даже не знал его имени.

Саша стоял перед ним, как дикий зверёк, решительный, отчаянный, готовый до конца отстоять свою бабушку. Он сейчас совсем не боялся и совсем не стеснялся, это было с ним впервые. Пусть все-все люди смотрят на него, а он ничего не боится. Пусть на него смотрят случайные прохожие. И только где-то в глубине его глаз шофёр увидел и боль и обиду. Тогда он сказал:

— Ну, прости, малый, виноват, кругом сто раз виноват, и вы, бабушка, великодушно простите.

Он тронул машину и помахал Саше рукой.

— Ой, Саша, какой ты храбрый! — сказала Маринка. — Ты просто настоящий храбрец.

Смешная Маринка! Она клевала носом, совсем как её отец.

А бабушка хотела сначала отругать Сашу за то, что он лезет не в своё дело, но потом передумала. Разве можно ругать человека за благородные поступки: нет, конечно! И бабушка это отлично знала. Тем более, что у неё в голове вдруг запела старая забытая песня. Ей захотелось запеть эту песню вслух, так у неё было радостно на сердце, но она сдержалась. Пели одни глаза, пели тысячи мелких морщинок около глаз, пели губы, они почему-то расползлись в улыбку. Никто бы даже не поверил, что бабушка умеет так весело и молодо улыбаться. Пели руки, когда они стали, непонятно зачем, по-

правлять шапку у Саши. Так у неё было хорошо на сердце, ведь до чего дожила: Саша заступился за неё! Значит, не зря она сидела около него ночами, когда он болел. Жив человек.

Это всё бабушка подумала про себя, а вслух сказала самые обыкновенные слова:

— Тебе пора домой. Для первого дня вполне достаточно.— Она взяла Сашу за руку и повела домой.

Глава тринадцатая

— Тебе надо немного отдохнуть,— сказала бабушка.— Ты ещё не окреп после болезни. Ложись в постель.

— Лучше я посижу в кресле у Петра Петровича,— сказал Саша.— Можно?

— Можно,— ответила бабушка.

По дороге в комнату Петра Петровича Саша остановился у вешалки, вытащил письмо из кармана куртки и переложил в брюки. Он решил сегодня обязательно всё рассказать Петру Петровичу. Пришёл, сел в кресло и стал ждать.

Вот хорошо было бы, если бы с письмом тоже всё кончилось, а потом они бы уехали к отцу на Камчатку. Неужели Пётр Петрович не простит его?

Саша тяжело вздохнул: может быть, и не простит. Но всё равно он ему всё скажет. А то ведь что получается: Игорь там ждёт это письмо и волнуется, что Пётр Петрович молчит, а письмо лежит у него. Хорошенькое дело!..

«Ах, наконец ты появился, милый Геркулес. Я тебя ждал столько дней, ты мне был нужен, у меня были неприятности».

«Я всё знаю»,— ответил Геркулес.

«Ты знаешь всё? — испугался Саша. — И про марки тоже?»

«И про марки», — сказал Геркулес.

«Ты меня очень презираешь?»

«Сначала я тебя очень презирал и решил навсегда тебя покинуть, а потом я понял, что ты это сделал случайно и что ты больше никогда не сделаешь ничего подобного. И потом, у тебя хватило мужества во всём сознаться. Ты пошёл к хозяину марок, а это не каждый может...»

«Это меня мама заставила, — ответил Саша. — Сам бы я никогда не решился».

«Когда я был мальчишкой, у нас на острове жил слепой старик. Он был очень бедный и писал стихи. А люди приносили ему еду, кто что мог. Виноград, хлеб, молодое вино. А мы, мальчишки, из озорства воровали у него эту еду. И вот старик перестал писать стихи, потому что ему нечего было есть и ещё потому, что он решил: раз люди не приносят ему еды, значит, им не нравятся его песни. Тогда я ему всё рассказал».

«Геркулес, а он простил тебя?»

«Он меня очень долго не хотел прощать, но я ходил к нему каждый день: убирал в его доме, носил еду, стирал одежду в море. А он всё равно не хотел меня прощать. Тогда я выучил много-много его стихов на память и стал их читать людям, и он простил меня».

«И я обманул одного человека, Петра Петровича. Ты его знаешь. А он тоже очень много сделал для меня. Например, если бы не он, то я бы не знал о тебе ничего...»

«Нехорошо! — закричал Геркулес. Он выхватил из-за пояса широкий короткий меч и стал им размахивать над Сашиной головой. — Опомнись, пока не поздно, опомнись...»

«Геркулес, Геркулес, куда ты пропал? Где ты? Я тебе не успел сказать, что я уже решил, я сегодня всё расскажу Петру Петровичу...»

Перед Сашей стояла мама.

— А куда девался Геркулес? — спросил Саша.

— Убежал, — сказала мама. — Увидел меня и убежал. А спать, между прочим, полагается в постели. Вот справка от врача. Тебе разрешается, во-первых, завтра идти в школу, а во-вторых... — мама замолчала, и у Саши гулко-гулко забилося сердце, потому что он, кажется, догадался, что ему разрешается во-вторых, — а во-вторых, тебе разрешается выехать на Камчатку.

— Ура-а-а! — закричал Саша. — Ура-а-а! Значит, мы уезжаем к папе. Значит, завтра я в школу не пойду, а буду собираться в дорогу.

— Чудачок, — сказала мама. — Мы с тобой поедem весной. Раньше меня с работы не отпустят. А теперь пошли, я тебе остригу волосы, а то ты совсем как девочка.

Мама взяла ножницы и уже хотела подстричь его, но он остановил её руку.

— Я не хочу стричься, — сказал Саша.

— Ты сам просил, а теперь не хочешь? — удивилась мама. — Сам говорил — мужчина должен носить короткие волосы.

— А у Геркулеса тоже были длинные волосы, — сказал Саша.

— Откуда ты это знаешь? — спросила мама.

— Знаю, — ответил Саша. — Я не буду стричься.

— Тогда давай укладывайся спать, — сказала мама. — А то завтра проспишь.

— Мне надо подождать Петра Петровича, — ответил Саша. — Мне это очень надо.

— Ты ложись и жди, — сказала мама. — А ко-

гда Пётр Петрович вернётся, я попрошу, чтобы он к тебе заглянул.

Но Пётр Петрович пришёл поздно, Саша уже спал. А утром, когда Саша уходил в школу, Пётр Петрович ещё спал. Поэтому по дороге в школу у Саши было скверное настроение: неотправленное письмо всё время напоминало о себе. Попробуй тут повеселись!

Глава четырнадцатая

— Огоньков пришёл, Огоньков пришёл! — закричали ребята и бросились к нему навстречу.

А потом, когда кончились первые минуты встречи, когда ребята похлопали его по плечу и узнали, что ему делали уколы, вдруг в наступившей тишине раздался ехидный голос Гошки. Он один не подошёл к Саше.

— А, пришла наконец наша девица-красавица златокудрая! — сказал Гошка.

Трое или четверо мальчишек захихикали. А остальные промолчали, они видели, как Саша побледнел. Ещё секунда, ещё полсекунды, и он опять смолчит и оставит Гошкины слова без ответа, и всё пойдёт по-старому. И тогда он, затравленный, как Пушкин был затравлен французским офицером Дантесом, решил восстать.

Саша подошёл к Гошке. Тот встал ему навстречу, а Саша сильно толкнул его в грудь, и Гошка от неожиданности снова сел.

— Я ни за что не остригу волосы, — сказал Саша. — Потому что так нравится моей маме.

И столько в нём было решимости и отваги, столько стойкости, ровно столько, сколько было во всех тех взрослых людях, которые совершали подвиги на войне или на работе.

А потом Саша достал из портфеля конверт, который ему подарила Маринка, вытащил оттуда две марки и протянул Гошке.

— Вот тебе то, что я обещал,— сказал Саша.

Тут же вокруг них образовалась толпа ребят, им всем было интересно посмотреть, что Саша дал Гошке.

— Осторожнее, осторожнее,— сказал Гошка.— Марки-то ценные.— Потом он повернулся к Саше: — Завтра я тебе принесу в ответ две марки, они будут не хуже твоих.

— Мне не надо,— сказал Саша.— Я ещё пока не начал собирать марки.

Мальчишки увлеклись марками и прослушали звонок.

В класс вошла Александра Ивановна.

— Это что за безобразие! — сказала она.— Почему вы не на местах? Никакой дисциплины.

Они, как стая испуганных воробьёв, тут же разлетелись по своим углам, и только Саша остался стоять около Гошки.

— А, Огоньков, здравствуй,— сказала Александра Ивановна.— Поправился, значит?

— Поправился,— сказал Саша.

— Ему уколы делали! — выкрикнул Гошка.

— Болеть плохо,— сказала Александра Ивановна.— Но если уж заболел, то нужно быть терпеливым. Не бояться уколов, принимать горькие порошки...

— А он смелый! — снова выкрикнул Гошка.

— Помолчи, Сапегин,— сказала Александра Ивановна.— А тебе, Саша, мы все очень рады. Только теперь придётся тебе подналечь на учёбу. Садись на своё место. Ты не забыл, где оно?

Все рассмеялись, и Саша тоже рассмеялся. Смешная Александра Ивановна! Разве можно забыть

своё место? Саша прошёл через весь класс и сел за парту.

— Ребята, вы помните, какой сегодня день? — спросила Александра Ивановна. — А то ведь Саша Огоньков этого не знает.

— Помним, помним! Сегодня нас принимают в октябрюта!

— Да, сегодня вас принимают в октябрюта, — сказала Александра Ивановна. — Теперь вы будете не просто ученики первого класса, а ленинцы-октябрюта. А Владимир Ильич Ленин был такой правдивый человек, он так любил правду, что даже в шутку никого не обманывал. Это вам всем надо запомнить на всю жизнь.

Саша посмотрел на Александру Ивановну, и ему вдруг показалось, что она знает, что на самом доньшке его кармана лежит неотправленное письмо Петра Петровича, а её бывший любимый ученик, а ныне капитан дальнего плавания Игорь Добровольский ждёт это письмо.

Ему захотелось вскочить с места, и опрометью броситься к Петру Петровичу, и рассказать ему всё, а потом уже спокойно вернуться в школу. Он выскочил из-за парты, чтобы уйти.

— Ты что, Огоньков, опять за старое? — удивилась Александра Ивановна.

— Мне нужно домой, — ответил Саша.

— Что такое произошло? — строго и недовольно спросила Александра Ивановна.

— Я не могу вам рассказать, но мне нужно домой.

— Может быть, у тебя что-нибудь болит? Ты сядь, успокойся.

Саша мог соврать, что у него заболела голова или живот, но ему так снова не хотелось врать, так ему было противно врать. Он снова встал.

— Огоньков, я тебя слушаю,— сказала Александра Ивановна.

Саша посмотрел на ребят: они притихли и ждали, что он ответит. Ему было страшно-страшно. Если бы кто-нибудь знал, как ему страшно! Вот бы стать взрослым — им всё легко и просто, они знают, что хорошо и что плохо, и никогда не мучаются, если надо в чём-то признаться. Он совсем сник, но потом он сделал над собой ещё одно героическое усилие и тихо-тихо сказал:

— Пётр Петрович, наш сосед, написал своему сыну письмо. У него сын капитан дальнего плавания и сейчас плавает около Южного полюса. Но он не успел написать адреса на конверте: уронил очки на пол и они разбились. А без очков он ничего не видит. Тогда он позвал меня, чтобы я написал адрес. Он диктовал адрес по буквам, а я не знал, как они пишутся. Я стал писать вместо них палки. А потом он заклеил письмо и отдал мне, чтобы я тут же отнёс и бросил его в почтовый ящик.

— И ты бросил его в почтовый ящик? — спросила Александра Ивановна.

— Нет,— ответил Саша.— Вот оно.— Он вытащил письмо из кармана и протянул Александре Ивановне.

Александра Ивановна взяла конверт и попыталась прочитать то, что написал Саша, но у неё ничего не получилось. Вот ведь какой этот Саша Огоньков, вечно с ним что-нибудь случается! Потом она вспомнила Игоря Добровольского, того самого Игоря, которому было адресовано это письмо, и подумала, что у него тоже всегда случались какие-то истории.

А потом она вспомнила десяток других мальчишек и девчонок, которые прошли через её руки, через её старые, грубые, рабочие руки, и эти руки

до сих пор ещё помнят тепло их кожи и нежность волос, и все они выдумывали какие-то истории. И сейчас вот этот герой, Саша Огоньков. Но ведь главное было в том, что Саша Огоньков сделал самое трудное — он признался. Будут в его жизни ещё и ошибки и трудности, и пот и соль, но в одном он уже окреп: он полюбил правду. И это было самое главное.

В классе было тихо-тихо. Александра Ивановна подняла голову.

Вот они сидят перед ней: двадцать девять учеников. И у всех у них разные глаза, разные волосы, разные носы. Говорят, нет на свете двух одинаковых носов или двух одинаковых рук. Удивительно.

«Нет, нет,—подумала Александра Ивановна.—Глаза-то у них разные и руки разные, а вот в характерах много общего: сейчас они все ждут, что я скажу. И всем им очень хочется, чтобы я простила Сашу. А какие глаза у Огонькова, я не помню. Стара стала, теряю наблюдательность».

Она подошла вплотную к Саше и посмотрела ему в глаза.

— На, возьми это письмо,—сказала она. «А глаза-то у него синие, мои любимые».—Сегодня его отдашь Петру Петровичу и передай от меня привет.

И все в классе вздохнули, а Саша наконец сел на своё место.

Глава пятнадцатая

Домой Саша возвращался с Гошкой. Они шли и разговаривали. У Гошки пальто было нараспашку, чтобы все-все встречные видели, что у него слева на груди краснеет звёздочка октябрёнка.

А у Саши пальто было застёгнуто на все пуговицы, его не приняли в октябрюта. Он понимал, что, прежде чем его примут в октябрюта, он должен сделать очень многое. Он понимал, но всё равно у него было печально на сердце.

— Смотри-ка, идёт снег,—сказал Гошка.—Значит, скоро зима.

— А на Камчатке уже зима,—ответил Саша.— А снег там солёный на вкус.

— Ловко ты придумал,—засмеялся Гошка.— Солёный снег. Опять врёшь.

— Я так полюбил правду,—сказал Саша,— что теперь даже в шутку никогда не буду врать. А снег там солёный от морской воды. Ясно?

— Ясно,—неуверенно ответил Гошка.

Всё в этом мире загадочно и неожиданно. Это теперь Гошка тоже понял. Солёный снег где-то на Камчатке или чудесные марки, которые ему принёс сегодня Сашка. Или вот сам Сашка: ещё вчера все думали, что он последний трусишка. А сегодня убедились, что он просто храбрец.

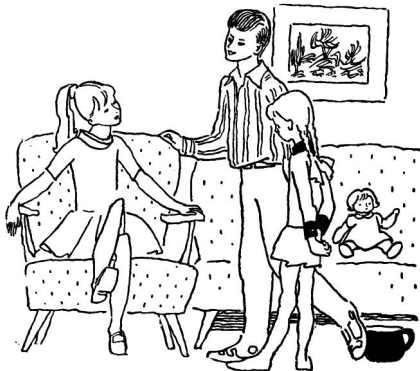
— Я прекрасно всё понял,—сказал Гошка.— Прекрасно. Позволь, Саша, я пожму тебе руку.

— Ну что ты,—растерялся Саша.

— Нет, позволь, позволь.—Гошка схватил Сашину руку и начал её трясти.—Позволь, позволь...

Потом они долго шли вместе и молчали. На них часто оглядывались взрослые, потому что они были очень серьёзные и этим привлекали внимание. А один взрослый им даже подмигнул: «Мол, выше голову, ребята!»

И они ему улыбнулись.

ГОЛУБАЯ КАТЯ

Теперь, когда я вспоминаю об этом, мне всё кажется пустяком. Но тогда я здорово переживал и считал себя предателем. Хуже нет, когда ты сам себя считаешь предателем.

Но лучше я расскажу всё по порядку.

Значит, мы жили с сестрой в одной комнате. Сначала это была моя комната, но когда Катька подросла, её подселили ко мне. Конечно, мне это

не понравилось. Ведь она была младше меня на целых пять лет.

— Только попробуй что-нибудь тронь у меня! — сказал я. — Сразу вылетишь.

— Я не трону, — прошептала Катька.

Она стояла на пороге моей комнаты, прижимая к груди куклу.

— Этого ещё не хватало! — сказал я. — Здесь не детский сад.

Я думал, Катька начнёт меня уговаривать, чтобы я впустил её с куклой, но она молча убежала.

— Как тебе не стыдно! — сказала мама. — Видишь, она к тебе тянется. Она тебя любит, а ты...

Я недовольно хмыкнул. Я не переносил нежностей.

— Честное слово, Вадик, я ничего не трону. — Катька вернулась уже без куклы. — Честное-пречестное.

— Я тебе не Вадик, — сказал я, — а Вадим.

До этого дня я мало её замечал, зато теперь стал аккуратно придирается: искал повод, чтобы от неё избавиться.

Но она была тише воды ниже травы: не таскала моих книг, не трогала тетрадей. Ни разу не прикоснулась к коллекции марок!

Стыдно признаться, но я подглядывал за ней.

Как-то я вернулся из школы раньше обычного, подкрался к дверям нашей комнаты и увидел окошко моего стола Катьку и её дружка Яшу.

Вот-вот они должны были нарушить мой запрет, вот-вот чья-нибудь рука, Катькина или Яшина, должна была протянуться к моему столу. И я с криком: «А-а-а, попались, голубчики!» — готов был ворваться в комнату.

Но Катька вовремя спохватилась и отвела Яшу в свой угол.

— Ты ничего не трогай,— сказала она строго.— Вадик не разрешает.

— А почему? — удивился Яша.

— Это не твоего ума дело,— ответила Катька.— Лучше поиграем в кубики.

— В кубики надоело,— сказал Яша.

— Ну, тогда давай в вопросы и ответы.

— Давай,— согласился Яша.

— Кто самый сильный из всех мальчишек? — спросила Катька.

— Вадька,— привычно ответил Яша.

— Сколько раз я тебе говорила, что не Вадька, а Вадим! — возмутилась Катька.

— Ты сама называешь его так,— возразил Яша.

— Так то я. Он мой брат,— ответила Катька и спросила: — А кто быстрее всех бежит в нашем дворе?

— Вадим,— выдавил Яша.

— Когда мы вырастем, то будем вместе путешествовать.

— А где вы будете путешествовать? — спросил Яша.

— Сначала мы поедem в Южную Америку,— сказала Катя.— В эти... в леса, которые называются джунгли.

— Там дикие звери,— сказал Яша.

— Да,— тихо и мечтательно ответила Катька.— Там тигры, леопарды и гремучие змеи. Но мы с Вадиком ничего не будем бояться.

* * *

Собственно, эта история началась, когда мы вернулись с дачи.

В тот год Катька должна была идти в первый

класс, и поэтому мы вернулись в город раньше обычного. Надо было успеть подготовить её к школе.

Только мы приехали с дачи и разгрузили вещи и мама тут же впопыхах убежала на работу, как в дверь позвонили. Я открыл и остолебенел. Думал, мама вернулась, а передо мной — Свиридова. Моя одноклассница.

Она раньше никогда не заходила, хотя жила в нашем подъезде.

— Здравствуйте,— сказала Свиридова.

Она здорово изменилась, загорела и выросла.

— Привет,— ответил я.

— К вам можно? — спросила Свиридова.

— Конечно,— ответил я.

Мы прошли в комнату, и Свиридова села в кресло, положив ногу на ногу.

— Я видела из окна, как вы приехали,— сказала Свиридова.— И решила зайти к тебе. Никто из наших ещё не вернулся.

Тут в комнату вошла Катька, поздоровалась, выразительно прошептала: «Вадик» — и показала глазами.

Я посмотрел, и мне стало нехорошо.

В самом центре комнаты стоял Катькин горшок. Я загородил его и подтянул слегка ногой к дивану. А в горшке лежали какие-то драгоценные камни, которые Катька привезла с дачи, и они грохнули.

Свиридова посмотрела на мои ноги, но, по-моему, горшка не увидела.

— Нина, а ты где была? — спросила Катька елевым голоском у Свиридовой. Видно, она решила её отвлечь.

— В пионерском лагере,— ответила Свиридова.— Жалко, что тебя с нами не было, Вадик.

А я в это время снова двинул горшок к дивану, но не рассчитал: горшок перевернулся, камни посыпались на пол, а моя нога угодила прямо в горшок.

Свиридова громко рассмеялась, и я тоже начал хохотать и ударил по горшку, как по футбольному мячу.

Свиридова совсем закатилась, и Катька тоже начала смеяться. А я на неё разозлился. Её горшок, а она ещё смеётся.

— Вот что, горшечница,— сказал я Катьке,— бери сей предмет и выкатывайся.

Катька вся сжалась, но не уходила.

Теперь это стыдно вспоминать. А тогда я так разозлился, что схватил этот проклятый горшок, стал совать его Катьке в руки и кричал:

— Возьми, возьми и проваливай!

У Катьки задрожали губы, но она сдержалась, не заплакала, взяла у меня горшок и вышла из комнаты.

Свиридова после этого тут же ушла, и я остался один.

Не знаю, сколько я так сидел, но, когда вышел из комнаты, Катьки дома не было. Сначала я решил, что она спряталась, и я позвал её, притворяясь, что ничего такого особенного не случилось:

— Кать, отзовись, а то влетит!

Никто не ответил. В квартире было тихо.

Я вышел на лестничную площадку и снова несколько раз окликнул Катьку.

Никакого ответа.

Выбежал во двор и спросил у старушек, которые там сидели, не видели ли они Катьку. Они ответили, что не видели.

Побежал обратно домой, ругая её на ходу: «Ну, попадись мне только, мелюзга, я тебе покажу!»

Я всё ещё сам себя обманывал, что ничего особенного не произошло.

Когда я ехал в лифте, то подумал, что сейчас увижу её около наших дверей. Зажмурил глаза, думаю: открою, когда Катька меня окликнет. Лифт остановился, но Катьки не было.

Походил по комнате, выглянул в окно, покричал её. «Подумаешь, какая обидчивая, даже пошутить нельзя». Тут мне стало легче: оказывается, я не по злобе на неё кричал, а просто шутил. А она, глупая, не поняла.

Прошёл час. Катька не возвращалась.

Снова выскочил во двор. Обегал все закоулки, бегал, как загнанная лошадь, не переводя дыхания. Наконец наскочил на Яшу.

— А где Катька? — спросил я.

— Не знаю, — неохотно ответил Яша и как-то странно покрутил головой.

— А чего ты головой крутишь?

— Это от волнения, — сказал Яша.

— От волнения? — От страха у меня ноги задрожали. — Где Катька, я спрашиваю?

— Ушла, — прошептал Яша.

— Куда? — спросил я.

— Обиделась она на тебя, — сказал Яша.

— Подумаешь, какая недотрога! — закричал я. — А когда я её в коляске катал, она не обижалась? А когда я её на спине таскал, не обижалась?

— Не знаю, — ответил Яша. — Только она совсем ушла.

— А в какую сторону? — спросил я.

— Не знаю, — неуверенно ответил Яша.

— Яша, — сказал я. — Это не та тайна, которую надо сохранять.

Я боялся, что он не поймёт моих слов, но он понял, что я был прав.

— В ту сторону,— ответил Яша,— где магазин «Детский мир».

Я бросился на улицу, но, не добежав до ворот, вернулся. Надо было срочно позвонить маме, а мамин телефон на работе был, как назло, занят.

И тут раздался звонок в дверь.

Открыл дверь и вижу: стоит моя Катька живёхонькая. Её чужая женщина привела, а я от радости даже спасибо ей не сказал.

— Это ваша, такая голубая? — спросила женщина.

У Катьки в косах были голубые ленты, она поэтому и назвала её голубой.

— Моя,— ответил я.

Раньше я никогда не называл Катьку «моей».

— Не твоя,— ответила Катька,— а мамина и папина.

Женщина ушла, а у меня вдруг к горлу подступил комок, и я заревел.

— Дура,— кричал я сквозь слёзы.— Несчастливая дура, дура, дура!

А она взяла свою куклу и стала её переодевать. Она стояла ко мне спиной, и я видел её тоненькую шею и несчастные хвостики-косички и ревел белугой.

С этого дня Катька перестала меня замечать. Я пробовал к ней подлизываться, шутил, спрашивал, бывало: «А кто самый сильный среди наших мальчишек?»

Но она только упрямо поджимала губы и ничего не отвечала.

Утром первого сентября Катьку одели в новую форму. По-моему, она была красавицей. Я улыбнулся ей и подмигнул. Жалкая улыбочка у меня вышла.

В это время мама вдруг сказала:

— Вадик, придётся тебе проводить Катю в школу.

Я пробурчал что-то неясное в ответ, дожидаясь, что Катька сейчас откажется от такого предложения. Но Катька молчала. Я поднял на неё глаза. Она смотрела на меня строго, по-взрослому, исподлобья, но молчала.

И тогда я небрежной походочкой пошёл к выходу, открыл двери и оглянулся.

Катька шла следом.

Так мы и вышли во двор: впереди я, позади она.

Банты у неё в косах были невероятных размеров. Ну и пусть их! Я теперь готов был простить ей всё на свете: и банты, и куклы. Я даже готов был подарить ей свою коллекцию марок.

— Вадик! — крикнула мама из окна. — Возьми Катю за руку.

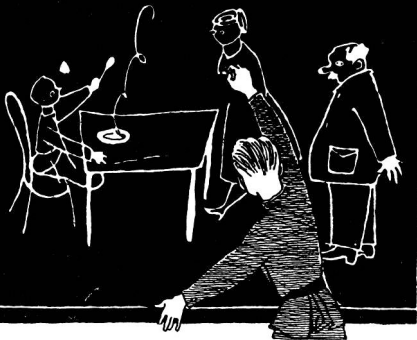
«Боже мой, — подумал я, — бедная мама, она не знает, что её милая Катенька одна целых три часа прогуливалась по городу. Хорошо, что мир не без добрых людей, а то неизвестно, сколько бы нам пришлось её искать».

«Это ваша, такая голубая?» — спросила эта женщина.

Голубая Катька. Смешно.

А если я её сейчас возьму за руку, она, пожалуй, ущипнёт меня, а то и укусит.

Я стоял ещё задравши голову кверху, когда почувствовал в своей руке Катькину тёплую ладонь.

ПОСЛЕ УРОКОВ

После уроков я зашёл в первый класс. Я бы не стал к ним заходить, но соседка поручила присмотреть за её сыном. Всё-таки первое сентября — первый школьный день.

Заскочил, а в классе уже пусто. Все ушли. Ну, хотел повернуться и идти. И вдруг вижу: на последней парте сидит какая-то кнопка, из-за парты её почти не видно. Это была девочка, а совсем не мальчик, которого я искал. Как полагалось перво-

кляшам, она была в белом переднике и с белыми бантами, ровно в десять раз больше её головы.

Странно, что она сидела одна. Все ушли домой и, может быть, уже едят там бульоны и молочные кисели и рассказывают родителям чудеса про школу, а эта сидит и неизвестно чего ждёт.

— Девочка,— говорю,— почему не идёшь домой?

Никакого внимания.

— Может быть, потеряла что-нибудь?

Молчит и сидит, как статуя, не шелохнётся.

Что делать, не знаю. Уйти вроде неудобно.

Подошёл к доске, придумываю, как расшевелить эту «статую», а сам потихоньку рисую на доске мелом. Нарисовал первоклашку, который пришёл из школы и обедает. Потом его отца, мать и двух бабушек. Он жуёт, уплетает за обе щеки, а они ему смотрят в рот. Получилась забавная картинка.

— А мы с тобой,— говорю,— голодные. Не пора ли и нам домой?

— Нет,— отвечает.— Я домой не пойду.

— Что же, ночевать здесь будешь?

— Не знаю.

Голос у неё жалобный, тоненький. Комариный писк, а не голос.

Я оглянулся на свою картину, и в животе у меня заурчало. Есть захотелось.

Ну её, эту ненормальную. Вышел из класса и пошёл. Но тут меня совесть заела, и я вернулся.

— Ты,— говорю,— если не скажешь, зачем здесь сидишь, я сейчас вызову школьного врача. А он раз-два: «скорая помощь», сирена — и ты в больнице.

Решил напугать её. Я этого врача сам боюсь. Вечно он: «Дыши, не дыши» — и градусник суёт под мышку. Холодный, как сосулька.

— Ну и хорошо. Поеду в больницу.

Честное слово, она была ненормальная.

— Можешь ты сказать,— закричал я,— что у тебя случилось?

— Меня брат ждёт. Вон во дворе сидит.

Я выглянул во двор. Действительно, там на скамейке сидел маленький мальчик.

— Ну и что же?

— А то, что я ему обещала сегодня все буквы выучить.

— Сильна ты обещать,— сказал я.— В один день всю азбуку?! Может быть, ты тогда школу закончишь в один год? Сильна врать!

— Я не врала, я просто не знала.

Вижу, сейчас она заплачет. Глаза опустила и головой как-то непонятно вертит.

— Буквы учат целый год. Это непростое дело.

— У нас папа с мамой уехали далеко, а Серёжа, мой брат, сильно скучает. Он просил бабушку, чтобы она написала им от него письмо, а у неё всё нет свободного времени. А я ему сказала: вот пойду в школу, выучу буквы, и напишем маме и папе письмо. А он мальчикам во дворе рассказал. А мы сегодня весь день палки писали.

Сейчас она должна была заплакать.

— Палки,— говорю,— это хорошо, это замечательно! Из палок можно сложить буквы.— Я подошёл к доске и написал букву «А». Печатную.— Это буква «А». Она из трёх палок. Буква-шалашик.

Вот уж никогда не думал, что буду учителем. Но надо было отвлечь её, чтобы не заплакала.

— А теперь,— говорю,— пойдём к твоему брату, и я ему всё объясню.

Мы вышли во двор и направились к её брату.

Шли, как маленькие, за руки. Она сунула мне свою ладонь в руку. Мягкая у неё ладонь, пальцы подушечками, и тёплая.

Вот, думаю, если кто-нибудь из ребят увидит — засмеют. Но не бросишь же её руку — человек ведь...

А этот печальный рыцарь Серёжа сидит и болтает ногами. Делает вид, что нас не видит.

— Слушай,— говорю,— старина. Как бы тебе это объяснить. Ну, в общем, чтобы выучить всю азбуку, нужно учиться целый год. Это не такое лёгкое дело.

— Значит, не выучила? — Он вызывающе посмотрел на сестру. — Нечего было обещать.

— Мы писали палки весь день,— с отчаянием сказала девочка. — А из палок складываются буквы.

Но он не стал её слушать. Сполз со скамейки, низко опустил голову и поплёлся утиной походочкой.

Меня он просто не замечал. И мне надоело. Вечно я впутывался в чужие дела.

— Я выучила букву «А». Она пишется шалашиком! — крикнула девочка в спину брату.

Но он даже не оглянулся.

Тогда я догнал его.

— Слушай,— говорю,— ну чем она виновата? Наука — сложное дело. Пойдёшь в школу, сам узнаешь. Думаешь, Гагарин или Титов в один день всю азбуку одолели? Тоже ой-ой как попотели. А у тебя и руки опустились.

— Я весь день на память письмо маме сочинял,— сказал он.

У него было такое печальное лицо, и я подумал, что зря родители не взяли его, раз он так скучает. Собрались ехать в Сибирь, бери и детей с собой.

Они не испугаются далёких расстояний или злых морозов.

— Боже мой, какая трагедия,— говорю.— Я сегодня приду к вам после обеда и всё изображу на бумаге под твою диктовку в лучшем виде.

— Вот хорошо! — сказала девочка.— Мы живём в этом доме, за железной изгородью. Правда, Серёжа, хорошо?

— Ладно,— ответил Серёжа.— Я буду ждать. Я видел, как они вошли во двор и их фигурки замелькали между железными прутьями забора и кустами зелени. И тут я услышал громкий, ехидный такой мальчишеский голос:

— Серёжка, ну что, выучила твоя сестра все буквы?

Я видел, что Серёжа остановился, а сестра его вбежала в подъезд.

— Выучить азбуку, знаешь сколько надо учиться? — сказал Серёжа.— Надо учиться целый год.

— Значит, плакали ваши письма,— сказал мальчишка.— И плакала ваша Сибирь.

— Ничего не плакала,— ответил Серёжа.— У меня есть друг, он уже давно учится не в первом классе; он сегодня придёт к нам и напишет письмо.

— Всё ты врёшь,— сказал мальчишка.— Ох, и силен ты заливать! Ну, как зовут твоего друга, как?

Наступило молчание.

Ещё минута, и должен был раздаться победный, торжествующий возглас ехидного мальчишки, но я не позволил этому случиться. Нет, это было не в моём характере.

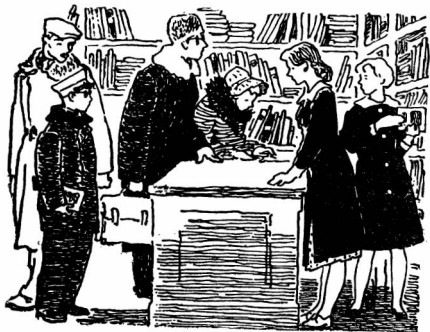
Я влез на каменный фундамент забора и просунул голову между прутьями.

— Между прочим, его зовут Юркой,— сказал я.— Есть такое всемирно известное имя.

У этого мальчишки от неожиданности открылся рот, как у гончей, когда она упускает зайца. А Серёжка ничего не сказал. Он был не из тех, кто бил лежачих.

А я спрыгнул на землю и пошёл домой.

Не знаю почему, но настроение у меня было хорошее. Весело на душе, и всё. Отличное было настроение. Даже петь хотелось.

КОСМОНАВТ

Новенький сидел на последней парте. Его нельзя было не заметить: у него были ярко-рыжие волосы.

— У нас новичок, — сказал Лёвушкин.

— Откуда ты приехал? — спросил я.

— Наш дом снесли. И мы получили новую квартиру.

— Твоя фамилия?

— Княжин.

— А как ты занимался по физике?

— Это мой любимый предмет.

Всё-таки он был очень рыжий, и я невольно смотрел на его волосы и не видел лица.

Я начал объяснять новые формулы. Каждый раз, когда я поворачивался к доске, чтобы написать формулу или нарисовать чертёж, Лёвушкин шептал и хихикал за моей спиной.

— Не мешай слушать,— донёсся до меня голос Княжина.

Я оглянулся: у Лёвушкина был такой растерянный вид, точно он хлебнул горячего чая, сильно обжёгся и не знал, то ли выплюнуть этот чай, то ли проглотить.

— Княжин,— сказал я,— подойди к доске и реши задачу по новой формуле.

Он быстро решил задачу и чётко, без запинки, всё объяснил. Мне понравилось, как он отвечал. Многие ребята в классе говорили лишние слова, а Княжин нет.

После звонка, когда я выходил из класса, то услышал голос Лёвушкина:

— Видали какой? Я ему мешаю. Первый день и уже наводит свои порядки. Академик Фок! Пошевелинуться нельзя. Рыжий, да ещё подлиза.

— Я и сам знаю, что рыжий,— спокойно ответил Княжин.— А ты дурак, раз дразнишься. Это совершенно точно.

Через неделю я увидел у старшей вожатой списки ребят, записавшихся в разные кружки. В физический кружок первым записался Княжин. «Хорошо,— подумал я.— Княжин — парень что надо».

Я полистал списки других кружков и в каждом наталкивался на фамилию Княжина. И в зоологи-

---

¹ Академик Фок — знаменитый советский учёный-физик, лауреат Ленинской премии.

ческом, и в математическом, и в спортивном. Только в кружок по пению он не записался.

На перемене я окликнул Княжина.

— Зачем ты записался во все кружки? — спросил я. — По-моему, это несколько легкомысленно?

— Мне надо, — ответил он.

— Может быть, ты не знаешь, что увлекает тебя больше всего?

— Нет, я знаю, — упрямо ответил он. — Но мне надо. Это моя тайна.

— Тайна это или не тайна, — сказал я, — но на занятия физического кружка можешь не приходить. Если ты будешь работать в зоологическом, математическом и спортивном кружках, то на физику у тебя не останется времени.

Княжин очень расстроился и даже побледнел. Я пожалел, что так резко с ним разговаривал: всё-таки он ещё мальчик.

— Я должен всё знать, я должен быть незамеченным, — сказал он. — Я буду пилотом космического корабля. Я никому этого не говорил, но вы меня заставили.

— А-а! — протянул я. И впервые посмотрел ему прямо в лицо. Под рыжим чубом у него был выпуклый лоб, а глаза были голубые и отчаянные.

«Этот долетит, — подумал я, — этот долетит!» Я вспомнил, как во время войны прыгал с парашютом и как это страшно, когда прыгаешь в пустоту. Посмотришь на далёкую землю, на деревья, похожие всего лишь на бугорки мха, на реки с дождевой ручеёк, и хочешь ты этого или не хочешь, а подумашь: «Вдруг парашют не откроется?» И тогда земля делается не желанной, а страшной. «А ведь тем, кто полетит в космос, будет ещё страшней. Но этот всё равно полетит».

— Тогда я не возражаю, раз такое дело,— сказал я.

— Спасибо,— ответил Княжин.

За три месяца он не пропустил ни одного занятия физического кружка. А потом вдруг перестал ходить. И на уроках он был рассеянным и даже похудел.

— Княжин,— спросил я,— почему ты бросил кружок? Не успеваешь?

Он поднял на меня глаза. Это были глаза другого человека. Они были не отчаянные, а печальные и потеряли голубой цвет.

— Я ещё буду ходить,— ответил он.

Лёвушкин мне сказал (он подружился с Княжиным):

— У него большая неприятность. Рассказать не могу, но большая неприятность.

Я решил поговорить с Княжиным на днях, но случай свёл нас в этот же вечер. Я стоял в книжном магазине у прилавка и вдруг услышал позади себя знакомый голос:

— Есть что-нибудь новенькое?

— Мальчик, — ответила девушка-продавщица,— не может быть каждый день что-нибудь новенькое. Ты заходил бы раза два в неделю.

Я оглянулся. Передо мной стоял Княжин, но что-то незнакомое было в выражении его лица. Я сразу не догадался, а потом понял: у него на носу красовались очки. Маленькие, ребячьи, очки в белой металлической оправе.

Минуту мы стояли молча. Княжин стал пунцово-красным, у него покраснели щёки, уши и даже нос.

— А, Княжин,— сказал я.

Больше я не успел ничего добавить — он пустился наутёк.

Я бросился за ним.

— Княжин! — крикнул я. — Княжин, стой!

Какой-то мужчина посмотрел на меня, а женщина крикнула:

— Держи мальчишку!

Тогда Княжин остановился. Он не смотрел на меня, снял очки и низко опустил голову.

— И тебе не стыдно? Мало ли людей носят очки и совсем не стыдятся этого. Прости меня, но, по-моему, это глупо.

Он промолчал.

— Убегать из-за такой ерунды. А Лёвушкин говорил: «У Княжина большие неприятности». Чепуха!

Тогда он поднял голову и тихо сказал:

— А ведь меня теперь в лётчики не возьмут, я узнавал — близоруких не берут, и космические корабли мне не водить. Я эти очки ненавижу.

Ах, вот в чём дело! Вот почему он такой несчастный и похудевший. Разлетелась в куски его первая мечта, и он страдал. Один, втихомолку.

— Зря ты так мучаешься, — сказал я наконец. — Полетишь на космическом корабле астрономом, инженером или врачом.

— Значит, вы думаете, я всё же могу надеяться? Могу? — Он ухватился за мои слова с радостью. — Как же я сам не сообразил? Просто дурак, это совершенно точно.

Он был такой счастливый! А я подумал: «Хорошо, когда у человека ясная цель в жизни и всё впереди».

ТРИ ВЕТКИ МИМОЗЫ

Когда он утром подошёл к столу, то увидел огромный букет мимозы. Они были такие хрупкие, такие жёлтые и свежие, как первый тёплый день!

— Это папа подарил мне,— сказала мама.— Ведь сегодня Восьмое марта.

Действительно, сегодня Восьмое марта, а он совсем забыл об этом. Вчера вечером помнил и даже ночью помнил, а сейчас вдруг забыл. Он побежал

к себе в комнату, схватил портфель и вытащил открытку. Там было написано: «Дорогая мамочка, поздравляю тебя с Восьмым марта! Обещаю всегда тебя слушаться». Он вручил ей открытку, а сам стоял рядом и ждал. Мама прочитала открытку в одну секунду. Даже как-то неинтересно — как взрослые быстро читают!

А когда он уже уходил в школу, мама вдруг сказала ему:

— Возьми несколько веточек мимозы и пода-ри Лене Поповой.

Лена Попова была его соседкой по парте.

— Зачем? — хмуро спросил он.

— А затем, что сегодня Восьмое марта, и я уверена, что все ваши мальчики что-нибудь подарят девочкам.

Ему очень не хотелось тащить эти мимозы, но мама просила, и отказывать ей тоже не хотелось. Он взял три веточки мимозы и пошёл в школу.

По дороге ему казалось, что все на него оглядываются. Но у самой школы ему повезло. Он встретил Лену Попову. Подбежал к ней, протянул мимозу и сказал:

— Это тебе.

— Мне? Ой, как красиво! Большое спасибо!

Она готова была благодарить его ещё час, но он повернулся и убежал.

А на первой перемене оказалось, что никто из мальчиков в их классе ничего не подарил девочкам. Ни один. Только перед Леной Поповой лежали нежные веточки мимозы.

— Откуда у тебя цветы? — спросила учительница.

— Это мне Витя подарил, — сказала Лена.

Все сразу зашушукались и посмотрели на Витю, а Витя низко опустил голову.

— Вот как! — сказала учительница. — Ты оберни концы веток в мокрую тряпочку или бумагу, тогда они у тебя не завянут.

А на перемене, когда Витя как ни в чём не бывало подошёл к ребятам, хотя чувствовал уже недоброе, они вдруг закричали:

— Тили, тили-тесто, жених и невеста! Витька водится с девчонками! Витька водится с девчонками!

Ребята засмеялись и стали показывать на него пальцами. А тут проходили мимо старшие ребята и все на него смотрели и спрашивали, чей он жених.

Он еле досидел до конца уроков и, как только прозвенел звонок, со всех ног полетел домой, чтобы там, дома, сорвать свою досаду и обиду.

Он забарабанил изо всех сил по двери и, когда мама открыла ему, закричал:

— Это ты, это ты виновата, это всё из-за тебя! — Он почти плакал. Вбежал в комнату, схватил мимозы и бросил их на пол. — Ненавижу эти цветы, ненавижу!

Он стал топтать их ногами, и жёлтые, нежные цветочки лопались под грубой подмёткой его ботинок.

— Это мне подарил папа, — сказала мама.

А Лена Попова несла домой три нежные веточки мимозы в мокрой тряпочке, чтобы они не завяли. Она несла их впереди себя, и ей казалось, что в них отражается солнце, что они такие красивые, такие особенные... Это ведь были первые мимозы в её жизни...

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Больше всего с Катей возилась, конечно, бабушка. Родители работали, а бабушка всегда была с Катей. Катя так к этому привыкла, что не могла расстаться с бабушкой ни на минуту.

Когда рано утром бабушка уходила на базар, то на её кровать ложилась Катина мать и накрывалась одеялом с головой, чтобы Катя не обнаружила подмены.

Катя приподнимала голову: бабушка на месте. Значит, можно спать.

Отец говорил, что это нежности. Он был сторонником сурового воспитания.

Бабушка не любила сказок, она рассказывала Кате истории из жизни своего сына Володи. Он жил в другом городе.

— Купила я Володе новое пальто,— рассказывала бабушка.— И он отправился в этом пальто в школу. А возвратился домой в чужом пальто. Пальто точно такое, как у него, только старое.

Я ему говорю:

«Где твоё новое пальто?»

А он сделал удивлённое лицо и отвечает:

«Новое? Ах, новое! Я его одолжил на денёк приятелю. К нему гости из деревни приехали, вот и захотелось ему покрасоваться в новом пальто».

— Ещё,— требовала Катя.— Расскажи ещё что-нибудь про Володю. Расскажи, как он пришёл домой босиком.

— Летом мы приехали на дачу,— начинала бабушка.— И Володя пошёл в лес за грибами. Долго его не было, я уже начала волноваться. И вдруг вижу: идёт, в корзине полно грибов. Только вид у него виноватый. Ах, вот в чём дело...

— Он был босиком,— сказала Катя.

— Вот именно, ушёл в сандалиях, а вернулся босиком.

«Негодный мальчишка,— говорю,— где ты посеял сандалии? Не голова у тебя, а решето».

Он посмотрел на ноги и отвечает:

«Действительно, я их забыл».

Повернулся и побежал.

Я подождала немного и вышла за ним на тропинку. А он, оказывается, и не подумал идти за сандалиями. Сидит себе под первым же кустом.

«Ну-ка, выкладывай всё начистоту,— сказала я.— Куда девал сандалии?»

Он молчит.

«В лесу потерял?»

Молчит.

«На грибы сменял?»

Молчит.

«Кому-нибудь дал поносить?»

Молчит.

Тогда я повернулась и пошла от него. Раз он такой, думаю, никудышный, пусть остаётся один.

А Володя очень не любил оставаться один. Он догнал меня и сказал:

«Я дал их одному мальчику из деревни. Он был босиком и наколол ногу в лесу. Вот я ему и дал сандалики».

Потом, когда Катя была, в общем, ещё маленькая, Володя приехал сам. Он привёз Кате большую куклу. Кукла была модница: рыжие волосы уложены пирамидой, а юбка стояла колоколом. Куклу называли Маргошей. Кроме куклы, Володя привёз Кате лыжи. И все дома ужасались и говорили, что Кате лыжи ни к чему, что она разобьёт себе нос на лыжах. А Катя тут же встала на лыжи и всё утро проходила на них по коридору.

Вечером Катя ни за что не хотела ложиться вовремя спать — не могла расстаться с Маргошей.

Бабушка просила Катю — не помогло.

Мать просила Катю — не помогло.

Отец даже накричал на Катю и гневно сверкнул на неё глазами, ведь он был сторонником сурового воспитания, — всё равно не помогло.

Тогда к Кате подошёл Володя, взял у неё Маргошу и сказал:

Ша, Маргоша, ша.

Наступила тишина.

Наступила тишина —

Кате спать уже пора.

После этого Катя сразу улеглась спать.

А потом Володя уехал.

Он был инженером и уехал куда-то далеко — на новые стройки.

Бабушка говорила, что он должен отказаться от такой работы: у него слабое здоровье. Он в детстве перенёс скарлатину и дифтерию. А во время войны, когда не было фруктов и сахара, болел желтухой. А как известно, при желтухе сахар просто необходим. И в результате — у него слабое здоровье.

Но Володя всё равно уехал. Изредка он присылал письма. Он не любил часто писать. И письма всегда приходили из новых мест, потому что Володя был инженером-проектировщиком. Приедет куда-нибудь, сделает проект нового завода и уезжает дальше.

А в последнее время Володя что-то вообще не писал. Перед очередным переездом он прислал письмо, в котором обещал скоро приехать, и пропал.

— Чувствует моё сердце, — говорила бабушка, — что у Володи неприятности по работе или он заболел. А может быть, у него плохо с деньгами.

Катя уже забыла, какой он был, этот Володя. Лыжи, которые он привёз, состарились, облупились, стали Кате малы. А кукла Маргоша облысела и лежала на шкафу.

Однажды Катя пришла из школы — она уже несколько месяцев ходила в первый класс, — и бабушка попросила её заглянуть в почтовый ящик.

У них в доме почтовые ящики стоят на первом этаже, в подъезде.

— Ну, что ты меня всё гоняешь к почтовому ящику? — сказала Катя. — Неужели не понимаешь, что Володя просто перестал нам писать письма?

И вдруг бабушка села на стул и заплакала. Лицо у неё сморщилось. Она прикрыла глаза рукой и изо всех сил старалась сдержаться, но у неё ничего не вышло. Она плакала, и всё.

«Зачем я только это сказала? — подумала Катя. — Кто меня тянул за язык? Пусть бы бабушка надеялась, что Володя скоро пришлёт ей письмо».

Чтобы отвлечь бабушку, Катя сказала:

— Бабушка, я умираю с голоду.

Бабушка подала Кате обед, а сама ушла на кухню.

После обеда Катя сделала вид, что села за уроки, а сама написала письмо Володе. Потом узнала его последний адрес и пошла на почту. Купила конверт, запечатала письмо, надписала адрес прямой и обратный и опустила в почтовый ящик.

А потом Володя приехал.

Катя пришла домой, а он сидит в комнате, в своём любимом кресле. Сидит себе, будто никуда не уезжал. Только он чуть-чуть изменился. У него поседел волосы и немного вытянулся нос.

Прошло ещё несколько месяцев. Володя уже давно уехал. И вот как-то Катин отец пошёл к почтовому ящику, чтобы достать утренние газеты. Среди газет он нашёл письмо. Оно было адресовано Володе, но адрес был перечёркнут, и на конверте стоял штамп со словами: «Адресат выбыл». Отец внимательно посмотрел на конверт и догадался по почерку, кто писал это письмо.

Это был Катин почерк, это было её письмо к дяде Володе. Оно обошло много мест, гоняясь за адресатом, прошло через сотни рук, но так и не догнало Володю.

Отец прочитал Катино письмо:

«Дорогой дядя Володя! Бабушка по тебе сильно скучает. Почему ты не приезжаешь? Сел бы на

поезд и приехал. А ещё лучше — на самолёт. К нам летают самолёты. «ИЛ-18». Ведь бабушку так жалко! Она про тебя мне уже всё пересказала. Я всю твою жизнь на память знаю, а она всё рассказывает и рассказывает. А я слушаю, чтобы не расстраивать её. Пожалуйста, приезжай в этом же месяце. Если у тебя плохо с деньгами, можешь мне никаких подарков не привозить. Я уже большая, учусь в школе. До скорого свидания. Катя».

Отец забыл про газеты, которые каждый день читал с большим пристрастием. Смотрел в окно и курил свой «Беломор». И вдруг он понял, что упустил в жизни что-то важное, что-то сделал не так.

Ну конечно, это всё из-за Кати. Ему обидно, что она написала первое письмо в своей жизни, совершила первый самостоятельный поступок, а он к этому не имеет никакого отношения.

«Катя заботится о других,— подумал он.— Это у неё от бабушки и от Володи, а не от меня. Я ведь всегда был с ней излишне строг, боялся избаловать. А у бабушки и у Володи она научилась относиться к людям по-доброму».

Выходит, он был неправ. Ну и пусть он неправ. Даже хорошо, что неправ. Даже отлично, что неправ. Он разжал губы и тихо-тихо сказал, почти пропел:

Ша, Маргоша, ша,
Наступила тишина.
Наступила тишина —
Кате спать уже пора.

Мотив его песенки нельзя было разобрать, если он вообще существовал. У него был плохой слух, и он фальшивил, когда пел. Но разве в этом дело?

Всё дело в том, что это была первая песенка в его жизни, которую он пропел вслух.

НОЧНОЙ ВЕТЕР

Он проснулся ночью неизвестно от чего. То ли от ветра — мать его всегда открывала на ночь окно, то ли от щелчков усохших половиц. А может быть, его разбудила внутренняя тревога, потому что накануне вечером он поссорился с родителями.

Отец, по настоянию матери, отругал его за разбитые ботинки. А что же, ему играть в футбол без ботинок, что ли? А потом отец так разошёлся, что запретил ему идти завтра в кино.

Он ждал этого кино целую неделю. И фильм-то

был старый — «Золушка», и он понимал, что история маленькой девочки Золушки — это неправда, что это сказка, что ничего этого никогда в жизни не было. Даже тысячу лет назад, когда люди ездили по земле только на лошадях, а по морю ходили на парусниках. И всё равно он мечтал о том, как снова увидит этот фильм, как погаснет свет и начнётся нечто невообразимо волшебное.

Да, скорее всего, он проснулся именно от этой нестерпимой, несправедливой обиды. Ему приснился сон, что он после незаслуженного оскорбления уходит из дому навсегда. И остаётся один на всём свете.

Он лежал в темноте и слушал каждый шорох. И ему казалось, что он на самом деле совсем один на всём свете. Так страшно было темно, так сильно надувал ветер парусом занавески и звенел мелким звоном в стекле.

Ничего не было слышно из-за ветра — ни ночного разговора большого города, ни посапывания родителей в соседней комнате. Только иногда трещали половицы, будто кто-то невидимый ходил по комнате. Это ещё больше пугало мальчика.

Снова скрипнула половица. Мальчик напряг слух, но услышал лишь вой ветра, который дул из пустоты. Он хотел крикнуть и позвать мать. Ему необходимо было разорвать своё одиночество, такое длинное и бесконечное одиночество, которым он так гордился вчера.

Как он тогда крепко сжимал губы и гордился внутренне тем, что не произнёс за весь вечер ни слова.

Он уже забыл про свою гордость, и ему хотелось закричать. Но тут, к своей великой радости, он услышал, как мать заворочалась в постели. Потом отец сонным голосом спросил:

— Который час?

— Спи, спи,— ответила мать.— Ещё рано.

У мальчика по всему телу разлилась приятная теплота. И уже сквозь сон он слышал, как мать встала, прикрыла окно, почему-то пощупала у него лоб.

Дворники заговорили под окнами. Их голоса в раннем, пустом городе звенели и отдавались вдалеке. Пролетел самолёт.

— Хабаровский, «ТУ-114»,— сказал отец.— Скоро вставать.

Пропал куда-то ночной ветер, не скрипели половицы.

— Что-то я, по-моему, вчера переругал Серёжку,— сказал отец.— Несправедливо.

— Переругал,— ответила мать.

— Придётся извиниться,— сказал отец.— И отпустить его в кино.

Но Серёжка этого ничего уже не слышал. Он крепко спал. И совсем забыл про какой-то ночной ветер, про какие-то страхи и про то, что он несколько минут пробыл один на всём свете.

ТОЛСТЯКИ

Это случилось в Кисловодске. Сюда приезжают люди лечить сердце. И поэтому жизнь здесь размеренная и тихая.

В обычной жизни сердечники — как все люди, а тут, на отдыхе, они очень берегут себя и всё время разговаривают о своих болезнях.

Каждое утро они поднимаются в горы. Идут медленно, часто отдыхают и любуются белоснежной грядой Кавказских гор и высоченным Эльбрусом.

Я тоже подымался в горы.

Однажды, возвращаясь с прогулки, я увидел на отвесной скале мальчишку. Высота скалы метров пять. Как он забрался туда, непонятно. Но только застрял он там крепко. Не может сделать ни шагу назад, ни шагу вперёд.

А на тропинке стоял его друг — второй мальчишка. И они разговаривали. И, в общем, им смешно: переговариваются и смеются.

— Как он туда попал? — спросил я.

— Хотел сократить расстояние, — сказал второй мальчишка, — свернул с основной тропинки. А теперь, если начинает двигаться, то камни под ним осыпаются.

— Я сейчас прыгну! — сказал мальчишка на скале.

— Хочешь ноги переломать? — услышал я чей-то бас; рядом со мной стоял толстый мужчина в широкополой шляпе. — Куда забрался, стервец! Надо его снять и выпороть!

Постепенно собралось несколько человек. Толстый мужчина с большим синим носом, толстый мужчина в очках и молчаливый толстый мужчина.

Они давали советы мальчику, как ему выбрать из трудного положения, и тут же их сами отвергали.

— Сюда надо пожарную лестницу, — сказал толстый мужчина в очках.

— А может быть, прикажете вертолёт подать? — сказал толстый мужчина с большим синим носом. — Так сказать, спустить ему лестницу с неба?

Мальчишка сидел на скале и терпеливо ждал.

— Вот что, — предложил я, — надо достать верёвку.

Все промолчали. За верёвкой надо было бежать вниз с горы.

— Сейчас я сбегаяю! — вызвался второй мальчишка.

Он вернулся через полчаса и притащил верёвку. За эти полчаса мы вспомнили довольно много подобных историй и как кто из нас в них отличился.

Когда принесли верёвку, я взял её и полез на скалу, которая нависала над мальчишкой.

Влез на скалу, намотал конец верёвки на руку и бросил мальчишке. Хотел, чтобы он поймал другой конец верёвки, уцепился за него и спустился по верёвке вниз. Но верёвка оказалась коротка.

Тогда я лёг на живот и наклонился пониже. Верёвки всё равно не хватало. У меня свалилась шляпа и покатилась вниз. Мальчишки рассмеялись.

Я слез со скалы, и мы начали снова обсуждать, что делать дальше.

И тут среди нас появились ещё двое: коренастый мужчина с девочкой. Мужчина был в спортивных брюках, а майку нёс в руке.

Никто даже не успел ему ничего объяснить.

Он отдал девочке майку, снял тапочки, выхватил у меня верёвку и полез на скалу, которая нависала над мальчишкой.

Влез, остановился, прикинул расстояние до мальчишки. Потом сделал на концах верёвки большие петли. Одну петлю надел себе на плечи, вторую петлю бросил мальчишке.

— Надень петлю, как я! — крикнул он.

Мальчишка не мог дотянуться до верёвки. Тогда мужчина лёг на землю и склонился над скалой. Он почти висел в воздухе.

— Ему же нельзя! — сказала девочка. — У него

больное сердце. Ему нельзя волноваться и напрягаться!

Мальчишка продел руки и голову в петлю, и мужчина стал медленно подтягивать верёвку вверх. Было видно, как у него напряглись мышцы рук и покраснело лицо. Стало даже немножко страшно, что он не удержит мальчишку, упадёт вниз и разобьётся. Но он удержался.

Через минуту мальчишка уже стоял среди нас.

— Даже на отдыхе нельзя обойтись без волнения,— сказал молчаливый толстяк.— Вот сегодня выскочил из режима, опоздал на завтрак. Ох, уж эти дети!

— Ты видел, какой у него шрам на спине? — спросил один мальчишка у другого.

— Видел. Пулевое или осколочное ранение.— Он посмотрел вслед мужчине и девочке.— Давай догоним!

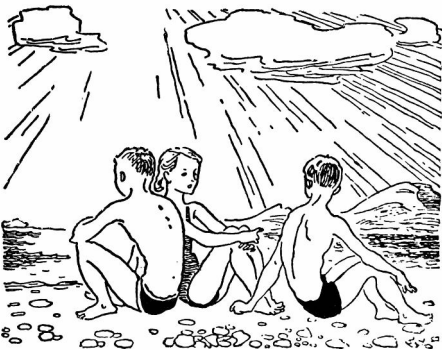
Мальчишки убежали.

Мне сверху хорошо было видно, как они догнали мужчину и девочку и пошли рядом. Впереди — мужчина, а сзади — мальчишки с девочкой.

Они разговаривали с девочкой как старые знакомые. И, видно, уже забыли про толстяков.

Им нравился мужчина, который шёл впереди.

ВОЖАК

— Пойдём на Чатыр-Даг,—сказал первый мальчик.

— Скучно,—сказала девочка.— Мы там недавно были.

— Давайте искать сердолики,—сказал второй мальчик.

— Жарко,—ответила девочка.— Солнце слепит глаза, и ничего не видно.

Они сидели, поджав ноги. Мальчики спиной ко мне,— я видел их тоненькие шеи. А девочка — ли-

цом. У неё было обветренное, загорелое лицо, исцарапанные ноги и мокрые волосы. Ребята только что вылезли из моря.

— Что, не можете договориться, как провести время? — спросил я.

Они посмотрели на меня, и девочка сказала:

— Каждый день придумывают одно и то же. Скучно...

— А она ничего не придумывает, а только скучает, — сказал первый мальчик.

— Да, тяжёлое ваше дело.

Они вздохнули. Палило солнце, искрилось море, и было тихо-тихо.

— А знаете что, — сказал я, — вы по очереди на один день или на неделю выбирайте себе вожака, и в этот день, что он придумает, то вы и будете делать. Только обязательно.

— Интересно. А кто будет первым вожаком? — спросила девочка.

— Ну кто? Кто-нибудь из вас троих.

— Нас не трое, — сказал второй мальчик. — Нас четверо. Сейчас ещё Димка придёт.

— Димка у нас странный, — сказала девочка.

— Чем же он у вас странный?

Она засмеялась:

— Он иногда заплывает вон на ту скалу в море и поёт песни из кинофильмов или читает стихи.

— А однажды он устроил там обсерваторию, — сказал первый мальчик. — Всю ночь глядел в какую-то трубу: хотел увидеть космический корабль.

— А я слышал, — сказал второй мальчик, — как он разговаривал с морем. Иду я. Тихо. И вдруг слышу: «Молчишь, не отвечаешь? Всё равно я разгадаю твои тайны и овладею твоей силой! Иногда ты мне кажешься очень хитрым. А иногда добрым, когда я лежу на твоём берегу и ты шепчешь мне,

какие можно построить морские электростанции, используя твои подводные течения». Смотрю — никого. Один Димка на берегу и кричит все эти слова. Я ему говорю: «Димка, с кем ты разговариваешь?» А он посмотрел на меня и отвечает: «С морем».

— С морем? — удивился я.

— Ну да. Оно ведь живое.

И в это время появился сам Димка. Он летел стрелой. Лицо у него маленькое, волосы кудрявые и спутанные.

Ребята повернулись в его сторону.

— Я видел, я видел гремучую змею! — сказал Димка. — Она ползла, тихо пощёптывая, и я слышал её шипение. Я хотел её тут же убить, чтобы добыть яд для лекарств. Но потом я подумал, что вам тоже будет интересно посмотреть на живую змею. И я примчался за вами.

Мальчишки тут же вскочили.

— А она нас не укусит? — спросила девочка.

— Трусиха! — сказал первый мальчик.

— Девчонка! — поддержал его второй. — Пошли, Димка, без неё.

— Что ты, — сказал Димка девочке и тихо добавил: — Эта змея — обыкновенный уж. Про гремучую я придумал для интереса. И убивать мы её не будем. Ужи — безвредные змеи.

Девочка засмеялась и побежала с Димкой догонять нетерпеливых мальчишек.

Так я и не успел сказать ребятам, что самым лучшим вожакom для них будет Димка. Он научит их всех мечтать...

ЧУДАК ИЗ ШЕСТОГО «Б»

Меня назначили вожатым во второй класс «А», к октябрятам.

Когда на сборе отряда вожатая Наташа заговорила об этом, все начали смеяться.

— Донато! Ха-ха-ха! Он научит их получать двойки.

— Бандито! Плакали деревья в школьном переулке.

— Фундуто! Он сделает из них Тартаренов из Тараскона! — крикнул мой друг Сашка Смолин.

Сашка гордился, что много читал, и в разговор вставлял литературные имена.

Сначала я смеялся вместе со всеми. Дело в том, что у меня очень сложная фамилия: Збандуто. Когда я впервые пришёл в эту школу, то учительница переврала мою фамилию. Она назвала меня не Збандуто, а Надувато.

С тех пор в нашем классе каждый считал своим долгом как-нибудь переделать мою фамилию. Я не обижался и даже иногда в этом участвовал сам.

Но сегодня я прислушался к выкрикам ребят и понял, что они не очень-то хорошо обо мне думают.

Наконец Наташа сказала:

— Ну, хватит, посмеялись, и хватит. Согласен, Збандуто?

Тогда я встал, посмотрел лениво на ребят, помолчал минуту для солидности и ответил:

— Согласен.

— Мы знаем твои слабости,— сказала Наташа.— Но доверяем. А ты должен оправдать это доверие.

— Можете на меня положиться.

После сбора ко мне подошёл Сашка Смолин. Я начал судорожно размахивать руками, смеяться, закатывать глаза и раскачивать головой. В общем, изобразил религиозный, фантастический восточный танец. Пляску смерти или жертвоприношения.

— Что с тобой? — удивился Сашка.

— Что? — Я с возмущением посмотрел на него.— Изображаю, как ты смеялся, когда Наташа предложила меня в вожатые. Я даже испугался, что от смеха у тебя начнётся припадок. Позавидовал?

— Уважаемый Надувато, я не завидую, потому

что нет в мире более скучного занятия, чем возиться с второклашками. Привет!

Я пришёл домой и рассказал всё маме.

— Вожатым? Тебя? — удивилась мама. — Ну что ж, Бока, я очень рада. Теперь ты должен показывать пример другим.

— Только не зови меня больше Бокой. Я уже не маленький.

— Хорошо, если ты не хочешь, я не буду. — Она поцеловала меня, я терпеливо выдержал это проявление нежности, но всё же предупредила: — Не думай, что тебе будет легко.

— Конечно, трудности у меня будут, — ответил я.

Потом я побежал мыть руки в ванную и на обратном пути столкнулся с Ольгой Андреевной, нашей соседкой.

Она пенсионерка и живёт одна. А сын её уехал работать в Сибирь.

— Ольга Андреевна! — закричал я. — У меня хорошая новость.

— Тише, тише. Что-нибудь новое о Сибири?

Ольга Андреевна интересовалась только Сибирью, хотя знала про неё всё. Про редкие полезные ископаемые, вроде якутских алмазов. Про гидроэлектростанции, которые строят на сибирских реках. Ну, прямо всё про Сибирь знала и без конца об этом говорила. Она помнила даже, какая рыба водится в сибирских реках — всякие там хариусы, нельмы и омули из породы лососёвых.

А мне это было на руку. У нас с Сашкой был спор, кто больше о Сибири узнает. Понятно, что в этом деле Ольга Андреевна была незаменима.

— Нет, не про Сибирь, — ответил я. — Меня назначили вожатым к октябрятам.

Ольга Андреевна скептически поджала губы:

— Право, не знаю, Бока, чему ты их научишь. Ты ведь сам не знаешь, что сделаешь в следующий момент. Настоящая загадка природы. Тунгусский метеорит.

У меня в голове как щёлкнет: «О Сибири!» А я забыл об этом метеорите. Просто странно, почему я забыл. Ну, теперь Сашка у меня попляшет!

Я уже хотел убежать от Ольги Андреевны, да вспомнил, что мы не закончили разговор. Это моя слабость — говорю об одном, а потом увлекаюсь другим и забываю, о чём говорил вначале. А тут я вспомнил и сказал:

— Я решил исправиться.

— Ты уже много раз решал,— сказала Ольга Андреевна,— а воз и ныне там.

Это было не про Сибирь. Не повезло. Я знал, что слова «а воз и ныне там» из какой-то басни Крылова, и хотел ответить Ольге Андреевне тоже отрывком из басни. Это всегда производит впечатление. Но ничего не вспомнил. Пришлось обойтись обыкновенными словами.

— Я окончательно решил,— сказал я.

— Ладно, иди. А то у тебя с рук капает вода и портит паркет.

Какой-то паркет, когда такие важные вопросы! Я крикнул в спину Ольге Андреевне:

— Не называйте меня больше Бокой.

После обеда я сел за уроки, а мама ушла на работу.

Тут появился Сашка и стал разговаривать со мной как ни в чём не бывало. Про то да про это. Про погоду, про футбол. В общем, делал вид, что мы не ругались.

А я ему:

— Тунгусский метеорит. Тофалары. Город Дивногорск.

А он:

— Чего, чего? — притворился, что не понял, о чём я веду разговор.

— В тысяча девятьсот восьмом году в тунгусской тайге упал метеорит. Его тайна до сих пор не раскрыта. При падении он повалил сотни деревьев. Раз. Тофалары — маленькая народность в Сибири. Их осталось около тысячи человек. До революции они погибали с голоду и были все безграмотные. Два. Дивногорск — город на Енисее, у первой плотины на этой реке. Три. Запомни: три — ноль в мою пользу.

Сашка сильно расстроился. Такой проигрыш! Чтобы не показать виду, он сказал:

— Завтра уроки чепуховые. Пошли играть в футбол.

После того что произошло, я никак не мог отказать Сашке. Это было бы просто издевательством над человеком. Я сложил учебники обратно в портфель, и мы побежали играть в футбол.

* * *

Через несколько дней, когда я и все ребята уже забыли, что меня назначили вожатым, в нашем классе появились две маленькие девочки. Все, конечно, тотчас же уставились на них. Это была редкость, чтобы младшие пришли к нам сами.

Одна из них сказала:

— Нам нужен Боря З...— Она покраснела, не могла выговорить мою фамилию.

А вторая ей помогла:

— Здандуто.

Все только этого и ждали и сразу засмеялись. А я небрежно заметил:

— Ничего смешного.— Я догадался, что это

девочки из второго «А», то есть мои октябрюта, и стал незаметно вытеснять их из класса.

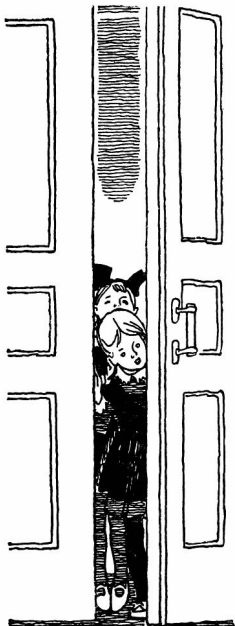
Но они опередили меня.

— Мы из второго «А», — выпалили два голоса. — Вы наш вожакий, и мы вас ждём.

— Ладно. Сегодня после уроков приду.

В этот самый момент в класс влетела Наташа. Она всегда появлялась в неподходящее время. Все дни даже носа не показывала, а тут явилась и сразу налетела на меня:

— Ты не можешь себе представить, чего им стоило прийти к вам в класс. Они маленькие, а уже тянутся к общественной жизни. А ты... — Наташа замолчала. Она хотела, видно, чтобы я понял, какой я никудышный человек. — Подумай, о чём ты будешь говорить с ними. Нужна какая-то находка для первого раза.

На уроках я думал об октябрятах.

Сначала решил: войду к ним деловым шагом и скажу: «Здравствуйте, октябрята!» Потом у меня мелькнула мысль, что для первого знакомства необходимо произнести речь. Это уже была «находка», как говорила Наташа.

Я взял бумагу и написал: «Дорогие октябрята! Пионерская организация прислала меня к вам, нашим младшим любимым товарищам, чтобы я закалил вас и подготовил нам достойную, славную смену. А сейчас мы составим план работы и будем его выполнять».

Я несколько раз перечитал свою речь, она показалась мне блестящей. Правда, в ней всё-таки мало было мужества. Перечитал её ещё раз и в трёх местах вставил слово «мужество».

Теперь речь выглядела так:

«Дорогие октябрята! Пионерская организация, известная своим мужеством, прислала меня к вам, нашим любимым младшим товарищам, чтобы я закалил вас и подготовил нам достойную, славную, мужественную смену. А сейчас мы составим план работы и будем вместе мужественно его выполнять».

Потом я попытался выучить речь на память, но у меня ничего не вышло. Тогда я решил прочитать её. «Не страшно,— подумал я.— Министры тоже читают свои речи по бумажке».

После уроков я медленно спускался на первый этаж. Ребята неслись по лестнице со скоростью антилоп гну; один я не спешил.

— Борька, быстрее, что ты тянешься, как столетняя черепаха! — закричал Сашка.— Погодка мировая!

Я махнул рукой:

— Не могу, должен остаться в школе.

— А что случилось? — удивился Сашка.— В училку вызывают?

— Нет. Обещал зайти к второклашкам.

— Обещанного три года ждут.

Мне очень хотелось уйти, но я всё же ответил:

— Неудобно, обещал.— Думал, Сашка начнёт меня уговаривать хотя бы отложить октябрятский сбор, а он убежал.

Тоже товарищ! Не смог меня уговорить. Мог, наконец, увести меня силой. Схватил бы за руку и потащил. Может быть, я не стал бы сопротивляться?..

Я остановился у дверей второго «А». Не так-то легко было войти к этим второклашкам. Отошёл к окну, облокотился на подоконник и сделал вид, что глубоко задумался.

А на улице светило солнце, стояли последние погожие деньки.

В коридор выглянула одна из тех двух девочек, которые приходили за мной, и закричала пронзительным голосом:

— Ребята, Боря пришёл!

В ту же секунду весь класс высыпал из дверей.

Их было человек двадцать пять.

Они толкали друг друга и смотрели на меня, как на дикого зверя в зоопарке.

Я криво улыбнулся и сказал:

— Давайте пойдём в класс. Там мы будем в своей тарелке.

— Пошли в свою тарелку,— подхватил какой-то малыш.

В классе ребята сели за парты, а я дрожащими пальцами вынул из кармана бумажку с речью, разгладил её на учительском столе и стал читать.

Да, печальная это была история. Язык у меня сразу одеревенел, и я спотыкался на каждом сло-

ве. Можно сказать, я брал эти слова приступом, а потом перешёл на шёпот. Отшептал и замолчал. Неловко было поднять глаза на малышей.

«Не каждый может произносить такие речи,— решил я.— И мне бы лучше не соваться в это дело. Всё равно из меня вожатого не выйдет. Вот Наташа — та говорит, как ходит. Иногда даже непонятно о чём, а гладко, громко, чётко».

Ребята по-прежнему смотрели на меня, как на дикого зверя.

Теперь-то у них для этого были все основания. Они, видно, первый раз в жизни слушали такую речь.

— Ну, познакомимся,— выдавил я.— Пусть каждый из вас назовёт своё имя. По фамилии скучно друг друга называть.

И затрещали голоса: Нина, Зина, Толя, Лена, Гога, Лена, Сима, Сима, опять Лена и Серафима.

Сначала я старался запомнить имена и лица ребят, а потом перестал.

У меня от их лиц голова кругом пошла. Они были ужасно одинаковые. Все в формах. Все с белыми воротничками. Девочки с косами. Мальчишки с чёлками. Да ещё одно имя на двоих или троих.

Ребята продолжали по очереди вставать и произносить свои имена, а я кивал головой и думал, как бы мне быстрее отсюда уйти.

Домой я пришёл расстроенный и даже не смог обедать. «Так недолго и заболеть,— подумал я.— Да пропади они пропадом, эти малыши!»

Сколько сегодня я из-за них потерял!

Мог поиграть в футбол. Не поиграл. Мог пойти в кино. Не пошёл. Мама приготовила на обед мои любимые блинчики с вареньем. Аппетита нет!

Правда, блинчики я всё же съел и, надо сказать, успокоился.

Теперь я пролетал первый этаж только на больших скоростях. Эти второклашки, в лучшем случае, могли любоваться моей спиной. Но некоторые из них оказались на редкость настойчивыми.

Однажды выхожу я на перемене в свой коридор и вижу: стоит одна из тех самых девочек, которые приходили за мной в первый раз. Её звали Нина.

— Боря,— сказала она,— мне плохо даётся арифметика.

— Ну и что?

— Может быть, ты позанимаешься со мной после уроков?

Я молчал. Растерялся. Только этого не хватало: тут сам еле-еле заставляешь себя сделать уроки, а она — помоги ей с арифметикой. Да ещё после уроков! Нет, это уж слишком.

Я, конечно, был готов ко всяким неожиданностям и трудностям. Но не к таким. На это я не согласен.

У Нины покраснели уши и даже задрожали кончики тоненьких, коротких косичек.

Стало её жалко — всегда меня подводила жалость. Когда тебе кого-нибудь жалко, нужно перетерпеть. А я никогда не мог перетерпеть. Я тут же взял и ляпнул:

— Ладно. Жди сегодня.

Совсем выскочило из головы, что после уроков у нас должен был состояться футбольный матч на первенство шестых классов. А я играл в нашей команде в защите.

— Ты что? — заорал Сашка. — Ты соображаешь, что говоришь? Это пахнет предательством.

— Я занят,— упрямо ответил я.

Не мог же я им признаться, что у меня за дело. Они бы просто подняли меня на смех.

— Интересно полюбопытствовать, куда он спешит? Министр без портфеля какой нашёлся!..

Вся наша футбольная команда с напряжённым вниманием следила за разговором, а я в это время ругал про себя Нину: «Сидит там какая-то пигалица, арифметический эксплуататор, и я из-за неё не могу поиграть в футбол с друзьями. Должен их подводить». Я уже давно заметил, если виноват в чём-нибудь сам, ругай другого — сразу станет легче. И тут мне сразу тоже стало легче, и я сказал:

— Пошли, придётся отложить моё дельце.

Во время игры я всё время думал о Нине. Засела она мне в голову. Гонял мяч поэтому без всякого удовольствия.

Через час, когда счёт стал 15 : 10 в нашу пользу, я решил уйти.

— Ну, хватит, — сказал я. — Мне пора.

Ребята из другого класса закричали, что это нечестно. Всегда мы играем до двадцати, а тут до пятнадцати, и, может быть, они ещё отыграются.

— Нет, я уйду. Вы как хотите, а мне надо.

Я так на них разозлился, что готов был рассказать про Нину. Человек ждёт, а они будут гонять мяч до темноты. Может быть, их тоже ждут, но они не обращают внимания. А я сегодня волновался, что меня ждут.

— Мы и без тебя сыграем, — сказал Сашка. — Катись, скатертью дорожка, а то ещё опоздаешь к обеду.

Больше всего я боялся, что Нина не дождалась и ушла. Но она была в классе, сидела за первой партой. Когда я влетел, она встала.

Класс был большой, окна громадные, потолки

высокие, а она такая маленькая! Днём, когда в классе полно ребят и кругом шум и разговоры, этого не замечаешь. А сейчас она была удивительно маленькая. Ну, прямо девочка из детского сада.

— Задержался. У нас сегодня важная игра,— сказал я.

— Понятно,— ответила Нина.

Я-то был уверен, что в футболе она ничего не понимает.

— Ну, показывай твои примеры,— сказал я.

Нина подала мне задачник. Там были какие-то дурацкие примеры. Цифры, потом три точки, снова цифры и три точки, и снова цифры. А в конце примера знак равенства и ответ. В условии требовалось вместо точек поставить знаки действий.

— Это сущая ерунда,— сказал я, а сам стал соображать, какие там ещё знаки надо ставить.

— Умножение проходили? — спросил я.

— Проходили,— ответила Нина.

— И деление проходили?

— Проходили.

«Нечего сказать, нагружают маленьких,— подумал я.— Мало им сложения и вычитания. Нет, надо ещё задать умножение и деление».

Долго думать было неудобно, а Нина смотрела мне прямо в рот. Точно я какой-то арифметический волшебник или счётная кибернетическая машина и у меня тут же начнут выскакивать изо рта готовые решения.

Молча взял ручку, листок бумаги и стал переписывать этот несчастный пример. Видно, я здорово волновался, что-то перепутал, с ответом у меня не сошлось.

Посмотрел на Нину: заметила ли она, что я ошибся?

Нина тяжело вздохнула и сказала:

— Вот и я так: решаю быстро, а с ответом не сходится.

Я кисло улыбнулся и ничего не ответил. Другой на моём месте стал бы выкручиваться, что он пошутил. А я не умел выкручиваться — это была моя слабость.

Пришлось повозиться с этими примерами больше часа. Оказалось, пустяковые примеры. И Нина в конце концов тоже научилась их решать.

Меня просто распирало от гордости. Это был первый благородный поступок в моей жизни, и я готов был решать эти примеры до ночи.

— Если будут ещё какие-нибудь осложнения с арифметикой, приходи.

Зачем я предложил ей свою помощь, даже не знаю. Решил, что не буду вожатым, а теперь сам навязался.

— Хорошо, — ответила Нина.

Пора было уходить, но я почему-то тянул время. Я вспомнил ребят из второго «А», и, честно говоря, мне стало жаль с ними расставаться. Сам бежал от них, а теперь вдруг пожалел.

И тут мне пришла в голову блестящая идея. Переписать в тетрадь фамилии всех этих малышей, а потом отвести их в ГУМ и сфотографировать в моментальной автоматической фотографии. А фото наклеить в эту тетрадь.

По-моему, это была действительно идея: малышам радость и новому вожатому, который придёт вместо меня, помощь. Открыл тетрадь — фотографии, а под ними фамилии: не перепутаешь никого.

Я вытащил из портфеля чистую тетрадь и под Нинину диктовку переписал фамилии ребят.

Домой мы возвращались вместе. Всю дорогу разговаривали. Нина рассказывала про себя.

— Мы живём вчетвером: папа, мама, бабушка

и я. Папа и мама врачи, а бабушка пенсионерка... А ты с кем живёшь? — спросила Нина.

— Тоже с папой и мамой. Только без бабушки. Папа сейчас уехал в командировку в Свердловск. Он оттуда привезёт для своего завода скоростные станки. А пенсионерка у нас тоже есть — Ольга Андреевна, наша соседка.

— Пенсионерка! — обрадовалась Нина и засмеялась.

Почему ей было смешно, я не понял. Не всегда ведь так сразу поймёшь этих маленьких.

— Все пенсионерки смешные, — сказала она. — В тот день, когда им разносят пенсию, они не выходят на улицу, боятся прозевать почтальона.

Я тоже засмеялся. Вспомнил, что Ольга Андреевна в день пенсии никогда не выходит из дому.

— А наша соседка всех расспрашивает о Сибири, у неё там сын.

Мне было легко разговаривать с Ниной. Она как мальчишка: о чём хочешь с ней, о том и болтай. Ей всё интересно, это я сразу почувствовал. Есть девочки, которые интересуются косынками да шарфиками, а Нине всё было интересно.

— Я тоже, когда вырасту, поеду в Сибирь, — сказал я.

— Говорят, там такие степи, что за целую неделю можно ни одного человека не встретить.

— Ну и что?

— Ничего, — ответила Нина. — Но, говорят, там по степям рыщут голодные волки и нападают на овец.

— Ну и что? — сказал я. — Этих волков охотники расстреливают прямо с самолётов. От самолёта далеко не убежишь.

На прощание Нина сказала:

— Приходи к нам в класс почаще.

— Хорошо,— ответил я.

У подъезда меня поджидал Сашка.

— Ты чего стоишь? — спросил я.— Пошли ко мне.

— Не собираюсь к тебе заходить. Мне у тебя нечего делать. Просто я хотел посмотреть на твою нахальную физиономию.

Сашка был мокрый и злой, как пёс, который два часа бегал за кошкой и не поймал её. Я сразу догадался, что наши проиграли. Сашка был такой усталый, что мог заплакать от обиды.

Глупо, конечно. И со стороны может показаться смешным. Подумаешь — проиграли в футбол. Но я-то знал, что этот проигрыш для Сашки большое несчастье.

— Да брось ты переживать! Мы ещё разделаем их под орех.

— Воспитатель!.. — ехидно произнёс Сашка.

Значит, он всё же видел меня с Ниной. Я промолчал: не сообразил сразу, что ему ответить. А Сашка повернулся и пошёл. Ленивой походочкой, помахивая портфелем.

«Это он уже зря,— подумал я.— Смеётся. Когда от злости над другим смеются — это всегда зря».

* * *

На следующий день на перемене пришла Наташа.

Я хотел улизнуть, но она окликнула меня:

— Боря, как октябрюта?

Вокруг нас собрались ребята. И особенно много было девочек. Ужасно до чего они любили сюсюкать: «Наташенька, Наташенька, какой у тебя симпатичный воротничок!» или: «Какой у тебя симпатичный значок!»

Не хотелось при них разговаривать, но другого выхода не было.

— Подтянул одну девочку по арифметике,— сказал я.

Тут откуда-то вынырнул Сашка и закричал:

— Ура! Придуманто воспитал нового математика. Это сенсация!

Так мою фамилию ещё никто не переделывал. Я засмеялся вместе со всеми, думал, убью сразу двух зайцев: помирюсь с Сашкой и отделаюсь от Наташи. Но она строго сказала:

— Это частности. А ты глубже смотри. Вовлекай весь коллектив в общественную работу.

Ох, какая меня охватила скука, когда она сказала эти слова!

— Кое-что задумал.— Я протянул ей тетрадь с фамилиями октябрят.

Она полистала её, а все остальные вытянули шеи, чтобы заглянуть, что там такое. Шеи у них стали прямо как у жирафа.

— В чём дело? — спросила Наташа.— Ничего не понимаю.

— Мы пойдём в ГУМ, там ребята сфотографируются в моментальной фотографии. А я наклею эти снимки в тетрадь.

— А зачем? — ещё больше удивилась Наташа.

— Фотография автоматическая. Работает без фотографа.

— По-моему, ты пошёл не по тому пути. Какие-то фотографии.

Все захихикали.

Я разозлился. Она, конечно, не поняла, что малышам интересно сфотографироваться в моментальной автоматической фотографии.

— Ну, потом будем записывать в эту тетрадь про свои дела,— выдавил я.

Скучно мне было. Даже расхотелось идти к октябрятам.

— Это всё не имеет отношения к работе вожатого, но для начала сойдёт.— Наташа посмотрела на ребят.— Вожатый — это кто? Воспитатель и политический руководитель своих младших товарищей. А ты, Збандуто, ещё не понял этого.

— А что же имеет отношение к работе вожатого? — разозлился я.

— Ну, организуй танцевальный кружок. Разучи, например, танец гопака.

— У него нет никакой склонности к пластике! — снова крикнул Сашка.

Я думал, он убежал, а он ещё околачивался тут.

— Я позову Смолина, — ответил я. — Он у нас знаменитый учитель танцев.

* * *

И всё же я повёл ребят в ГУМ. И не зря. Автоматическая фотография — великолепная вещь. Зайдёшь, сядешь в кабину и можешь корчить любые рожи — фотографа ведь нет. Потом получай сразу девять фотокарточек. Три — с левого профиля, три — с правого, три — анфасные.

О том, что можно корчить рожицы, я, конечно, никому не говорил. Но Толя Костиков сам догадался и другим рассказал.

Что это было за веселье! Толя Костиков сфотографировался с оскаленными зубами. Гена Симягин к подбородку прилепил обрывок газеты. А Гога Бунятов — тот высунул язык. Все хохотали и никак не могли остановиться.

Взрослые на нас оглядывались и, может быть, даже возмущались. Но я-то уж знал: если смешно,

тут ни за что не остановишься. Тогда нужно придумать что-нибудь особенное, и я сказал:

— Сейчас пойдём есть мороженое. Из стаканчиков.

— Ура! Ура! — закричали все.

— А мне мороженого нельзя, — сказал Толя Костиков. — Я болел недавно ангиной.

— Жаль, — ответил я; Толя Костиков сразу скис. — Ну что же, полная солидарность. Мороженое есть не будем. Купим пирожки с повидлом.

— Полная солидарность, полная солидарность! — обрадовался Костиков. — Это я понимаю.

Когда стали покупать пирожки, я увидел, что Гена Симагин отошёл в сторону и уставился на витрину с коврами. Точно его с самого рождения интересовали только ковры и всякие узоры на них.

Ясно: у него не было денег на пирожок. А у меня в кармане лежали три новеньких рубля, которые мне оставил папа. Я должен был на них купить маме подарок ко дню рождения.

Пришлось вытащить один из этих новеньких рублей и купить пирожок Гене Симагину.

Мне ничуть не было жалко денег. Все уплетают за обе щеки пирожки, а один малыш рассматривает в это время какие-то пыльные ковры. Кем надо быть, чтобы такое терпеть? Но я всё же вздохнул, потому что прекрасно знал — стоит разменять рубль, и он весь разойдётся.

Я подозвал Нину и дал ей пирожок для Гены. Не знаю, что она ему там говорила, но они очень быстро после этого отошли от витрины.

Вечером я расклеил фотографии малышей в тетрадь. И она стала как живая. Интересно было её перелистывать. Смешные рожицы у этих малышей. Потом я принялся за уроки. Поучу, поучу и снова полистаю тетрадь с фотографиями.

Захотелось мне придумать для малышей что-нибудь особенное, какое-нибудь тимуровское дело. Думал, думал. Ничего не придумал. Пошёл посоветоваться к Ольге Андреевне.

Она сидела в кресле и читала старые письма. Она часто читала эти письма. Это были письма её мужа к ней, когда они были молодые.

Я ей рассказал о своих делах.

Ольга Андреевна сняла пенсне. Она носила старомодное пенсне на чёрном плетёном шёлковом шнуре. Пенсне часто соскакивало у неё с носа, но она упорно не желала с ним расставаться. Это пенсне подарил ей муж. В общем, у неё в жизни было два «ангела»: её муж и её сын.

— Организуй хоровой кружок. Хорошо, когда люди поют. А у детей очень звонкие, чистые голоса. Я даже сама могу с ними позаниматься.

Дело в том, что у Ольги Андреевны был редкий голос — контральто. Но её отец, отсталый человек, не разрешил ей учиться в консерватории.

Мне не хотелось огорчать Ольгу Андреевну, но, по-моему, в пении тоже ничего тимуровского не было.

— Главное не в том, что ты придумаешь, — снова заговорила Ольга Андреевна. — Главное, чтобы твои октябрята росли добрыми, честными людьми.

Я вернулся к себе и снова начал думать. Ничего не придумывалось.

«Ладно, — решил я. — Буду пока их закалять физически. А там разберёмся».

В первое же воскресенье я повёл весь класс в бассейн. В этом бассейне был детский кружок по плаванию.

Плавание я выбрал не случайно. Во-первых, этим видом спорта можно заниматься с детства, а во-вторых, всем известно, что с плаванием у нас в

стране далеко не всё в порядке. В Риме на Олимпийских играх мы получили уйму медалей, а по плаванию — ни одной.

Вот почему я решил записать своих малышей в плавательный кружок. Кто знает, может быть, из них вырастут рекордсмены страны или даже мира. Это было бы, конечно, здорово.

Но не так-то всё оказалось просто. Сначала нас не хотели пускать в бассейн. Там у них всё по расписанию и по пропускам.

Малыши притихли, как мыши. А я долго спорил и кричал, что я вожатый, и что мы всем классом, и что мы не позволим срывать общественное мероприятие.

Наконец появился какой-то длинный мужчина в синем спортивном костюме и велел нас пропустить. Он нас провёл в зал и приказал:

— Раздеться и выстроиться по росту!

Все, конечно, запищали и захихикали.

Тогда он сказал:

— Быстро. У меня нет времени.

Пришлось мне раздеться. Надо было показать пример, а то ещё этот длинный разозлится и выгонит нас. Остался только в трусиках и майке.

— Майку тоже снять, — приказал длинный.

Следом за мной стали раздеваться ребята. Они стеснялись, конечно, но длинному их ни капельки не было жалко.

Когда я посмотрел на них, мне вдруг стало смешно. Они были смешно одеты. Мальчишки ещё ничего. Мальчишки в чёрных трусах. А девочки были в цветных: голубых, розовых, жёлтых. Они сбились в стайку и что-то там чирикали. Настоящие страусята — худенькие, тоненькие. Ноги длинные, спичками. Как они на них ходят, непонятно.

Построились по росту. Я первый.

— Выходи из строя,— сказал длинный.— Староват для плавания.

Я чуть не упал от неожиданности. Сказать такое! Я уже хотел поговорить с ним более резко, но он повернулся ко мне и снова добавил:

— И грудная клетка узковата.— Он больно щёлкнул меня пальцем по ключице.

У меня была куриная грудь. Это было моё несчастье. Но спортом-то я занимался. Еле-еле сдержался. Не хотелось заноситься при ребятах.

А тренер продолжал осмотр. Он измерял ребятам грудные клетки и, если они при этом хихикали от щекотки, свирепо смотрел на них. Ощупывал ноги и руки. А потом подвёл к аппарату, которым измеряют объём лёгких. Для пловца большой объём лёгких — первое дело.

— Ну вот что, из всей вашей компании,— сказал тренер,— могу взять эту девочку.— Он показал на Зину Босину.

— Почему? — спросил я.

— «Почему, почему»! Это мне судить.— Он повернулся к Зине.— Придёшь на занятия в следующее воскресенье. Принесёшь мыло, полотенце и купальный костюм.

— Да,— сказал я.— Неважно у вас поставлено дело.

— Почему — неважно? — спросил длинный.

Раньше он вроде меня и не замечал, а теперь-то заметил и сделал шаг в мою сторону.

— В Риме проиграли на Олимпийских, а когда приходят новенькие, так вы от ворот поворот.

Малыши быстро задвигались, собирая свои вещи. Они явно торопились уйти.

Но длинный ничего мне не ответил. А что скажешь, когда это чистейшая правда.

Теперь второклашки прибегали ко мне каждую перемену, а после уроков поджидали меня и провожали домой. Сашка прямо не знал, что ему делать.

— Долго ты будешь возиться с ними? — спросил он.

— Весь год. А потом на следующий год снова.

— В общем, до самой смерти?

— Не до смерти, а пока не закончу школу.

— Значит, конец нашей многолетней дружбе?

— Почему — конец? Они тебе не мешают. Они знаешь какие хорошие!

— Я сегодня подслушал, как твой Костиков говорил про тебя, — сказал Сашка. — Будто ты самый сильный среди нас и круглый отличник. Задачки, говорит, решает, как семечки лущит. Это тоже ты им рассказывал?

— Они меня идеализируют. Понял?

После этого разговора я спросил у мамы, почему меня так полюбили малыши.

— Просто ты добрый, — сказала мама. — А маленькие очень привязчивые и старших всегда любят.

Я ничего не ответил маме, но с этого дня каждый день стал заниматься зарядкой и аккуратно готовил уроки. Это оказалось совсем не так трудно. Главное было привыкнуть.

Я купил себе теннисный мячик и целыми днями маял его в кулаке — развивал мускулатуру рук. По-моему, я делал определённые успехи.

Я мечтал о том дне, когда стану настоящим атлетом. Вот тогда придёт расплата. Тогда-то я поговорю с тем длинным из бассейна. Неизвестно, кто ещё кого щёлкнет пальцем по ключице.

Ольга Андреевна, разговаривая со мной, перестала поджимать губы и даже однажды сказала: — Знаешь, Бока, ты определённо напоминаешь своей настойчивостью Игоря.

Это была высшая похвала, на какую я мог рассчитывать. Ольга Андреевна сравнила меня со своим сыном, с самим Игорем. И всё же я ответил:

— Ольга Андреевна, я же просил вас не звать меня Бокой.

— Ах, дорогой мой мальчик! Разве в имени дело. Моего мужа, который провоевал всю гражданскую, а в эту войну пошёл в ополчение и погиб под Москвой, звали Минуткой. В детстве он не выговаривал буквы «ш» и вместо Мишутки называл себя Минуткой. А впрочем, если ты настаиваешь, я постараюсь не называть тебя Бокой.

Между тем приближался день маминого рождения, и пора было покупать подарок. У нас дома это серьёзно. Не подарить маме подарок — значит подвести папу. Пришлось отправиться в магазин, хотя я ненавижу ходить по магазинам. Все толкаются, к прилавку не подойдёшь. Сразу делается жарко, и уже ничего не хочется покупать.

По дороге в магазин я встретил Нину с каким-то высоким, худым мужчиной в очках.

— Боря! — крикнула Нина. — Боря!

Я остановился. Надо сказать, что я не знал, о чём говорить с этими малышами при родителях.

Мужчина посмотрел на меня. У него были толстые стёкла в очках и глаз почти не было видно. Честно говоря, мне такие «очкарики» не очень нравились. Он был типичный доктор. Я предпочитал более мужественные профессии, но пришлось всё же подойти.

— Папа, это наш Боря. Вожатый, — сказала Нина. — Он учится в шестом классе.

Она говорила обо мне так, точно я академик или народный артист. А этому доктору, может быть, на меня начхать.

Мужчина протянул руку и сказал:

— Очень приятно. Меня зовут Иннокентий Иннокентьевич.

Я ничего не ответил, а подумал, что на этом имени легко сломать язык.

— Мы идём в кино,— сказала Нина.

— Понятно,— ответил я.— Интересная картина?

— Интересная,— вмешался в разговор Иннокентий Иннокентьевич.— Пойдём с нами?

«А почему бы мне в самом деле не пойти в кино? — подумал я.— Позже в магазинах будет меньше народу».

— Можно,— сказал я.

— Нина, купи Боре билет.— Иннокентий Иннокентьевич протянул ей монету в пятьдесят копеек.

— Нет, что вы,— сказал я и вынул из кармана два оставшихся папиных рубля.— Я сам привык платить за себя.

Иннокентий Иннокентьевич покраснел и сказал:

— Ну что ж, пожалуйста.

В фойе мы купили мороженого в стаканчиках. Я, конечно, опять на свои деньги. Сначала я не хотел покупать мороженого. Но неудобно смотреть им в рот, как они лизут это мороженое. А потом я побоялся, что этот доктор подумает, что я жадничаю. Купил себе любимое — клубничное. Потом пошли в зал.

Картина была неплохая, но, как только в зале погас свет, с меня сразу вся лихость слетела и я испугался, что истратил столько денег.

Да, в эти минуты досталось от меня очкастому Иннокентию Иннокентьевичу.

Недаром у меня всегда было какое-то недоверие к людям, которые носили очки с толстыми стёклами. Устроил мне номер, ничего не скажешь. Теперь папа будет говорить, что я ненадёжный человек, что дело совсем не в подарке, а в том, что я не выполнил обещания. А Ольга Андреевна снова будет поджимать губы и укорять меня всякими отрывками из басен Крылова. Из кино мы вышли вместе.

— Хорошо. Грустно и хорошо, когда наступают последние осенние дни,— сказал Иннокентий Иннокентьевич.

Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору, поникши, ели
Зелень мрачную хранят.

«Листья,— подумал я.— Какое мне дело до листьев, когда у меня от папиных денег остался рубль».

— А не махнуть ли нам во Внуково? — спросил Иннокентий Иннокентьевич.— Там сейчас великолепно.

Мне было всё равно, куда махать, и я ответил:

— Можно, пожалуй.

— Я очень довольна, что ты познакомился с моим папой,— сказала Нина.— Хорошо всё получилось?

— Хорошо,— ответил я.— Лучше не придумаешь.

Мы пришли на проспект Карла Маркса. Постояли несколько минут у гостиницы «Метрополь», посмотрели на машины иностранных марок. В этой гостинице живут иностранцы. Они приезжают в Москву на своих машинах. И поэтому здесь всегда стоят машины с чужими номерными знаками: пражскими, парижскими или варшавскими.

— Нравятся? — спросил Иннокентий Иннокентьевич.

Это был наивный вопрос — кому же машины не нравятся! Я кивнул.

— Значит, мы с тобой родственные души. Я тоже люблю машины. Могу часами любоваться.

Честно говоря, я больше бы поверил, если бы он сказал, что может любоваться часами осенним листопадом.

— У нас дома есть коллекция,— сказала Нина.— Эмблемы грузовых и легковых машин.

— Я собрал уже пятьдесят эмблем марок автомашин,— сказал Иннокентий Иннокентьевич.

— А я даже не знал, что такие коллекции собирают,— признался я.

— Могу поделиться своим опытом и коллекцией, — сказал Иннокентий Иннокентьевич.

Тут подошёл внуковский автобус-экспресс, и я ничего не успел ответить.

Во Внукове было действительно хорошо. На аэродромном поле стояли самолёты: реактивные, беспропеллерные «ТУ», четырёхмоторные турбовинтовые «ИЛы». От их крыльев на бетонные плиты аэродрома падали тени. В тени спокойно прятались большие грузовики-бензовозы.

Мне показалось, что это не обыкновенный аэродром, а космодром. Сейчас загудят моторы, и эти самолёты уйдут куда-то в неизвестную высь.

Но тут стайка людей, обыкновенных людей, в пальто, в шляпах и даже с ободранными, старыми портфелями и чемоданами в руках, прошла через контроль и направилась к самолёту.

Они были такие незаметные, эти маленькие люди, на большом бетонном поле среди могучих, многотонных самолётов.

И лётчики были ничуть не лучше всех остальных. Они только немножко увереннее шли по лётному полю, разговаривали и смеялись.

Самолёт вырулил на взлётную дорожку, дал полный оборот моторам и взлетел.

Он уже превратился в тоненькую горизонтальную полоску, а я всё смотрел ему вслед и думал про людей, которые сидят там в удобных креслах самолёта, и им совсем не кажется удивительным, что они так высоко над землёй.

— Я уже летал сотни раз и никак не могу привыкнуть, — сказал Иннокентий Иннокентьевич. — Страшно, но волшебно. Этакую многотонную штучку поднимают в небо.

Прилетел другой самолёт. Когда он уже бежал

по полю, то на хвосте у него выскочило два маленьких парашюта.

— Посадочная скорость очень большая,— сказал Иннокентий Иннокентьевич.— Парашюты для торможения.

Прошли пассажиры. Они были весёлые, разговаривали и смеялись, а лётчики шли молча.

«Устали, — подумал я. — Нелегко, вероятно, управлять самолётом».

— Как вы думаете, Иннокентий Иннокентьевич, меня возьмут в лётчики? — Сам не знаю, как у меня выскочил этот вопрос, и теперь я боялся, что он засмеётся или начнёт говорить об этом слишком громко и нас услышат чужие люди.

Он посмотрел на меня, и я увидел, как в стёклах его очков играют солнечные лучики, и в солнечных лучиках маленькие, далёкие, колющие глаза. Они всегда одинаковые, по таким глазам ни о чём не догадаешься.

— Знаешь, важно не бояться и хотеть,— сказал Иннокентий Иннокентьевич.

— А я не боюсь и хочу,— ответил я.

Нравилось мне, что он говорил как-то по-своему. А то другой бы обязательно сказал: если ты будешь хорошо учиться и т. д., то возможно...

Все и так уже сейчас знают, что учиться надо, можно об этом лишний раз не напоминать. А многие взрослые об этом напоминают просто от лени. О другом ответе надо думать, а этот сказал и отвязался.

— Ты решил стать лётчиком? — спросила Нина.— А говорил, поедешь в Сибирь.

— Ты что-нибудь слышала о лётчиках, которые открывают на своих самолётах залежи полезных ископаемых? Они летают над Сибирью, утюжат сибирскую тайгу. А в самолёте у них специ-

альный прибор, он всё отмечает. Где руда, где вольфрам, где никель.

— Нет,— ответила Нина.— Не слыхала.

— И другие, конечно, в вашем классе не слыхали?

— Может быть, Костиков знает. Он иногда читает «Юный техник».

— Придётся тебе им про это растолковать,— сказал Иннокентий Иннокентьевич.

— Придётся,— ответил я.

* * *

В день маминого рождения я всеми силами старался не вставать, пока мама не уйдёт. Плохое у меня было настроение, и неизвестно, что говорить маме. Подарка я ей так и не купил.

Открыл один глаз и осторожно поглядывал, как она собирается на работу. Обычно по утрам она ужасно весёлая и энергичная, а сегодня она была печальная.

Конечно, день рождения, а никто не поздравляет. Точно она живёт не в семье, а на необитаемом острове.

«У меня плохое настроение — это так,— подумал я.— Но мама не виновата, что я такой легкомысленный тип».

Встал, подошёл к маме и сказал:

— Поздравляю.

— Спасибо,— сказала мама.— А я решила, что ты забыл.

Чмокнул маму в щёку. От неё пахло молоком.

Когда я маму поздравил, она сразу повеселела. Для неё всё было в порядке. Я её поздравил, папа тоже, конечно, поздравит. Значит, всё в порядке. Правда, когда папа бывал дома, то он всегда да-

рил ей подарки: духи там или новый шарфик. А тут папы нет.

Она-то не знала, что папа всё поручил мне. Это ведь было нашей мужской тайной.

Мама побегала ещё немного по комнате. Переодела кофточку. У неё такая привычка — утром обязательно два раза переодеваться. А потом ушла.

И тут зазвонил телефон. Длинный, продолжительный звонок междугородного телефона. Ольга Андреевна решила, что это звонит её сын, и бросилась к аппарату. Но оказалось, что это папа.

— Мама уже ушла, — сказал я.

— Какая жалость! — ответил папа. — Ну, ты её поздравил?

— Конечно, — сказал я. — Поздравил.

— Что ты ей подарил? — спросил папа.

Слышно было, как назло, очень хорошо. Когда где-нибудь в кино или в театре изображают телефонный разговор, то обычно бывает плохо слышно и артисты кричат во всё горло и путают слова, и от этого выходит всякая путаница. А тут было слышно превосходно.

Но я всё же притворился, что не расслышал вопроса.

— Что? — крикнул я. — Не слышу, повтори ещё раз.

Рядом стояла Ольга Андреевна, а папа так заорал в трубку, что не только я или Ольга Андреевна, а прохожие на улице могли услышать его голос.

Прижал трубку к уху изо всех сил, несколько раз «чтокнул» и, не слушая папу, повесил трубку.

Телефон зазвонил снова.

— Не вешайте трубки, — сказала телефонистка. — Разговор не окончен.

— Ничего не слышно, — ответил я.

— Всё хорошо слышно,— сказала телефонистка.— А если вы глуховаты, позовите кого-нибудь с нормальным слухом.

Тут ворвался папин голос. Он сказал, что ничего подобного — его сын совсем не глухой, а их телефон работает нормально.

— Папа,— сказал я,— теперь я тебя слышу хорошо.

— Ну, что же ты купил маме?

— Ничего.

— Ничего? — удивился папа.— Зря я на тебя понадеялся. А почему ты, собственно, ничего не купил?

— У меня нет денег.

— Как — нет? Ты их потерял?

— Не потерял, а нет.

Хотел ему всё объяснить, но по телефону это трудно.

— Ну, понимаешь...— Надо было как-то отделаться, и я сказал: — Проел на мороженое.

— Так,— сказал папа.— Силён мужик.— Помолчал.— Обидно, что ты меня подвёл.

Папа не попрощался со мной и повесил трубку.

Никогда он не кричал и не ругался на меня и даже никогда не сердился. Такой он был человек. Всегда говорил про меня: «Мал ещё, вырастет — поймёт». А тут ничего такого не сказал, повесил трубку, и всё.

День был скучный. В школе я ни с кем не разговаривал. А если ко мне кто-нибудь приставал, огрызался. Хотелось поругаться.

Вечером некуда было деваться. А мама всё время спрашивала, почему я такой грустный.

Тоска заела меня просто смертельная. Оделся и вышел.

У староарбатского метро остановился и купил

себе мороженое. Весь рубль проел на мороженое. Последний папин рубль. Меня прямо тошнило от этого мороженого. А я ел и ел, не знаю почему. Вероятно, от одиночества и от жалости к себе хотел все свои внутренности заморозить.

Потом стал приглядываться: искал весёлую молодую парочку. Мне когда скучно, я всегда так делаю. Найду такую парочку и иду следом за ними. Интересно на них со стороны смотреть: медленно они идут, останавливаются, где только можно. И всё время смеются.

А я иду следом и делаю всё то же, что и они.

Они остановятся у витрины. И я останавлиюсь. Они начинают смеяться. И я про себя смеюсь. Даже если ничего смешного на ум не приходит, растягиваю губы и корчу рожи. А потом мне действительно делается смешно.

Но сегодня был невезучий день. Молодые парочки не попадались, а всё какие-то солидные. За такими не увяжешься: они или загоняют до пота, или засохнешь от тоски. Взял и позвонил Нине.

— Кто её спрашивает?

Я узнал по голосу Иннокентия Иннокентьевича.

— Борис.

Хотел поздороваться, но не стал. А то ещё подумает, что навязываюсь.

— А, Борис. Давай заходи в гости.

— Прямо сейчас?

— Конечно.

Походил минут двадцать для солидности у Ниногого подъезда и зашёл.

Вся их семья была в полном сборе. Пришлось здороваться со всеми за руку.

Потом Иннокентий Иннокентьевич повёл меня в другую комнату и показал свою коллекцию.

Это было неслыханное богатство. В большом ящике, в отдельных гнёздах, лежали эмблемы разных автомашин. Олени, быки, львиные головы, антилопы, самолёты, звёзды, копыя.

Эмблемы были тщательно отникелированы. Они были холодные, блестящие и недоступные. Я гладил, перебирал их, расставлял на столе.

— Ну как?—спросил Иннокентий Иннокентьевич.— Как тебе моя коллекция?

— В порядке,— ответил я.

Я так был растерян, что просто больше ничего не мог сказать.

— Будешь собирать такую же?

— Попробую,— ответил я робко.

— Тогда для начала возьми себе пять эмблем.

— Что вы, Иннокентий Иннокентьевич. Такая ценность!

— Бери, тебе говорят. Презираю коллекционеров, которые не поддержат товарища.

Я посмотрел на коллекцию и не знал, на чём остановиться. Мне даже жарко стало. Наконец я собрался с духом и взял три эмблемы.

Я взял три самые старые, облупленные эмблемы, чтобы не обидеть Иннокентия Иннокентьевича. Потом помялся и взял две получше: серебристую, с синим пятнышком эмблему итальянской машины «Фиат» и чешскую квадратную пластинку с видом гор Высокие Татры — эмблему машины «Татра».

— Сейчас я тебе заверну их,—сказал Иннокентий Иннокентьевич.

— Не надо. Я так,— и спрятал эмблемы в карман.

Потом мы пошли пить чай. За столом уже сидели Нина, её бабушка и мама Людмила Захаровна.

— Налюбовались? — спросила Людмила Захаровна.

— Чем бы дитя ни тешилось,— сказала бабушка,— лишь бы не плакало.

Я не понял, про кого бабушка сказала, и промолчал. А Нина рассмеялась.

— Это она про папу.

Я сел и опустил руки в карман. Пощупал эмблемы.

— Боря,— спросила Нина,— ты какое больше любишь варенье: сливовое или вишнёвое?

— Сливовое,— ответил я.

— А я— вишнёвое, оно у нас с орехами.

Нина стала накладывать варенье в блюдце и уронила одну ягодку на скатерть.

— Ах, какая ты, право, размазня,— сказала Людмила Захаровна.— Руки у тебя дырявые.

Нина покраснела. Хуже всего эти чаи, не знаешь, о чём говорить, варенья толком не поешь, потому что кажется, что тебе смотрят в рот. В таком положении сразу вспоминаешь что-нибудь плохое. И я, конечно, вспомнил про истраченные деньги.

Тут мне сразу расхотелось и варенья и чаю. И даже эмблемы, которые царапали мне ногу сквозь материал в кармане, не успокоили меня.

— Спасибо.— Я встал.— Мне надо идти.

— Что ты, Боря,— сказала Людмила Захаровна,— так быстро уходишь? Посидел бы.

Вообще мне Людмила Захаровна не понравилась. Мне показалось, что она больше говорит ради вежливости, а на самом деле ей всё равно: уйду я или нет. Не люблю я, когда говорят только из вежливости. Я вышел в переднюю вместе с Ниной.

— Я думала, мы поиграем с тобой, потом посмотрим телевизор,— сказала она жалобным голосом.

— Ничего, обойдешься без веселья.

— Почему ты такой грубый? Мама говорит, что грубые люди всегда жестокие.

— Ну, твоя мама тоже...

— Это ты из-за варенья? Она никогда меня не ругает. Просто она волнуется. Они ведь с папой уезжают на полгода в командировку, и она волнуется, как я останусь одна.

— А куда они уезжают?

— В Африку,— ответила Нина.

— В Африку? — Мне стало смешно от её вранья.

Иннокентий Иннокентьевич, худой и в очках, и Людмила Захаровна, которая делает замечания за какую-то несчастную ягодку, упавшую на скатерть,— и вдруг в Африку. В джунгли, под жаркое солнце, под тропические ливни, где на каждом шагу ядовитые змеи и тигры. Я посмотрел на Нину, на её коротенькое розовое платье и большие розовые банты.

— А ты хоть знаешь, где находится Африка?

— Конечно, знаю.— Нина рассмеялась.— Я даже стихи помню, мы их ещё в детском саду учили.

В Африке акулы,
В Африке гориллы,
В Африке большие злые крокодилы...

— И всё, больше ты ничего не знаешь про Африку? Ну, и нечего врать.

— Я никогда не вру,— сказала Нина.

Что-то я говорил не то, приставал к Нине и старался её обидеть.

— Ну ладно, африканка,— сказал я примирительным голосом,— до свидания.

«В конце концов,— подумал я,— она же совсем

не виновата, что я истратил деньги и не купил маме подарок».

Меня остановил голос Иннокентия Иннокентьевича:

— Ты так и не поверил, что мы уезжаем?

— Поверил,— ответил я нерешительно.

— Да, брат, едем в Африку людей лечить. Там ещё разными тяжёлыми болезнями болеют: оспой и холерой.— Иннокентий Иннокентьевич посмотрел на Нину.— Ну-ка, Нинок, оставь меня с Борисом. У нас серьёзный разговор... Понимаешь,— сказал Иннокентий Иннокентьевич,— я на тебя по-настоящему надеюсь.— Он снял очки и стал их протирать. Без очков у него было смешное и беспомощное лицо.— Нина девочка несамостоятельная, а бабушка у нас старая. И вот мы с Людмилой Захаровной просим тебя присмотреть за Ниной. Я на тебя по-настоящему надеюсь.

— Вы не беспокойтесь,— сказал я.— Что с ней может случиться? Я за ней присмотрю.

— Нет, ты твёрдо ответь, как мужчина мужчине. Можно на тебя положиться? Ведь мы уезжаем не на дачу, а в Африку.

Я хотел дать ему клятву. Он определённо мне нравился, он стал для меня как товарищ. Я даже ему очки уже простил и то, что он любил читать стихи. В общем, он был хороший человек, и мне почему-то не хотелось его обманывать. Вспомнил, как я подвёл папу, и тут точно кто-то наступил мне на язык.

— Ну, что же ты, не хочешь? Или, может быть, считаешь, что с девочкой нельзя дружить?

— Ничего я не считаю, но обещать не могу. Буду стараться изо всех сил, а твёрдо обещать не могу. Всякие могут быть неожиданности.

— А я на тебя, признаться, надеялся.

— Не могу обещать,— упрямо ответил я.

И тут у меня мелькнула мысль, что только поэтому Иннокентий Иннокентьевич зазвал меня в гости и подарил часть своей коллекции.

Я посмотрел ему прямо в лицо, чтобы проверить свою догадку, но разве что-нибудь рассмотришь за этими толстыми стёклами очков. Он стоял передо мной высокий, худой и тёр подбородок.

Я вытащил из кармана драгоценные эмблемы.

— Возьмите,— сказал я.— А то подумаете, что я неблагодарный. Эмблемы взял, а просьбу вашу не могу выполнить.

— Да ты просто дурак,— сказал Иннокентий Иннокентьевич.— Надутый, глупый человек. Я ещё никого в жизни не задабривал. Сейчас же спрячь эмблемы, или я с тобой больше никогда в жизни не поздороваюсь.

Я выскочил на лестницу и побежал вниз.

— Боря, Боря,— крикнул Иннокентий Иннокентьевич,— вернись!

Я молчал. И вся лестница молчала. Только моё имя глухо разносилось по лестнице и стучалось о холодные камни.

— Что случилось? — спросила Нина.

— Боря почему-то обиделся и убежал,— ответил Иннокентий Иннокентьевич.— Нехорошо.

— Он сегодня странный,— сказала Нина.— На меня накричал, мама ему наша не понравилась... Наверху хлопнула дверь, и голоса пропали.

* * *

В первый зимний день у меня наконец возникла новая блестящая идея: отвезти всех ребят на стадион, чтобы они поступили в кружок юных фигуристов.

Дело в том, что последнее время у меня вообще не было никаких идей. Неудача с маминым днём рождения сильно подействовала на меня. А тут пришло от папы письмо. В нём была всего одна строчка: «Куда истратил деньги?»

Значит, папа не поверил, что я проел их на мороженое. И я ему всё честно написал: и про пирожок Гене Симагину, и про кино, и про Иннокентия Иннокентьевича и Нину.

В письме легче всё объяснить. А то когда так рассказываешь, получается, что ты оправдываешься и выкручиваешься.

Написал письмо — настроение сразу улучшилось. А тут под ногами первый снег похрустывает, вот и родилась идея о фигуристах. Тем более, это тоже слабое место в нашем спорте.

Договорились собраться возле школы. Все ребята пришли, не было только Нины, Зины и Гены Симагина.

Потом появилась Нина и сказала:

— Зина отказалась идти. Её мама заявила, что у неё завтра важная тренировка в бассейне, и ей не до октябрятских мероприятий.

— Так,— сказал я.— А где Генка?

— А Генка помогает маме убирать снег,— ответила Нина.— У них много работы.

Она мне это сказала с какой-то обидой. Точно я виноват в том, что Зина стала задаваться и метит чуть ли не в чемпионки по плаванию, а Генка должен работать.

— Ну, пошли,— сказал я.— А то опоздаем.

Все тронулись, но я чувствовал, что у малышей не было настроения. Они не возились и не шумели.

— Вот что,— сказал я.— Зайдём всё же за Генкой. Может быть, он пойдёт с нами.

Развернулись и пошли к Генке.

Ещё издали я увидел его. Он сгребал снег лопатой, а его мать скребком чистила тротуар.

— Здравствуйте,— сказал я.

Ребята столпились вокруг меня. Генина мать посмотрела на нас. Она была в короткой тужурке и в пуховом платке. От работы ей, видно, было жарко.

— Приветик,— сказал Генка; он приподнял шапку, и от головы у него повалил пар.

— Ну-ка надень шапку, пострелёнок,— строго сказала ему мать,— а то застудишься!

Генка напялил шапку.

— Вот ему и физкультура. Он теперь этой физкультурой будет заниматься всю зиму,— сказала Генкина мать.— И полезно, и матери подмога. Так что вы, ребяташки, идите по своим делам.

— Что вы! — сказал я.— Разве мы пришли Гену сманивать? Мы пришли вам помогать.

— Тётя Маруся,— крикнул Костиков,— мы сейчас всё переделаем! Это нам пустяк!

— Вот это уже ни к чему,— ответила тётя Маруся.— Мы и сами справимся.

А Генка не стал возражать, он-то отлично понял нашу хитрость. Нам важно было, чтобы Генка побыстрее освободился и мы отправились на каток.

Генка куда-то сбегал и принёс две лопаты и три скребка.

Что тут началось! Каждый выхватывал у него эти лопаты и скребки. Пришлось установить очередь.

Первыми принялись за работу мальчишки. Они скребли тротуар отчаянно. Но работа была не такой уж лёгкой. Неизвестно откуда под снегом образовался крепкий ледок, и скребки его не брали.

Тётя Маруся принесла лом и стала колоть этот лёд.

Потом лом у неё взял я. Тяжёлый он был до чёртиков, но я не показывал виду. Колот себе, и всё, а про себя ругал наших конструкторов: «Это в наше-то время, когда запускают спутники и космические корабли, приходится вот так колоть лёд ломом. Конечно, может быть, этот лом и историческая ценность. Я уверен, что такие ломы уже не выпускают лет сто. Но всё равно он никому не нужен».

Когда работа подходила к концу, вдруг из ворот выплыли Зина и её мама.

Разоделись в пух и прах. Зина в новом голубом пальто и в берете. Волосы коротко подстрижены. Она первая в

классе остригла косы. Они, видите ли, мешали ей плавать. А сама Босина напаялила на голову ярко-красную модную папаху.

Лично я не против нарядов. Мне даже нравится, когда люди красиво одеты. Но здесь всё это как-то было не к месту.

Ребята, как по команде, повернулись в Зинину сторону.

— А, это вы, молодой человек.— Босина оглянулась на ребят и сказала: — Знаете, ваша идея на этот раз не так удачна. Вы просто неоригинальный чудаков — работать дворниками. В атомный век.

Она назвала меня чудаком, словно дураком обругала. Но я-то был доволен, что попал в «отряд» чудаков. А она, видно, думала, что обидела меня.

— Мы помогаем Гениной маме,— сказала Нина.

— А ваш директор школы об этом знает? — спросила Босина.

— При чём тут директор? — сказал я.

— А при том, что это эксплуатация детского труда.— Она посмотрела на тётю Марусю.— Да, да. Идём, Зиночка.

И они удалились. А меня даже в жар бросило от её слов. Боялся поднять глаза на тётю Марусю.

— Ну, хватит, ребята,— сказала тётя Маруся.— Спасибо за помощь. Бегите по своим делам.

Мы прибежали на каток мокрые как мыши. В раздевалке катка уже никого не было. Только какая-то тётя, видно уборщица, разговаривала с маленьким, сухопарым мужчиной. Мы влетели всей оравой, и они сразу замолчали и уставились на нас.

— Это что ещё за безобразие! — зашумела женщина.— С этими детьми нет сладу. Вы что, не знае-

те? Занятия кружка закончились. Давай, давай по домам! — Она кричала, размахивала руками и вытесняла нас понемногу из комнаты.

Тогда я шмыгнул под её руку и подошёл к мужчине. Торопливо рассказал ему, в чём дело. И тут нам абсолютно повезло. Можно сказать, фантастически повезло.

— Тётя Катя, погоди одну минуту, — сказал мужчина. — Дай я поговорю с ребятами.

Все малыши собрались вокруг нас, а Костиков, чтобы задобрить мужчину, сказал:

— Здравствуйте, дядя.

— Здравствуйте, тётя, — ответил мужчина.

Это было несколько неожиданно. И, может быть, обидно для Костикова. Он ведь не хотел посмеяться над этим мужчиной. Но мужчина весело рассмеялся. И все ребята рассмеялись.

— Значит, хотите всем классом учиться фигурному катанию? А коньков ни у кого, разумеется, нет? А в магазине купить нельзя, потому что они дорогие? В кружки записываться тоже нельзя, потому что запись прекращена.

— Что же делать? — робко спросила Нина. — Нам так хотелось. — Это она спасала мою затею. — Мы уже были осенью в бассейне. Но там взяли только одну нашу девочку.

«Теперь всё пропало, — подумал я. — Он, может быть, решит, что мы ходим по всем стадионам, лишь бы куда-нибудь пристроиться».

— Так, — сказал мужчина. — Ты, паренёк-вожатый, составь список всех ребят и против каждой фамилии поставь номер ботинок. Если наберём коньки, будем заниматься.

Тут я вытащил свою тетрадь с фотографиями ребят и протянул мужчине.

Он взял её и стал перелистывать. Медленно так перелистывал.

— Где это вы сфотографировались?

— В моментальной автоматической, в ГУМе.

— Скажи-ка...

По-моему, моя тетрадь ему понравилась. Это было переломным моментом в нашей беседе.

— Ну вот что, ребята. Я иду против правил,— сказал мужчина.— Но обожаю энтузиастов. Только по-честному, не опаздывать. Буду заниматься сверхурочно.

* * *

Однажды к нам в класс пришла Наташа.

— Ребята,— сказала Наташа.— В совете дружины довольны работой Бориса Збандуто. Они хотят, чтобы мы ещё одного вожатого дали для октябрят, во второй «Б». Кто хочет?

И вдруг Саша Смолин сам поднял руку.

У меня от удивления глаза на лоб полезли. А Сашка покраснел, когда поймал мой взгляд, но руку не опустил.

— Ты, Смолин? — удивилась Наташа.

— А что? — спросил Сашка.— Не доверяете?

— Наташа,— сказал я,— раз Смолин хочет сам — значит, ему можно доверить. Мне же вы доверили.

И Сашка Смолин стал вожатым октябрят второго «Б».

Через несколько дней он совершенно спокойно подходит ко мне и говорит:

— А твои по сравнению с моими слабаки.

— Почему ты решил? — спокойно спросил я.— Без году неделя как попал в вожатые и уже всё знаешь.

— А потому, что я взял классные журналы и

сравнил. У твоих отметочки хуже.— И он мне показал аккуратно выписанные отметки своего и моего классов.

— А ты буквоед и бюрократ,— сказал я.— Но отметки — это ещё не всё. У моих душа хорошая.

— Ты что же, считаешь, что у моих души нет?

— Думаю.

— Один индюк думал, думал да в суп попал.

— А ты тот суп ел?

— Что-то не хочется, я из знакомых индюков супы не ем.

— Так вот, заруби на своей картошке, именуемой в анатомии носом, что этот индюк пока жив и здоров и постарается обставить второй «Б».— Я подбросил вверх теннисный мячик, который держал в руке, и преспокойно удалился.

* * *

Утром, как всегда, я побежал к Нине.

Я теперь каждый день бегал к ней. Боялся, проспит. Ужасно, до чего она любила спать. Вечером может лечь хоть в двенадцать часов, а утром не подынешь. Бабушка с ней справиться не могла, и я стал прибегать по утрам. Мы вместе делали зарядку. Потом Нина завтракала, и мы шли в школу.

— Всё готово? — спросил я у Нины.— На зарядку становись. Заводи пластинку.

Я считал, что зарядку веселее делать под музыку. Мы обычно занимались зарядкой под мексиканские народные мелодии.

— Ничего не готово,— ответила Нина.— У бабушки болят ноги, и нет завтрака.

— Так,— сказал я.— А где бабушка?

Мы прошли к бабушке в комнату. Она лежала в кровати. Грустная.

— Здравствуй, Боря. Ходить сегодня не могу—ноги болят — и завтрак не приготовила.

— Хлеб есть? — спросил я.

— Нет хлеба,— ответила Нина.— Бабушка не любит с вечера покупать хлеб: она любит свежий.

— С детства так привыкла,— сказала бабушка виновато.— Мы всегда покупали хлеб утром.

— Аврал,— сказал я.— Зарядка на сегодня отменяется. Я бегу за хлебом и маслом, а ты кипятишь чай и варишь яйца.

Через пять минут я уже вернулся. У Нины всю горел газ.

— Газ нужно открывать поменьше,— сказал я.— Чтобы не обгорел чайник.

— Боря, а у меня яйца полопались,— сказала Нина.

— Эх ты, голова садовая. Если яйца опускаешь в кипяток, нужно его посолить, тогда они и лопаться не будут. Ну, садись питайся, а я покормлю бабушку.

Я налил чаю в стакан, намазал ломоть хлеба маслом, взял два яйца и пошёл к бабушке.

— Вот, бабушка, позавтракайте, вам сразу лучше станет.

— Что ты, Боря,— сказала бабушка,— при моём тромбофлебите яйца есть нельзя.

— При чём?

— Болезнь такая — тромбофлебит. У старых обычно бывает. А в яйцах есть вещество, которое усиливает эту болезнь.

Вот не знал я этого.

— А что же вы кушать будете?

— Выпью чай, съем хлеб,— сказала бабушка.— И куда их понесло — в какую-то Африку. Не знаю, вызывать их или не вызывать.

— Зачем же вызывать,— сказал я.— Пока они доедут из Африки, вы уже поправитесь.

— Боря, я уже позавтракала,— сказала Нина.— Можно идти.

Я посмотрел на бабушку, и мне стало почему-то очень её жалко.

— Вот что, Нина, ты оставайся дома. А я поговорю с вашей учительницей. Первый урок ты пропустишь, а на второй тебя кто-нибудь подменит. Ясно?

— Ясно.

На улице меня ждал Толя Костиков. Он поджидал нас с Ниной.

— Что так долго? Можно опоздать, а мы сегодня с Ниной дежурные. Сам говорил, что дежурные должны приходить в класс первыми.

— Говорил. Бабушка у Нины заболела.

— Заболела? Я тоже недавно болел: наелся мороженого и схватил ангину. Пришлось уколы делать. За каждый укол мне мама давала по конфете. Я потом так притерпелся, что мог сколько угодно уколов вынести. А у неё что, грипп или, может быть, свинка?

— Да нет,— ответил я.— У неё другая болезнь, старческая. Яйца есть нельзя, и так далее.

— Это плохо,— сказал Костиков.— Я люблю яйца вкрутую. Мама ест белок, а я только желток.

— Нужно тебя, Костиков, обсудить на октябрятском сборе,— сказал я.— Неправильно тебя воспитывают: растёшь ты, как тепличное растение. За каждый укол по конфете, в яйцах только желтки ешь... Что это такое?

Круглое, толстое лицо Костикова стало пунцово-красным.

— А что, разве нельзя одно любить, а другое — нет?

— Можно, но, понимаешь, у тебя это носит какой-то не такой характер. Вырастешь ты, поедешь, к примеру, в Сибирь; кто тебе там будет одни желтки от яиц давать?

— Я в Сибирь не поеду,— сказал Костиков.— Я буду полярником, поеду в Антарктиду.

— В Антарктиду? Тем более — там мороз семьдесят градусов и полное самообслуживание.

Вдруг Костиков рассмеялся.

— Ты чего? — удивился я. — По-моему, смеяться нечего.

— В Антарктиду берут консервы?

— Берут,— ответил я.

— А я буду там есть консервированный яичный порошок. Он из одних желтков.

Ох и хитрый был этот Костиков! Но мне теперь было не до него; теперь я думал о том, как помочь Нининой бабушке. Решил назначить к ней дежурных из малышей и выбрал первых пятерых ребят. А Нину после уроков повёл к себе домой, чтобы покормить обедом.

Потихоньку открыл дверь.

— Ой, какая у вас большая передняя,— сказала Нина.— У нас она намного меньше.

— Тс-с! — сказал я.

Я боялся, что услышит Ольга Андреевна и что-нибудь выйдет не так.

— У вас что, нельзя громко разговаривать? — спросила Нина.

— Можно. Ну, знаешь, а вдруг соседка спит. Ты раздевайся и проходи в комнату. А я пойду разогрею обед.

Самое главное — это было успеть пообедать до прихода мамы. Мне неудобно было подгонять Нину, а её прямо распирало от желания поговорить.

— Очень вкусный суп. Мама моя, знаешь, то-

же готовит вкусные супы, а бабушка любит борщи да щи разные.

— Когда я ем, я глух и нем,— сказал я.

И тут вошла мама.

Она увидела Нину и остановилась как вкопанная. Как будто Нина была не худенькая, бледненькая девочка с тоненькими косичками, а дракон. Мама просто не могла произнести ни слова.

— Здравствуйте,— сказала Нина.

Она очень покраснела, и я тоже покраснел, точно мы сделали что-то недозволенное и нас поймали.

— Здравствуй, девочка,— сказала мама.— Сиди, сиди. Сейчас я вымою руки и пообедаю вместе с вами.

— Мама, мама! — Я был так рад, что готов был впервые в жизни сам расцеловать маму.— Нина сказала, что ты готовишь очень вкусные супы!..

— Ах, так это и есть Нина, у которой папа и мама уехали в Африку?

— Конечно, это она. У неё бабушка заболела, и у них нет обеда. Вот я её и привёл. А сейчас мы пойдём к её бабушке. Мы одно дело придумали.

Потом мама убежала на кухню, а к нам в комнату пришла Ольга Андреевна. Она только качала головой, точно чему-то удивлялась.

— А мне Боря рассказывал,—сказала Нина,— что у вас сын в Сибири.

— Боря у нас молодец,—сказала Ольга Андреевна.

Мама пришла из кухни и принесла две кастрюльки.

— Вот, Нина, это твоей бабушке. А то что же она голодная.

— Что вы,—сказала Нина и покраснела.

— Боря, неси, да не разлей.

Вообще я терпеть не мог ходить с кастрюлями и с авоськами, а тут я шёл и думал: «Хорошая у меня мама» — и совсем не стеснялся, что у меня в руках авоська. У Нининого подъезда нас поджидали малыши. Я велел прийти пятерым, а они пришли всем классом.

— Почему вы все пришли? — спросил я.

— Ну, Боря,— жалобно сказал Гена Симангин.— Всем хочется помочь Нине.

— Ладно,—согласился я.— Придётся разбить вас на группы.— Я сосчитал ребят.— Первая группа пойдёт за сахаром, вторая — за манной крупой, третья — в поликлинику, чтобы вызвать врача. Четвёртая группа в резерве. Сейчас я подымусь с Ниной в квартиру и принесу деньги.

Дверь мы открыли потихоньку, чтобы не потревожить бабушку, и услышали громкий голос Костинова. Он был дежурным.

— ...У меня есть слабости. Я очень люблю сладкое и желтки от яиц. Боря сегодня сказал, что я избалованный. А я пришёл домой и рассказал маме. Она мне говорит: про желтки — это Боря прав, а про сладкое — нет. А как вы думаете?

— Я тоже так думаю,—ответила бабушка.— Если сладкое у тебя не отбивает аппетит, значит, ничего страшного.

— Нет, совсем не отбивает,—обрадовался Костиков.— Я могу съесть пирожное, а потом преспокойно пообедать.

Нина засмеялась. Костиков услышал, что мы пришли, и выскочил в коридор.

— Что ты, Костиков, больному человеку не даёшь отдохнуть? — спросил я.

— Просто я хотел её развеселить,—ответил Костиков.

— Ну ладно, Костиков, ты иди,—сказал я.— Теперь Нина побудет с бабушкой. Покормит её обедом.

Я взял у бабушки деньги и вышел на улицу.

— Сахарная группа,—сказал я,—ко мне. Вот вам деньги, купите килограмм сахарного песка. Кому из вас дать деньги?

— Я обычно забываю сдачу,—сказала Вера Соловьёва.

— А я медленно считаю, и поэтому в очереди меня всегда ругают,—сказал Гена Симагин.

— А я, когда разговариваю с чужими людьми, начинаю заикаться,—сказал Гога Бунятов.

— Это ерунда,—сказал я.— Не обращай внимания, просто не думай об этом, и всё. Назначаю тебя старшим — вот деньги. Просто удивительно, до чего у вас много недостатков.

Потом я отправил ребят за врачом и за крупой.

Самыми первыми вернулись ребята, которые ходили в поликлинику. Они привели с собой врача. Это им удалось сделать так быстро, потому что они не знали существующих порядков по вызову вра-

чей. Они не знали, что нужно записаться, а потом идти домой и ждать, когда врач придёт.

Ребята сидели в поликлинике и ждали, когда же им дадут врача. Им объясняли, что они могут идти, а врач придёт позже. А они сидели. Потом к ним подошёл какой-то старичок и сказал, что он врач, что он отработал свою смену, но с удовольствием пойдёт с ребятами.

— Тише,— сказал врач.— Вы так галдите, что я не могу прослушать у больной сердце.

Скоро врач вышел от бабушки.

— Кто родственник больной? — спросил врач.

— Я родственник,— сказала Нина.

Врач посмотрел на Нину поверх очков. У него были седые лохматые брови и совсем лысая голова. Она блестела, точно отполированная.

— Ты? Ну, а кто-нибудь постарше здесь есть?

— Боря,— ответила Нина.— Он наш вожатый.

Врач так же подозрительно посмотрел на меня.

— Ничего страшного,— сказал он,— маленькое обострение. Но лежать, категорически лежать. На вашу ответственность, товарищ вожатый.

— Понятно,— ответил я.

— Ну и прекрасно. Сейчас я выпишу лекарство. Вы пойдёте в аптеку и получите его. Больной нельзя есть ни шпинат, ни томат, ни мясо. Не пить кофе и крепкий чай.

— А что же ей тогда можно? — спросил я.

— Знаете ли, всё остальное: творог со сметаной, свежую рыбу, всякие каши. Очень вкусно, например, кашу по-гурьевски. Само собой, категорически запрещается употреблять алкоголь. Я имею в виду водку, вино и даже пиво. Курить — курить тоже нельзя.

После этого врач ушёл. А я подумал, что за бабушкой придётся ухаживать нам.

Сашка, между прочим, взялся за своих октябрят по-настоящему. Было совершенно ясно, что ему не дают покоя наши дела.

Прихожу в школу, Сашка подходит ко мне и небрежно так протягивает свёрнутый трубочкой лист бумаги:

— Почитай.

Развернул бумажку и прочитал:

— «Второй «Б» вызывает на соревнование по учёбе и чистоте второй «А».

Написано это было большими печатными буквами, а внизу стояли подписи Сашки Смолина и вожатых звёздочек второго «Б».

Я посмотрел на Сашку и подумал, что он порядочная ехида. Вызывает, когда знает, что у него в классе ребята лучше учатся. Но вслух я сказал:

— Пожалуйста, мы принимаем вызов, и я уверен, что мы победим.

На следующий день мы рассказали всё Наташе. Она согласилась, только заметила, что для полной картины необходимо ещё, чтобы и сами вожатые включились в это соревнование. А то они так увлекутся, что забудут про свои уроки.

После этого я пошёл к своим малышам. Что мне нравилось в них — так это то, что они за всё брались горячо. Я им всё сказал, и они твёрдо решили обогнать второй «Б».

— Можешь на меня надеяться, — сказал Толя Костилов. — Получу все четвёрки.

— И на меня тоже можешь надеяться, — сказал Гена Симагин.

— И на меня, и на меня!.. — закричали все.

— Только придётся бороться со своими недостатками, — сказал я. — У нас ужас сколько недо-

статков! Одни любят поспать...— Я посмотрел на Нину.— Другие любят похвастаться...— Я посмотрел на Толю Костикова.— Третьи такие лентяи, что дома ничего не делают.

— А как же я буду бороться со своим недостатком? — спросил Гога Бунятов.— Я вот себе говорю: «Не буду заикаться», а потом волнуюсь и начинаю заикаться.

— Тебе, Гога, надо вырабатывать силу воли,— сказал я.

— И ещё тебе надо петь,— сказала Нина.— Мне папа говорил, тебе надо петь.

— У нас соседи,— грустно сказал Гога.— Они будут ругаться.

— А ты приходи к нам. Моя бабушка любит, когда поют. Мы вместе с тобой будем петь.

— Хорошо,— сказал Гога.— Я попробую.

* * *

Как-то вечером я возвращался от Нины. Смотрю: идёт Леонид Сергеевич — наш тренер по фигурному катанию.

Мы с ним подружились с тех пор, как стали заниматься у него в кружке. А тут он посмотрел на меня и прошёл мимо. Точно не узнал.

— Леонид Сергеевич! Леонид Сергеевич! — крикнул я.

Он остановился. Скучный такой. Мокрый снег облепил его шапку и воротник пальто. Он как-то даже ссутулился, совсем не был похож на себя.

— А! Энтузиаст! — сказал он.— Куда путь держишь?

Я держал путь домой, но ответил, что никуда не держу. Гуляю просто.

— И я просто гуляю,— обрадовался он.

«Ну,— подумал я,— кого-нибудь, может быть, ты и проведёшь, но не меня. Я-то знаю, что в такую погоду так просто не гуляют».

Постояли. Помолчали.

— Леонид Сергеевич,— сказал я,— как вы думаете, выйдет толк из моих ребят? Хорошо было бы, если бы кто-нибудь из них стал знаменитым фигуристом.

Надо было о чём-то спросить его, хотя, в общем, это было некстати.

— Конечно, выйдет.— Леонид Сергеевич помялся.— Знаешь, энтузиаст, у меня идея. Завернём ко мне. Я здесь близко живу. Посидим, побалакаем.

Я, конечно, согласился.

У Леонида Сергеевича была отдельная однокомнатная квартира. Там стояли шкафы, стол, стулья, ну, в общем, как во всех квартирах. Но мне в глаза бросился сразу большой шкаф. В этом шкафу стояли серебряные кубки, хрустальные вазы, висели большие круглые медали.

— Сейчас будем пить кофе,— сказал Леонид Сергеевич.— По-морскому — с солью. Отличный кофе. Ты пил когда-нибудь?

— Нет, не пил.— Тут я расхрабрился и спросил: — Что это вы, Леонид Сергеевич, на улице проскочили мимо меня?

— Думал, может быть, торопишься. Не хотел надоедать. Хуже всего, если другому надоедаешь. У него свои дела, а ты ему надоедаешь.

Потом мы пили кофе с солью. Действительно вкусно. Чего только моряки не придумают!

— Ваши кубки? — спросил я.

— Мои и моей жены,— ответил Леонид Сергеевич.— Ещё довоенные. До войны мы с ней много призов брали в парном фигурном катании.

— А после войны перестали выступать?

— Жена погибла на фронте. Она была медицинской сестрой.

Когда он сказал про жену, я сразу замолчал. Неудобно так получилось, что я ему про это напомнил. А он, видно, совсем расстроился. Не знаешь никогда, что в таких случаях делать; как-то хочется помочь человеку, а что делать — неизвестно.

— Что же вы, так один и живёте? — спросил я.

— Один, — ответил он. — Сын уехал в Сибирь.

— Ну, раз вы живёте один, Леонид Сергеевич, то мы вас принимаем в свою октябрятскую компанию. Приготовьте фотокарточку — я вклею её в свою тетрадь.

— Хорошо, энтузиаст. Я принимаю твоё предложение.

По-моему, это было совсем неплохое предложение — мои малыши кого хочешь развеселят, но я-то видел, что настроение у Леонида Сергеевича ненамного улучшилось.

Так я и ушёл домой.

* * *

Дело в том, что я просидел долго у Леонида Сергеевича и не выучил истории. Сидел и дрожал, что меня вызовут и полетит в тартарары всё наше соревнование с Сашкой. И вдруг перед самым уроком истории в наш класс приходит Александра Ивановна, учительница из второго «А», и говорит:

— Боря, я должна срочно уйти, а у нас сейчас контрольная по арифметике. Ты, пожалуйста, посиди на уроке и последи за дисциплиной.

— А как же история? — спросил я.

— Я уже договорилась с твоей учительницей.

Я побежал во второй класс. Ребята тихие-ти-

хие. Они ещё не привыкли к контрольным. Я сел на учительское место. Очень скоро я понял по лицу Нины, что дела у неё подвигаются плохо. Я прошёлся между партами. Боже мой, почти у всех ребят в примерах была одна и та же ошибка. Я сел на место и стал усиленно теревить руки. «Ну вот, — подумал я. — Так всё удачно сложилось, я ушёл с истории, а теперь всё пропало».

Честно говоря, я недолго страдал и колебался: я тут же решил на бумажке примеры контрольной и пустил её по рядам. К звонку, когда вернулась Александра Ивановна, ребята уже закончили контрольную работу.

Я вернулся в свой класс и узнал, что Сашка схватил двойку по истории. Не знаю, почему уж это случилось, но он тоже не выучил истории. У него было такое расстроенное лицо, что я пожалел его и сказал:

— Хочешь, мы эту двойку не будем принимать во внимание?

— Зачем же? — гордо ответил Сашка. — Я её исправлю.

А на следующий день над Сашкой разразилась настоящая катастрофа. Мой класс получил по контрольной пятёрки и четвёрки, а его — несколько троек и даже двойку. Мы твёрдо выходили на первое место.

Сашка перестал хорохориться, у него был жалкий и несчастный вид. И, чтобы успокоить Сашку, я рассказал ему всё про контрольную.

— Так, так. Это просто подло, — сказал Сашка. Он даже покраснел: — Запрещённые приёмчики. Да ты знаешь, что за это в честной спортивной борьбе навсегда лишают права выступать?

— Брось воспитывать, — сказал я. — Злишься, что проиграл?

— А ещё друг,— сказал он.— А сам так поступаешь! — Сашка повернулся и ушёл.

У меня испортилось настроение. Сашка даже не смотрел в мою сторону. Делает вид, что не замечает меня. Тогда я сам после уроков подошёл к нему. Подошёл и молчу. Что говорить, и так всё ясно.

— Я всё рассказал Наташе,— сказал он.

— Рассказал? — Я представил себе лица Наташи, Александры Ивановны, мамы, Иннокентия Иннокентьевича.— Что ты наделал? — закричал я.— Ты знаешь, сколько я людей подвёл? Мне теперь хоть из дома уходи. Всех, всех я подвёл. Вот если бы ты так поступил, я бы никогда не раздувал дело.

— Я бы тоже не раздувал,— сказал Сашка.— Но только вчера я дал себе слово поступать всегда честно и никогда не врать.

Всё было кончено. У меня ещё никогда не было такого несчастья, и я просто не знал, что делать.

— Иди к Наташе,— сказал Сашка.

— Я тебя ненавижу! — сказал я.— Ты всё погубил. Всё.

— Это очень плохо, что ты так поступил,— сказала Наташа.— Тебе всё же нельзя было доверять воспитание детей. Ты слишком легкомысленный. Ну, в общем, от работы с октябрятами я тебя отстраняю, а твоё поведение будем разбирать на собрании отряда. Как бы у Александры Ивановны не было из-за тебя неприятностей на педсовете.

На следующий день надо было идти на занятия к Леониду Сергеевичу. Но я, конечно, не пошёл. Сидел один дома, и всё. Долго сидел, стемнело уже, а я сидел, не зажигая света. И вдруг звонок. Открыл дверь. А за дверями сам Леонид Сергеевич.

— Ну, здравствуй, энтузиаст,— сказал Леонид Сергеевич.— Что такой печальный?

Точно он не знает, что со мной случилось.

— Да так...— ответил я.

— Разговаривать не хочется?

— Нет.

— Понятно. Помолчим вместе. Вместе веселее.

Ну, сели и молчим. Молчали. Молчали. Только незаметно было, чтобы от этого мне стало веселее. Себя ещё больше жалко, и Сашку почему-то жалко.

— А я тебе принёс свою фотокарточку, чтобы ты её вклеил в октябрятскую тетрадь.

Я махнул рукой: «Что, мол, теперь об этом говорить». Но фотографию всё же взял. На фотографии стояли Леонид Сергеевич и какая-то женщина. Я сразу догадался, что это и есть его жена, которая погибла на фронте. Они снимались, видно, на катке после удачного выступления, потому что оба были в спортивных костюмах и лица у них были весёлые.

— Не нашёл другой весёлой фотографии,— сказал Леонид Сергеевич.— А мрачную не хотелось давать. Объясни это, пожалуйста, ребятам. А потом, я сейчас живу один в двух лицах: за неё и за себя. Она бы очень подошла к твоим ребятам.

В это время кто-то зазвонил в дверь. Я побежал открывать.

На пороге стояла Наташа. Как она быстро прибежала! То ни разу не была, а тут прилетела.

— Мама нет дома,— сказал я.— Рано пришли.

Хотелось хлопнуть дверью перед её носом. Но в коридор вышел Леонид Сергеевич.

— В чём дело? — спросил он.

Хоть я был сильно расстроен, но всё же заметил, что появление Леонида Сергеевича произвело впечатление на Наташу.

— Мне надо поговорить с Бориной мамой. Я из школы.

— Мы и без мамы всё обсудим. Раздевайтесь, входите.

Леонид Сергеевич, как настоящий кавалер, помог Наташе снять пальто. Наташа даже покраснела. Это, конечно, произошло у неё первый раз в жизни. В общем, пока они соревновались в вежливости, я преспокойно стоял в стороне. Внутри у меня всё переворачивалось от тоски, а я стоял себе и наблюдал, как они друг перед другом хорохорились. Никто бы на свете не догадался, как мне сейчас плохо. Что, что, а выдержки у меня хватало всегда. Леонид Сергеевич пригласил Наташу в нашу комнату, а я пошёл к Ольге Андреевне.

Никто не виноват, что в нашем доме такие тонкие перегородки между комнатами и всё слышно.

— Вы понимаете,— сказала Наташа,— ему доверили малышей, а он так поступил... Сам врун и их учит обманывать. Это ужасно!

Она изобразила меня просто негодяем. И самое страшное, что это правда. Сашку обманул, ребят подвёл. Никому ведь не объяснишь, что я просто увлёкся и всё забыл.

— Печальная история,— ответил Леонид Сергеевич.— Не подумал он, ну и сделал глупость. А парень он хороший. Октябрят своих любит. Всё что-то придумывает для них. Они к нему даже домой бегают.

— Это правда — они к нему привязались,— сказала Наташа.— Но нельзя же так поступать. Он на них дурно влияет. Они слушаются его во всём, а если он их, к примеру, толкнёт на воровство? Здесь налицо просто спайка.

После этого они оба замолчали. Я ждал, что Леонид Сергеевич ей на это ответит, но он молчал.

Неужели поверил, что я могу толкнуть малышей на воровство?

— Зря вы так. Разве можно подумать такое про Борьку. Фантазия у него добрая, человеческая. А если он из своих октябрят таких же фантазёров и мечтателей сделает, это же чудно! Зависти нет, безразличия нет. Всё сделает для другого. Он, вы знаете, когда играет в шахматы, всегда поёт.

— Доброта — это формальное качество, — сказала Наташа. — Капиталисты тоже добренькими бывают. На доброте коммунизм не построишь.

Это уже было просто оскорбление. Если бы кто-нибудь такое сказал про Леонида Сергеевича, я бы его в два счёта выгнал. А он возьми и скажи:

— Наташа, интересно, что вы будете делать после школы?

Когда я услышал его вопрос, не поверил своим ушам. Он просто перевёл разговор на другую тему.

— Не знаю, — ответила Наташа.

— Советую вам: поезжайте в Сибирь. У меня там сынишка работает.

Он ей ещё предлагал поехать в Сибирь! Да. Быстро они договорились. Меня он не зовёт в Сибирь, а её: поезжайте к моему сыну, пожалуйста, в Сибирь. Вот, мол, адресок. Пошлите только телеграммку, а он вас там встретит... Мне всё было ясно. Противно стало слушать, что они там дальше говорили.

Включил радио на полную мощность и стал прыгать и корчить рожи перед зеркалом. Пусть думают, что танцую. Быстро они спелись, я даже не ожидал.

Наконец Леонид Сергеевич постучал мне кулаком в стену. Я сначала не хотел к нему идти, а потом всё же пошёл.

— Ушла? — сказал я, хотя отлично слышал,

как она уходила, и даже видел в замочную скважину, как он ей подавал пальто.

— Ушла. Неплохая девушка, но...— Он помахал в воздухе рукой.— Я её в Сибирь пригласил. Там ребята её быстро уму-разуму научат.

— Понятно.

— А с тобой всё в порядке. Конечно, разберут тебя на сборе, как полагается. А матери можно об этом пока не докладывать. А то знаешь — женщины... Паника. Отцу напишет, и так далее.

Это уже было неплохо, но я даже глазом не моргнул. Пусть не думает, что я собираюсь перед ним рассыпаться в благодарностях. Вообще ненавижу, когда благодарят.

— Ну, пойду,— сказал Леонид Сергеевич. И ушёл.

* * *

Прошло несколько дней. На сборе отряда меня ещё не разбирали. Но ребята из второго «А» по-прежнему прибегали ко мне. Я не ходил к ним, а они бегали ко мне чаще, чем раньше. Каждую перемену несколько человек. И всё разные. Точно они дежурство установили за моей персоной.

Только теперь в нашем классе никто надо мной не смеялся. Я даже думаю, что некоторые из наших завидовали, что малыши ко мне так привязались.

А тут после уроков ко мне ворвались Толя Костиков и Гена Симагин и сказали, что Нину увезли в больницу. У меня прямо похолодело всё внутри.

— У неё заболел живот, и её увезли,— сказал Костиков.— «Скорая» приезжала. «ЗИЛ-110».

Я побежал в учительскую к Александре Ивановне. Я бежал так быстро, что Костиков и Симагин отстали от меня. Когда я вышел из учительской, весь второй «А» стоял около дверей.

— У неё аппендицит. Будут делать операцию,— сказал я.

Мы пошли всем классом в больницу. Всем ребятам хотелось узнать, как Нина. Но мы ничего не узнали — операция ещё не закончилась.

— Часа через два я снова пойду в больницу,— сказал я ребятам.— Кто хочет, может пойти со мной.

Дома я позвонил Нининой бабушке и соврал ей, что Нина задержалась в школе. Не мог же я сказать, что Нине вот сейчас делают операцию.

Когда через два часа я вышел на улицу, то у подъезда меня ждал весь класс. Даже Зина пришла.

— У матерей отпросились? — спросил я.

Они закивали головами.

— Мне мама сказала,— ответил Гена Симангин,— чтобы я не приходил домой до тех пор, пока всё благополучно не кончится.

— А моя мама сказала, что сейчас аппендицит не опасная операция,— сказал Гога Бунятов.

— «Не опасная»! — возмутился Толя Костиков.— Живот разрезают, думаешь, не больно?

Все сразу замолчали.

Ребята остались во дворе больницы, а я пошёл в приёмный покой. В приёмном покое было тихо и пахло больницей.

Оказывается, мы пришли не в приёмные часы, и узнать что-нибудь было не так просто. Какая-то женщина пообещала узнать, ушла и пропала.

Потом появился мужчина в белом халате, в белом колпаке. Вид у него был усталый. Он стал снимать халат, и к нему вышла женщина из гардеробной, чтобы помочь ему. Может быть, это был хирург и он сегодня сделал какую-нибудь сложную операцию и спас жизнь человеку.

— Что вы ждёте, молодой человек? — спросил он меня.

— Здесь девочке одной делали операцию. Пришёл узнать.

— А вы её брат?

— Вожатый я.

— А, значит, служебная необходимость. Понятно.

«Чудак какой-то в белом колпаке,— подумал я.— «Служебная необходимость»!»

— Нет, я так просто,— сказал я.— Да я не один.

Я показал ему на окно. Там, во дворе, на скамейке сидели мои малыши. Они сжались в комочки и болтали ногами. Издали они были похожи на воробьёв, усевшихся на проводах.

— Весь класс, что ли? — удивился хирург.

Я кивнул головой.

— Как зовут твою девочку?

— Нина Морозова. Маленькая такая, с косичками.

— Подожди,— сказал хирург.

Он снова надел халат и пошёл наверх.

А я разволновался до ужаса. Я, когда волнуясь, всё время зеваю и не могу сидеть на одном месте: хожу и хожу.

Ругал себя на чём свет стоит за то, что не запретил Нине ездить на пузе по перилам лестницы. Ведь всё из-за этого и получилось. Она съехала на пузе и не смогла разогнуться. Её прямо в больницу.

Я знал, что Нина любила так ездить, и не ругал её. Ругать её было глупо. Я сам так катаюсь. А у меня железное правило — никогда не ругать малышей за то, что я сам не прочь сделать. Сначала сам избавься, а потом других грызи.

А теперь я себя во всём винил. Хирурга всё не было. На улице потемнело.

Наконец он появился:

— Можете спокойно отправляться спать: ваша подружка хорошо перенесла операцию. Завтра приходите и приносите ей апельсины.

Ух, как я обрадовался! От радости чуть не расплакался. До чего мне дорога была эта маленькая девочка.

Доктор посмотрел на меня и сказал:

— Что-то у меня сегодня хорошее настроение. От души рад с вами познакомиться.

«Чудак какой-то в белом колпаке»,— подумал я. Но времени у меня не было с ним разговаривать.

Я выскочил во двор, чтобы обрадовать малышей. Они повскакали со своих мест. И я им всё рассказал.

— Она во время операции даже ни разу не крикнула,— сказал я.

Хирург мне этого не говорил, но я-то знал, что это было так.

— Вот это да! — сказал Гена.— Сила!

Остальные ничего не сказали. Не знаю, о чём они там думали про себя, но только мне нравилось, что мои малыши такие сдержанные.

Было уже поздно. На улице даже горело мало фонарей. Шёл мелкий дождь. Такая зима стояла. И нам казалось, что мы идём одни в этой темноте. Асфальт был чёрный, и небо чёрное. Но, когда проехала машина, я увидел, что мы были не одни. Просто асфальт своей чернотой прятал людей.

И во многих окнах горел свет: может, там сидели бабушки и дедушки, папы и мамы моих малышей. Они ждали и волновались о Нине.

Нет, мы были не одни.

СЕНЬКА

Ночью щенок заскулил. Ему было холодно и неуютно на жёсткой подстилке. Он всегда начинал скулить, когда замерзал. И мать прижималась к нему животом. Не открывая глаз, он находил горячий сосок и сосал. В рот ему брыгали острые, сладкие струйки молока, и по всему телу разливалось тепло.

Так было всегда. Но сегодня, сколько щенок ни

пищал, сколько ни ворочался, матери он не нашёл. И тут он всё вспомнил.

Вспомнил, как пришёл чужой человек, взял его на руки, долго ласкал, а потом положил за пазуху и унёс. На улице щенку стало страшно, и короткий хвостик его мелко-мелко задрожал.

Оттого что щенок вспомнил всё это, он заскулил жалобней и протяжней.

Вдруг яркий свет резанул ему глаза. Он увидел девочку, которая стояла над ним. «Что ей надо? — забеспокоился щенок. — Куда ещё меня понесут?» Но, прежде чем он так подумал, он уже прижался к её тонким голым ногам, таким же тёплым, как живот матери. Девочка сжала щенка ногами, и тот сразу примолк. Потом она взяла его на руки, погасила свет и унесла к себе в комнату. Она положила его на что-то мягкое, и всё стихло. Скоро щенок услышал лёгкое посапывание, точно дуновение ветерка, в потёмках пополз на этот звук и добрался до лица девочки. Та обняла его, а он лизнул её в нос, уцепился за мочку уха и радостно зачмокал.

Через несколько минут девочка и щенок спали.

* * *

Прошли первые месяцы новой жизни. Щенок привык к своему новому дому и забыл старый. Он теперь знал, что в этой квартире, кроме него, живут двое. Один из них говорит громким голосом, и руки у него большие и сильные. Этот голос всегда нужно было слушаться. Другой, тоненький, высокий, принадлежал девочке. Его, наоборот, можно было совсем не слушаться, потому что девочка прощала всё. Скоро щенок запомнил, что девочку звали Таней, а человека с громким голосом — папой.

Когда Тани не было дома, а папа произносил

её имя, щенок начинал визжать и поглядывать на дверь. Тогда папа показывал зубы и говорил какие-то слова.

Однажды папа подошёл к щенку. Тот перестал шалить, хотя это было ему трудно, и поднял голову. Из всего, что говорил папа, он смог выделить только одно слово: Сенька.

Он бросился бежать, но властный голос крикнул: «Сенька!» — и он вернулся. За это ему дали белый твёрдый, хрустящий на зубах сладкий камешек. «Вкусно!» — решил щенок и с тех пор всегда откликался, когда его звали Сенькой.

Сенька спал на половичке у Таниной кровати. Утром, когда Таня вставала, он грохал басовитым лаем, то и дело срываясь на унизительный визг, потому что лаять по-настоящему не умел. Таня одевалась, а Сенька крутился возле и мешал. То ботинок утащит, то ленту. Таня вырывала у него свои вещи, а он не отдавал. Ему нравилась эта игра. Потом Таня умывалась и брызгала на Сеньку водой, а он отскакивал и тряс головой, отчего его большие чёрные уши похлопывали точно бумажные хлопущки.

Но вот Таня уходила, и Сенька оставался один. Сначала скучал, но понемножку привык к тишине. Он принюхивался ко всем углам, добирался до Таниных игрушек, обнюхивал их, как старых добрых знакомых, и укладывался тут же, рядом, поспать.

Самое интересное начиналось с возвращением Тани. Они приступали к обеду: Таня — в столовой, Сенька — в кухне. Но щенок был недисциплинированный и каждую минуту отрывался от обеда. Поест немного и летит в столовую. Посмотрит — Таня на месте, обратно в кухню. Если он не наедаясь, то начинал колотить лапой по своей алюминиевой тарелке: ещё хочу! Сенька настойчиво требо-

вал добавки. Но добавки не полагалось. Аппетит у щенка был отменный, и есть он мог без конца.

После обеда Таня отправлялась со щенком на прогулку. Когда Сенька в первый раз попал на улицу, он растерялся. Дело в том, что у Сеньки была страсть бегать за человеческими ногами. Дома это было просто, а тут вдруг ноги пошли на него со всех сторон. Он храбро попробовал броситься за первыми, но на него наступали вторые, третьи, четвёртые, и Сенька окончательно струсил. Он присел, заскулил и устался на Таню.

«Что это такое?» — спрашивал его взгляд.

— Вот чудак, — сказала Таня, — испугался улицы!

Она погладила Сенькину спину и почесала за ухом. Тот успокоился.

Понемногу Сенькино познание мира расширялось. Он теперь знал, что людей на свете много и не все они одинаковые: у каждого свой запах. Это было немаловажное открытие!

* * *

Однажды Сеньку взял гулять сам папа. Сенька старался вести себя достойно, шёл на поводке смирный, не путался под ногами и не тянул вперёд. Зато папа волновался: он то и дело одёргивал Сеньку, хотя щенок не давал к этому повода.

Они остановились на углу улицы. Сенька затоптался, но потом ему надоело: сколько можно стоять на одном месте? И он слегка потянул поводок, скосив глаза на папу. Папа не обратил на это ровно никакого внимания, не видел скошенных Сенькиных глаз. Он смотрел совсем в другую сторону и улыбался. И тут же к ним подошла высокая женщина. Сеньке ударил в нос резкий запах,

тот самый, который в последнее время папа часто приносил с улицы.

Папа разговаривал с женщиной и всё время тербил поводок. Сенька тявкнул, чтобы его зря не беспокоили, и принялся изучать женщину: обнюхал узкие носки её туфель и высокие, тоненькие каблуки.

Женщина нагнулась к Сеньке, что-то сказала ему, но не потрепала по спине, как это делали случайные Сенькины знакомые.

Медленно пошли по улице, потом снова долго стояли и наконец разошлись. Когда вернулись домой, Сенька ещё долго фыркал и встряхивал головой, чтобы отделаться от назойливого запаха духов этой женщины.

И вдруг в их квартиру вторгся этот запах. Случилось всё так. Папа и Таня куда-то ушли в неурочное время. Сенька не любил, когда они уходили вместе, оставляя его одного, и с нетерпением ждал их возвращения. Но вот за парадной дверью послышались голоса. Сенька начал повизгивать: «Ну скорее, что вы так долго возитесь!»

Дверь открылась, пропустила Таню, папу... И тут Сенька увидел женщину. Он глухо заворчал и попятился, но никто не обратил на него внимания. В квартиру внесли вещи и сложили их в передней. Появилось столько новых запахов, что Сенька забыл о своём недружелюбии и носился среди всего этого, путался в ногах и смешил всех.

День был суматошный, и Сенька так набегался, что улёгся спать раньше Тани, чего с ним никогда не бывало. Утром проснулся, почесался, встал, прогнул спину. Потянул носом: здесь! Но это не вызвало у него ни страха, ни злобы — он уже привык к появлению нового человека.

Всё пошло по-старому. Когда на дворе темнело,

в квартире зажигали свет, потом гасили и укладывались спать. Утром папа и Таня уходили, а Сенька вместе с женщиной провожали их до дверей.

Но постепенно Сенька почувствовал, что изменения всё же наступают. Он никогда теперь не оставался один, и навсегда пропала та тишина, к которой Сенька так привык, когда папа и Таня уходили из дому.

Как-то он, по давней привычке, улёгся днём среди Таниных игрушек и был безжалостно изгнан оттуда новой хозяйкой.

В один из вечеров пропал его постельный половик. Он лежал обычно у Таниной кровати. Сенька быстро отыскал половичок в тёмном коридорном проходе за шкафом — это для него был пустяк, — ухватил зубами за край и принёс на старое место.

Женщина увидела, оттолкнула щенка ногой и отнесла половичок за шкаф.

Сенька растерялся и не знал, что делать. Попробовал улечься без половичка, но было жёстко.

Женщина сказала Тане:

— Отведи его, пусть привыкает. Ему не место в комнате.

Сенька догадался, что разговор идёт о нём, и обиженно заворчал. Но жалоба не помогла. Таня уложила Сеньку в тёмном проходе. Сенька ворочался, скулил, чихал от пыли и паутины, которая здесь оказалась, и ждал. Наконец в комнатах всё утихло. Тогда он взял половичок в зубы и неслышно отправился на своё законное место.

Утром Таня увидела Сеньку у своей кровати и рассмеялась.

А женщина, видно, крепко рассердилась, потому что, когда все ушли, она выгнала Сеньку в коридор и плотно прикрыла двери.

Сеньке, конечно, скучно было бродить по коридору. Он забрёл в ванную, от скуки вскочил на табуретку и разбил какой-то флакон. За это он изведal на своей шкуре силу хозяйкиных длинных пальцев. Они уцепились за его ухо и долго выкручивали и тянули, пока Сенька не запросил пощады.

Для Сеньки наступили тяжёлые времена. Он успокаивался, лишь когда женщина вместе с папой куда-нибудь уходила. Это теперь бывало часто. Но всё равно настоящего веселья не получалось, потому что Таня была печальная. Она напевала одну и ту же монотонную песенку, от которой Сеньку забирала такая тоска, что хотелось подвывать.

И вообще дома стало плохо. По утрам Сенька никогда не заскакивал в комнаты, больше лежал в своём тёмном углу. А папа что-то совсем потерял голос, перестал громко разговаривать и показывать зубы.

А потом разразился скандал. Сенька, изголодавшись, сцапал из-под носа женщины кусок говядины и ни за что не отдавал. Он влез под Танину кровать и рвал мясо зубами. Женщина пыталась достать его оттуда лыжной палкой, но Сенька только свирепо огрызался и продолжал своё дело. Женщина перешла к иной тактике. Она начала униженно выманивать Сеньку всякими ласковыми именами. Но и это не помогло. Тогда, распластавшись на полу, она потянулась рукой, и Сенька куснул её. Он очень испугался, потому что ещё никогда в жизни не слышал такого пронзительного крика.

До самого вечера Сенька просидел под кроватью. Пришла Таня, потом её отец, но в комнату никто не входил, и Сенька подвывал от скуки.

Наконец дверь открылась, и Сенька почувствовал запах той, которая откликнулась на имя «Таня», которая ласкала его и кормила разными вкусными вещами.

Кровать ухнула над Сенькиной головой, и он услышал жалобное Танино похлупывание.

Сенька ждал, что Таня окликнет его, но, так и не дождавшись, сам выполз из укрытия. Он легко и неслышно вскочил на кровать, подполз к девочке на животе и лизнул её лицо. На язык ему попало что-то мокрое и горьковатое. В это время к двери Таниной комнаты подошла та, другая. Сенька выпрямился, глухо зарычал, и шерсть у него поднялась дыбом.

* * *

Утром женщина открыла дверь в подъезд, и Сенька убежал.

Сенька никогда ещё не был на улице один и от этого трусил. Он всё время пригибал голову и поджимал хвост. Шёл дождь, и Сенькина шерсть намокла и обвисла. Он забрёл в какой-то незнакомый двор и нашёл закуток в штабелях брёвен.

Тут его увидели двое мальчишек, потому что только мальчишки могли шататься в дождь по таким завалящим местам.

— Смотри, щенок! — сказал один. — Дрожит. Холодно ему.

— Породистый, — ответил другой, — уши висячие.

Сенька понял, что его не обидят, и стал их обнюхивать.

— Я бы взял его к себе, — мечтательно сказал один и вздохнул.

— И я бы взял, — ответил другой и почесал затылок.

Мальчишки повернулись и пошли по домам. А Сенька за ними.

Потом они долго стояли в парадном и смотрели на дождь. Сенька сидел тут же и поскуливал.

— А он умный, уже привык к нам,— снова заметил один.

— Точно,— ответил другой.— Может, мать и не выгонит. Эх, если бы не выгнала!

Он решил попытать счастья, свистнул Сеньке, для храбрости запел песню и отправился домой.

* * *

Дожди кончились. Наступило тёплое время. И вот в один из таких хороших солнечных дней Сенька выскочил на улицу. Он теперь часто так делал, когда бывало скучно, гулял во дворе, выбегал на улицу. Постоит у ворот, посмотрит на проходящих людей, загонит кошку на забор, а если увидит собаку, сразу лезет драться. Его так мальчишки воспитали. Сенька к этому привык и к мальчишкам тоже привык.

Сенька выскочил на улицу и не остался у ворот, как всегда, а побежал вперёд. Бежал, бежал, потом почему-то свернул во двор, огляделся и узнал. Это был тот самый двор, который Сенька никогда не мог забыть.

Сенька бросился вверх по лестнице, прыгая через две ступеньки, остановился у знакомой двери и стал царапаться, лаять и визжать, пока Таня не открыла дверь. Тогда он уткнулся ей в колени, повизгивая от радости, облизывая её худенькие руки, ощущая забытое приятное почёсывание за ухом.

Сенька гулял с папой и Таней. Он нетерпеливо дёргал поводок, когда слышал громкий голос папы и Танин смех.

Вдруг Таня остановилась, посмотрела на бумажку, прикреплённую на столбе, и сказала:

— Папа, смотри, это наш Сенька.

Папа тоже остановился, и они стали рассматривать белую бумажку с приклеенной Сенькиной фотографией. А под фотографией большими печатными буквами было написано:

«Пропала собака, белая с чёрными пятнами, уши висячие, глаза синие, откликается на имя «Бродяга». Очень просим вернуть по адресу...»

Сенька услышал, что разговор идёт о нём, и начал прыгать на столб. Прыгал, прыгал, до бумажки так и не достал и потянул поводок.

А когда пришли домой, Таня взяла бумагу и ручку и сочинила письмо: «Дорогие неизвестные мальчишки! Эта собака не ваша, а моя. И зовут её совсем не Бродяга, а Сенька. Сенька убежал из дому, потому что у нас поселилась одна вредная женщина, а теперь мы снова живём с папой вдвоём. А Сенька к нам вернулся сам. И ещё большое спасибо, что вы приютили Сеньку. Если вы о нём скучаете, то можете в любой день прийти к нему в гости. Наш телефон: 3-18-67. Мы живём совсем близко от вас.

С пионерским приветом Таня».

Вот и вся Сенькина история.

УЛИЦА БЕЛОГО ЛОСЯ

«Здравствуй! Вот я и добрался. Теперь не страшны дальние расстояния. От Москвы до Петрозаводска летел три часа. А от Петрозаводска до места назначения ещё два, уже на вертолёте. Здесь вертолёты в большом ходу — посёлки от города расположены далеко и женщины по воскресеньям даже на базар летают на вертолётах...

Летел я, летел и залетел в лесные края. Завод стоит на вырубке, а дома́ — прямо в лесу, тесным кольцом. Улицы — лесные тропинки. Электрические лампочки висят на деревьях.

Людей мало, а снегу много. Поэтому все ходят на лыжах. Мальчишки и девчонки. Учителя и

строители. Школьные нянечки тоже на лыжах. И я хожу на лыжах. А если без лыж, можно провалиться в снег по самую макушку.

Всё. На первый раз достаточно. Передай привет маме.

Твой папка».

* * *

«Сегодня я злой. Узнал, что рабочий посёлок решили строить на старом месте, вокруг завода. Раньше тут завод был небольшой, но теперь неподалёку открыли новые залежи железной руды и начали строить завод-гигант. И получится, что заводские корпуса подойдут вплотную к жилым домам.

Я, как узнал, сразу пошёл к начальнику строительства.

— Ну, знаете, это сложнее дело, сложнее. — Начальник был важный и усталый. От усталости он часто закрывал глаза. — Мы, прежде чем решить этот вопрос, комиссию создавали. Я сам был во главе этой комиссии. На новом месте нужно всё заново осваивать, а здесь всё готово. Дешевле.

— Нет. Здесь строить нельзя, — сказал я. — Жить в лесу, а дышать заводским дымом. Смешно!

— Но план строительства жилых домов составили, и точка. Переделывать его мы не собираемся.

Начальник снова закрыл глаза, и я еле удержался, чтобы не толкнуть его ногой под стол.

— Нужно переделать, — сказал я.

— Что вы! — Начальник даже улыбнулся. — Это несерьёзно, план экономный — и вдруг переделывать.

Начальник здесь тоже человек новый. Его прислали из Петрозаводска. Он там работал в какой-то конторе. Он всю жизнь работал в конторах. Бывают, правда, и в конторах хорошие люди. Но этот — настоящая конторская крыса. Бумажка для него была важнее человека.

— Экономия? Во вред человеку!

— Не понимаю, чего вы так горячитесь? Вам-то здесь не вечно жить.

— А вам здесь жить? — спросил я.

— Нет.

— Ах, нет, — сказал я. — Ну, тогда я постараюсь, чтобы вы отсюда уехали раньше меня. Можете не посылать свой план на утверждение, всё равно не утвердят.

Я не слышал, что мне ответил этот сонуля. Я повернулся и так хлопнул дверью, чуть с петель не сорвал.

Я был злой и сказал вслух, чтобы все, кто сидел в приёмной, слышали:

— Где его нашли, такого начальника? Ископаемое! Бюрократ!

После тёплого кабинета начальника на улице я чертовски замёрз. Пока я возился с лыжными креплениями, у меня пальцы на руках заledenели и перестали гнуться. Но, несмотря на холод, на пустыре, где будут строить новые заводские цеха, работали проектировщики. Они измеряли поле.

Проектировщики работали в толстых варежках, и поэтому рулетка часто выпадала у них из рук. Для того чтобы её достать, им каждый раз приходилось снимать варежку и опускать руку в снег.

«Пальцы у них, вероятно, превратились в деревянные, хуже, чем у меня, — подумал я. — А они работают!»

Разозлился я и решил: утром выйду, наплюю на мороз и на начальника и поеду искать новое место для посёлка. А там повоюем!

Твой «морозостойкий» отец».

* * *

«Здравствуй. Давно тебе не писал. И два первых письма не успел отправить, потому что у меня неудача. Ну, а если говорить прямо, то лежит твой папка пластом на больничной койке. Разбился.

Сам-то я лежу, а моя левая нога висит — в пяточной кости провернута дырочка, сквозь неё протянута железная спица, на спице груз.

Всё это придумали доктора для того, чтобы сломанная нога, когда будет срастаться, не стала короче.

Ну конечно, сейчас мама скажет, что я зря поехал сюда. Но в Москве я рассматривал чужие проекты новых городов и заводов, а здесь я буду строить сам. Теперь я всю жизнь буду ездить по новым местам и строить дома для людей. А когда состарюсь, вернусь в Москву и каждое утро буду открывать географическую карту и искать те места, где я строил.

Буду жить воспоминаниями. Потому что у всех в жизни надежды, мечты, работа, а у стариков только воспоминания. И, если им нечего вспоминать, значит, они плохо прожили свою жизнь. Скучно.

Значит, я поехал не зря. И, если бы заранее знал, что сломаю ногу, всё равно бы поехал.

Зато какое место я нашёл для заводского посёлка! На берегу озера, среди могучих столетних

деревьев. Придётся начальнику строительства отказаться от старого места.

Идёт доктор. Она запретила мне писать. В следующий раз я расскажу тебе, что со мной произошло.

Папа».

* * *

«По утрам к нам в палату входит доктор. Она останавливается около каждого больного и внимательно выслушивает его. Когда подходит моя очередь, я медленно начинаю расстёгивать рубашку на груди. Я не тороплюсь, мне некуда торопиться. Доктор слушает моё сердце и говорит ровным голосом: «Не дышите... Вдохните глубоко... Задержите дыхание».

У доктора чёрные волосы и серые, немного печальные глаза, как у нашей мамки и у тебя. Хорошо, что около меня серые глаза. Они напоминают далёкий дом. И тишину наших комнат. На секунду даже кажется, что у меня не болят ноги. Я хочу, чтобы доктор посидела со мной подольше, рассказала про жизнь за окнами больницы. Но я не решаюсь просить её об этом и говорю одни и те же слова:

— Как мои дела?

— Пока по-старому,— отвечает доктор.

Она поворачивается и идёт дальше, и её белый, туго накрахмаленный халат шуршит на ходу.

А сегодня я узнал, нянечка Ефимовна сказала, что нашему доктору всего двадцать три года. Неужели через десять лет ты будешь тоже такая серьёзная?

...Ночь. В палате все спят. Дежурит Ефимовна, и она разрешила мне зажечь ночничок у кровати.

Итак, сейчас я расскажу тебе, что случилось со мной...

Я взял лыжи и пошёл искать новое место для посёлка. Шёл долго, час или два, петлял, как заяц. Кругом лес, деревня старые, высоченные. Чтобы такое место под посёлок расчистить, много надо труда и денег затратить.

Мне стало жарко. Я расстегнул куртку и сдвинул шапку со лба. И тут я впервые пожалел, что не взял с собой проводника. «Трудно,— подумал,— будет возвращаться». Но всё равно пошёл дальше. И задвигал ногами: левая вперёд, правая вперёд, левая, правая. А лес всё бежал и бежал, и не видно было ему конца.

Вдруг он совсем неожиданно кончился. Сразу.

Я вышел на большую поляну. Она тянулась с километр, а потом падала куда-то вниз. Это было как раз то, что я искал. Никто не мог разделить со мной радость, но всё равно я закричал: «Ура! Ура!» — и замахал руками. Чертовски весело стало на душе! Такого веселья у меня давно не было. Может быть, только в школе, когда получал пятёрки. Не простые пятёрки. Знаешь, бывают такие случайные: списал контрольную или бодренько протаторил стихи. А заслуженную пятёрку. Решил задачу своим способом, и учитель это оценил. В общем, весело мне было. Я оттолкнулся палками и медленно покатил вперёд. На краю поляны увидел лесное озеро подо льдом. В одном месте чернела широкая полынья. Это быстрая порожистая речка впадала в озеро.

«Вот такая удача,— подумал я,— и вода для водопровода, и быстрая речка для электростанции». Я повернулся спиной к озеру и стал изучать свою снежную пустыню. Но она для меня уже не была пустыней. Нет. Дома стояли один к одному,

красивые улицы пролегали, и уже люди шли, ребята бегали... И тут я увидел, что действительно кто-то приближался ко мне.

Это был лось. Тяжёлый, могучий. Он шёл, низко опустив голову, весь серебристо-белый от мороза. Из его ноздрей вырывались струйки пара.

«Вот он, мой первый горожанин», — подумал я и решил даже в его честь назвать одну улицу посёлка улицей Белого Лося.

Белый Лось увидел меня, задрал голову с широкими, крепкими рогами, пошевелил ноздрями и нехотя свернул в сторону. Сухой валежник щёлкнул у него под копытами...

Тушу свет: кто-то идёт по коридору.

* * *

Здравствуй ещё раз! Пишу письма в толстую тетрадь, но пока не отправляю. Жду лучших времён.

Продолжаю свой рассказ...

Прощался я с Белым Лосем и отправился в обратный путь. Плавнo скользяли лыжи по сыпучему мёрзлому снегу...

Больше я ничего пока вспомнить не могу. Очнулся в палате. Белые стены, белые лица у больных, белые халаты на врачах и сёстрах. За окном белый снег. И лежать как-то неудобно. Только на спине. День, два, три. И, говорят, ещё неизвестно, сколько времени. Посмотрел на ноги — одна, вижу, висит. Пошевелил другой — вроде не шевелится.

— Что у меня с ногой?

— Сильно обморожена, — ответила Ефимовна.

Закрыв глаза... Вижу Белого Лося, прямо на меня идёт. Открыл — доктор. Обмороженную ногу смотрит и качает головой. Ушла.

Стал я припоминать. Помню поляну, Белого Лося. А дальше, что было дальше? А тут ещё нога «висячая» болит. В горле пересохло. Протянул руку к лицу — зарос, борода колючая. «Эх,— думаю,— давно лежу, если успел так обрасти. Как бы там без меня не начали посёлок строить на старом месте».

Задремал. Вдруг слышу голос: «Дяденька, что с вами случилось? И валенок один потеряли. Вы же замёрзнете».

Открыл глаза — снова никого. Ефимовна около сидит и так жалобно смотрит. И даже это мне вспоминать мешает.

Пришла медицинская сестра. Будет делать мне укол. Витамин с новокаином. А потом глюкозу. Это всё для восстановления моего здоровья. А потом — пенициллин, чтобы поправлялась обмороженная нога.

Смотрю на сестру. Она берёт ампулы с лекарством и стучает их об руку — проверяет, нет ли трещины. Если в стекле трещина, значит, лекарство испортилось. Потом она надпиливает ампулы и ловко обламывает. Набирает лекарство в шприц, выпускает из шприца воздух. Воздух опасен для жизни человека.

Бросаю писать, буду колотиться. Целую тебя и маму.

Ваш папка».

* * *

«Меня перевели в отдельную палату. Лежу, как сын, один. Сегодня попросил, чтобы побрили.

Лежал, лежал и вдруг, представь себе, всё вспомнил...

Вспомнил, как упал со всего ходу в снежную яму и острую боль в ноге. Очнулся, посмотрел:

одна лыжа переломилась, другая целая. Попробовал встать, но тут же упал от боли. В глазах потемнело: снег стал тёмным, деревья чёрными. Тогда, чтобы не потерять сознания, я закричал. На мой крик никто не ответил. Думаю: если не вылезу из ямы, то замёрзну. Снял уцелевшую лыжу с ноги, повернулся на живот и пополз. Трудно было ползти. Снег набивался в рукава куртки и охлаждал лицо. А потом появился мальчик. У него были узкие глаза и крепко сжатые губы. Рядом с ним стоял лось. Он склонил ко мне морду, шлёпал большими толстыми губами, и струйки пара из его ноздрей грели мне лицо.

— Вам нельзя спать, — сказал мальчик. — А я сейчас.

Мальчик скоро вернулся, в руках у него был валенок.

— Это ваш. Я вам его надену, а то помёрзнете. Я знаю вас, вы со стройки.

Он снял свои лыжи, связал с моей и осторожно перевернул меня на них. Пробирались мы медленно.

Мальчик всё время проваливался глубоко в снег. Он был весь белый от снега: от ног до шапки. Снег примёрз к нему. На воротнике от дыхания у него выросли сосульки, и, когда он делал резкое движение, сосульки отрывались и неслышно падали.

— Ты иди, — сказал я ему, — а я подожду.

Мальчик ничего не ответил, или я просто не слышал, что он ответил...

Я спросил у Ефимовны, кто меня привёз в больницу. Она ответила — рабочий на санях. И стал я подумывать, что про мальчика мне приснилось. Ну как мог, на самом деле, мальчик протащить дядю в восемьдесят килограммов столько километров!

— Чего ты там строчишь? — перебила меня Ефимовна. — Ты лучше о себе подумай. Одна нога переломана, другая обморожена. Докторша из-за тебя совсем извелась, она ведь неопытная.

В крепкую переделку я попал, как видно, и скоро мне не подняться. Болеть плохо и всегда не вовремя.

* * *

Не писал четыре дня. Но сегодня у меня радость, и я после этого на свои несчастные ноги не обращаю внимания.

Пришла Ефимовна и сказала:

— Гость к вам. Разрешили на десять минут.

«Ну, — думаю, — кто-нибудь со строительства приехал». Обрадовался.

Дверь тихонько открылась, и в дверной щели появилась мальчишеская голова, коротко стриженная, с узким разрезом глаз.

Мальчик остановился и не знает, что делать. Я ему руку протянул и крепко сжал. Ладонка у него маленькая, но крепкая и мозолистая.

— Спасибо, что выручил из беды.

Он ничего не ответил, покраснел и подал мне письма, мамины и твои. Мне даже жарко стало, так я обрадовался, когда увидел ваши письма. Но всё же отложил их.

— Прости,— сказал я.— Как тебя зовут?

— Петя.

— А меня Алексеем Павловичем.— Я ему это говорю, а он встал — и к дверям.— Ты куда?

— Сейчас,— ответил Петя.

Высунулся за дверь и вернулся с небольшим ведёрком:

— Это вам от нашего отряда,— и поднял бумагу, которой было прикрыто ведёрко.

В ведёрке лежала брусника. Свежая. Крепкая. Похожая на сорочий глаз. На меня лесом пахнуло.

— Под снегом собирали,— сказал Петя.— Врач велел, она для больных полезна.

— А как же вы её нашли?

— Силач помог. Лось. Он чует, где она. Разгребёт снег копытом, поест немного и уходит дальше. А мы остатки собираем.

— Лось?

— Да. Мы его Силачом зовём. Вы разве не помните? Когда я вас тащил, он рядом шёл. Он ручной, я его подкармливаю. Людей совсем не боится. И умный-умный. Всё понимает. Он меня провожал до больницы. Сахар любит, сладкоежка.

Дверь открылась, и появилась доктор. Она внимательно посмотрела на Петю и сказала:

— Гостю пора уходить.

— Доктор, ещё пять минут,— попросил я.— Мне надо написать несколько слов на работу.

— Хорошо,— ответила она.— Я вам пока помассирую ногу.

Длинные мягкие пальцы доктора заходили по ноге, сначала нежно-нежно, еле прикасаясь. Потом сильнее, сильнее, и затёкшие места стали оживать, и тысячи мелких иголок вонзились в мою ногу.

— Готово ваше письмо?

— Готово,— ответил я.— Вот, Петя, передай на строительство. Выручи ещё разок.

Доктор и Петя ушли. А у меня в комнате ещё несколько минут пахло брусничкой, морозным воздухом и какими-то незнакомыми духами доктора. А потом пришла медицинская сестра делать мне уколы, и сразу снова запахло лекарствами.

* * *

Сегодня опять приходил Петя. Отличный он парень! Чтобы прийти ко мне, ему надо отмахать десять километров. Петя принёс хорошие новости.

Во-первых, начальника строительства со всеми планами вызвали в Петрозаводск. Все ждали, когда же он вернётся, а он не вернулся. Вместо него приехал новый. Во-вторых, Петин отец, он работает прорабом на строительстве, передал моё письмо о рабочем посёлке новому начальнику. И тот уже назначил группу разведчиков. Они поедут осматривать участок, который я нашёл в лесу. Ясно тебе?

Теперь всё будет нормально. Только начнут без меня. Скоро весна, и нужно начинать строить.

Здравствуйте, мои дорогие и далёкие! Обмороженная нога всё время болит. Ночь и день. Кашляну — отдаётся в ногу, пошевелину рукой — отдаётся в ногу. Кто-нибудь хлопнет дверью посильнее — тоже отдаётся в ногу.

Только что у меня была доктор. Она сказала, что завтра меня будут оперировать.

— Операция несложная, я её сама хорошо сделаю. Нечего вызывать хирурга из города.

Я посмотрел в окно. На улице был снежный буран. Третий день я не вижу неба. «Вот почему операция простая и можно не вызывать хирурга, — подумал я. — Разве в такую погоду прилетишь!»

Мне захотелось сказать доктору, что я всё понимаю. Понимаю, что у меня гангрена и мне отнимут ступню на правой ноге. Понимаю, что операция сложная. Понимаю, что она ещё никогда не делала такой операции и нечего ей меня обманывать.

Я взглянул на доктора. Она стояла, крепко сжав кулаки. Костяшки пальцев у неё от этого побелели. «Совсем девочка, — подумал я. — А как далеко она заехала! Уехала из дому, и никто ей сейчас не поможет. Как же она будет делать операцию?»

«Спокойно, — сказал я себе. — Спокойно. Держись, как в бою». А вслух ответил:

— Хорошо, доктор, оперируйте! А то мне надоела боль, и я хочу быть здоровым.

Писать больше не о чем.

Меня привезли в операционную и положили на стол. Белый и высокий. По сторонам мне смотреть было неудобно — я лежал на столе без подушки и смотрел в потолок.

Прямо над столом висела большая электрическая лампа с блестящим абажуром. Потом я увидел доктора. Я не сразу узнал её в марлевой повязке на лице, из-под которой видны были лишь глаза, в резиновых перчатках и в длинном, не по росту, клеёнчатом переднике. Она была здесь самая маленькая и самая худенькая среди всех.

— Маску больному, — сказала она.

Мне поднесли ко рту какую-то трубку и попросили:

— Вдохните, смелее.

Я потянул и почувствовал во рту сладковатый привкус.

«Сейчас начнётся», — подумал я. И больше ничего не услышал, заснул от наркоза.

Проснулся уже после операции. Меня сильно тошнило, и кружилась голова. Открыл глаза и увидел доктора.

— Как вы себя чувствуете?

— Почти здоров.

А теперь я действительно здоров, потому что то, о чём я только что писал тебе, было десять дней назад. Вчера восстановилась лётная погода, и ко мне прилетел хирург из города. Осмотрел мою ногу, сказал, что скоро я смогу танцевать, и похвалил доктора за хорошую операцию. А сегодня ко мне пришла доктор. Смотрю, а она какая-то не такая. Не могу понять, в чём дело.

Она засмеялась и говорит:

— Я себе чёлку выстригла. Вчера, когда хи-

руг похвалил меня за операцию, я от счастья прямо не знала, что делать. Вот взяла и выстригла чёлку. Ничего? Идёт мне? — спросила она. — Ох, если бы увидел папа, он бы мне такой нагоняй дал!

— Хорошая чёлка, — сказал я. — Очень хорошая чёлка!

— Правда? Ефимовна говорит, что я всю строгость своего лица нарушила. А я ей сказала, что мне строгость совсем не нужна.

Вошла Ефимовна и позвала доктора. Снова я остался один, но теперь уже ненадолго.

* * *

Добрый день, москвичи! Мне осталось написать в тетрадь всего две странички, и она закончится. Но эти две странички долго ждали своего часа — несколько месяцев. А сейчас я могу их написать, потому что история со строительством нового посёлка подходит к концу.

Я живу в городке строителей, на берегу озера. Мы здесь живём в палатках. Рядом со мной разместились Петя с отцом.

Петю хотели отправить на лето в пионерский лагерь, но он отпросился на строительство. Он мой главный помощник — мои глаза и ноги. Я ещё плохо хожу, а он целыми днями носится по стройке с моими поручениями.

Каждое утро я просыпаюсь раньше всех в городке. Меня будит первый наш горожанин — Белый Лось. Делает он это по простой причине: я кормлю его сахаром. Он просовывает морду в палатку, я просыпаюсь, выхожу. Тихо. В лесу поют птицы. Над кухней-палаткой вьётся дым.

Белый Лось берёт у меня с ладони сахар, и ладонь становится влажной. Морда у лося мокрая, он уже успел умыться утренней холодной росой.

В мгlistом предутреннем воздухе фундаменты будущих домов кажутся мне крепостными стенами, а котлованы — рвами, наполненными водой. Но тут выходит повар и начинает изо всех сил колотить палкой в старый таз. Он зовёт строителей завтракать.

Белый Лось вздрагивает, крутит мордой, чтобы отделаться от назойливого трезвона, убегает в лес. День начался...

Пришёл Петя и сказал:

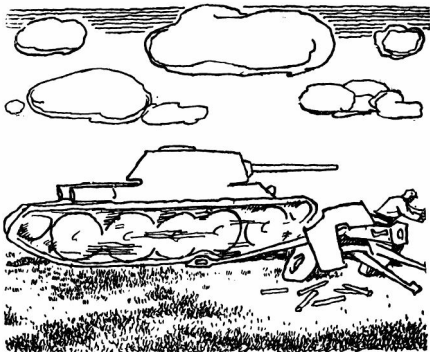
— Алексей Павлович, вертолёт прилетел.

Вертолёт прилетел за мной. Я лечу в город по делам строительства.

Петя волнуется, поэтому его узкие глаза становятся ещё уже, а губы сжимаются ещё крепче. Я знаю, почему волнуется Петя. Он хочет, чтобы я взял его в город. А просить не хочет. Он никогда ничего не просит. Мужчина.

Обычно я хожу, опираясь на две палки. А когда со мной Петя, я беру одну палку, а второй рукой опираюсь на его плечо. Сейчас я ему скажу, чтобы он мне подал одну палку. И мы пойдём к вертолёту. Удивительно крепкое плечо у этого мальчика, на него можно спокойно опереться.

...Мы сели в вертолёт. Машина поднялась ввысь, и её винт со звоном разрезал голубое летнее небо. А внизу, под нами, пролежала моя трудная дорога сюда».

В СТАРОМ ТАНКЕ

Он уже собрался уезжать из этого города, сделал свои дела и собрался уезжать, но по дороге к вокзалу вдруг натолкнулся на маленькую площадь.

Посередине площади стоял старый танк. Он подошёл к танку, потрогал вмятины от вражеских снарядов — видно, это был боевой танк и ему поэтому не хотелось сразу от него уходить. Поставил чемоданчик около гусеницы, влез на танк, попро-

бовал люк башни, открывается ли. Люк легко открылся.

Тогда он залез внутрь и сел на сиденье водителя. Это было узенькое, тесное место, он еле туда пролез без привычки и даже, когда лез, расцарапал руку.

Он нажал педаль газа, потрогал рукоятки рычагов, посмотрел в смотровую щель и увидел узенькую полоску улицы.

Он впервые в жизни сидел в танке, и это всё для него было так непривычно, что он даже не слышал, как кто-то подошёл к танку, влез на него и склонился над башней. И тогда он поднял голову, потому что тот, наверху, загородил ему свет.

Это был мальчишка. Его волосы на свету казались почти синими. Они целую минуту смотрели молча друг на друга. Для мальчишки встреча была неожиданной: думал застать здесь кого-нибудь из своих товарищей, с которыми можно было бы поиграть, а тут нă тебе, взрослый чужой мужчина.

Мальчишка уже хотел ему сказать что-нибудь резкое, что, мол, нечего забираться в чужой танк, но потом увидел глаза этого мужчины и увидел, что у него пальцы чуть-чуть дрожали, когда он подносил сигарету к губам, и промолчал.

Но молчать без конца ведь нельзя, и мальчишка спросил:

— Вы чего здесь?

— Ничего, — ответил он. — Решил посидеть. А что — нельзя?

— Можно, — сказал мальчик. — Только этот танк наш.

— Чей — ваш? — спросил он.

— Ребят нашего двора, — сказал мальчишка.

Они снова помолчали.

— Вы ещё долго будете здесь сидеть? — спросил мальчишка.

— Скоро уйду.— Он посмотрел на часы.— Через час уезжаю из вашего города.

— Смотрите-ка, дождь пошёл,— сказал мальчишка.

— Ну, давай заползай сюда и закрывай люк. Дождь переждём, и я уйду.

Хорошо, что пошёл дождь, а то пришлось бы уйти. А он ещё не мог уйти, что-то его держало в этом танке.

Мальчишка кое-как примостился рядом с ним. Они сидели совсем близко друг от друга, и было как-то удивительно и неожиданно это соседство. Он даже чувствовал дыхание мальчишки и каждый раз, когда он подымал глаза, видел, как стремительно отворачивался его сосед.

— Вообще-то старые, фронтовые танки — это моя слабость,— сказал он.

— Этот танк — хорошая вещь.— Мальчишка со знанием дела похлопал ладонью по броне.— Говорят, он освобождал наш город.

— Мой отец был танкистом на войне,— сказал он.

— А теперь? — спросил мальчишка.

— А теперь его нет,— ответил он.— Не вернулся с фронта. В сорок третьем пропал без вести.

В танке было почти темно. Через узенькую смотровую щель пробивалась тоненькая полоска, а тут ещё небо затянуло грозовой тучей, и совсем потемнело.

— А как это — «пропал без вести»? — спросил мальчик.

— Пропал без вести, значит, ушёл, к примеру, в разведку в тыл врага и не вернулся. И неизвестно, как он погиб.

— Неужели даже это нельзя узнать? — удивился мальчик. — Ведь он там был не один.

— Иногда не удаётся, — сказал он. — А танкисты смелые ребята. Вот сидел, к примеру, тут какой-нибудь парень во время боя: свету всего ничего, весь мир видишь только через эту щель. А вражеские снаряды бьют по броне. Видал, какие выбоины! От удара этих снарядов по танку голова могла лопнуть.

Где-то в небе ударил гром, и танк глухо зазвенел. Мальчишка вздрогнул.

— Ты что, боишься? — спросил он.

— Нет, — ответил мальчишка. — Это от неожиданности.

— Недавно я прочёл в газете об одном танкисте, — сказал он. — Вот это был человек! Ты послушай. Этот танкист попал в плен к фашистам: может быть, он был ранен или контужен, а может быть, выскочил из горящего танка и они его схватили. В общем, попал в плен. И вдруг однажды его сажают в машину и привозят на артиллерийский полигон. Сначала танкист ничего не понял: видит, стоит новенький «Т-34», а вдали группа немецких офицеров. Подвели его к офицерам. И тогда один из них говорит:

«Вот, мол, тебе танк, ты должен будешь пройти на нём весь полигон, шестнадцать километров, а по тебе будут стрелять из пушек наши солдаты. Проведёшь танк до конца — значит, будешь жить, и лично я тебе дам свободу. Ну, а не проведёшь — значит, погибнешь. В общем, на войне как на войне».

А он, наш танкист, совсем ещё молодой. Ну, может быть, ему было двадцать два года. Сейчас такие ребята ходят ещё в институты! А он стоял перед генералом, старым, худым, длинным, как

палка, фашистским генералом, которому было наплевать на этого танкиста и наплевать, что тот так мало прожил, что его где-то ждёт мать,— на всё было наплевать. Просто этому фашисту очень понравилась игра, которую он придумал с этим советским: он решил новое прицельное устройство на противотанковых пушках испытать на советском танке.

«Струсил?» — спросил генерал.

Танкист ничего не ответил, повернулся и пошёл к танку... А когда он сел в танк, когда влез на это место и потянул рычаги управления и когда они легко и свободно пошли на него, когда он вдохнул привычный, знакомый запах машинного масла, у него прямо голова закружилась от счастья. И, веришь ли, он заплакал. От радости заплакал, он уже никогда и не мечтал, что снова сядет в свой любимый танк. Что снова окажется на маленьком клочке, на маленьком островке родной, милой советской земли.

На минуту танкист склонил голову и закрыл глаза: вспомнил далёкую Волгу и высокий город на Волге. Но тут ему подали сигнал: пустили ракету. Это значит: пошёл вперёд. Он не торопился, внимательно глянул в смотровую щель. Никого, офицеры спрятались в ров. Осторожно выжал до конца педаль газа, и танк медленно пошёл вперёд. И тут ударила первая батарея — фашисты ударили, конечно, ему в спину. Он сразу собрал все силы и сделал свой знаменитый вираж: один рычаг до отказа вперёд, второй назад, полный газ и вдруг танк как бешеный крутнулся на месте на сто восемьдесят градусов — за этот маневр он всегда получал в училище пятёрку — и неожиданно стремительно помчался навстречу ураганному огню этой батареи.

«На войне как на войне! — вдруг закричал он сам себе. — Так, кажется, говорил ваш генерал». Он прыгнул танком на эти вражеские пушки и раскидал их в разные стороны.

«Неплохо для начала, — подумал он. — Совсем неплохо».

Вот они, фашисты, совсем рядом, но его защищает броня, выкованная умелыми кузнецами на Урале. Нет, теперь им его не взять. На войне как на войне!

Он снова сделал свой знаменитый вираж и прыгнул к смотровой щели: вторая батарея сделала залп по танку. И танкист бросил машину в сторону; делая виражи вправо и влево, он устремился вперёд. И снова вся батарея была уничтожена. А танк уже мчался дальше, а орудия, забыв всякую очерёдность, начали хлестать по танку снарядами. Но танк был как бешеный: он крутился волчком то на одной, то на другой гусенице, менял направление и давил эти вражеские пушки. Это был славный бой, очень справедливый бой. А сам танкист, когда пошёл в последнюю лобовую атаку, открыл люк водителя, и все артиллеристы увидели его лицо, и все они увидели, что он смеётся и что-то кричит им.

А потом танк выскочил на шоссе и на большой скорости пошёл на восток. Ему вслед летели немецкие ракеты, требуя остановиться. Танкист этого ничего не замечал. Только на восток, его путь лежал на восток. Только на восток, хотя бы несколько метров, хотя бы несколько десятков метров навстречу далёкой, родной, милой своей земле...

— И его не поймали? — спросил мальчишка.

Мужчина посмотрел на мальчика и хотел соврать, вдруг ему очень захотелось соврать, что всё

кончилось хорошо и его, этого славного, геройского танкиста, не поймали. И мальчишка будет тогда так рад этому! Но он не соврал, просто решил, что в таких случаях нельзя ни за что врать.

— Поймали,— сказал мужчина.— В танке кончилось горючее, и его поймали. А потом привели к генералу, который придумал всю эту игру. Его вели по полигону к группе офицеров два автоматчика. Гимнастёрка на нём была разорвана. Он шёл по зелёной траве полигона и увидел под ногами полевую ромашку. Нагнулся и сорвал её. И вот тогда действительно весь страх из него ушёл. Он вдруг стал самим собой: простым волжским пареньком, небольшого роста, ну, как наши космонавты. Генерал что-то крикнул по-немецки, и прозвучал одинокий выстрел.

— А может быть, это был ваш отец?! — спросил мальчишка.

— Кто его знает, хорошо бы,— ответил мужчина.— Но мой отец пропал без вести.

Они вылезли из танка. Дождь кончился.

— Прощай, друг,— сказал мужчина.

— До свидания...

Мальчик хотел добавить, что он теперь приложит все силы, чтобы узнать, кто был этот танкист, и, может быть, это действительно окажется его отец. Он подымет на это дело весь свой двор, да что там двор — весь свой класс, да что там класс — всю свою школу!

Они разошлись в разные стороны.

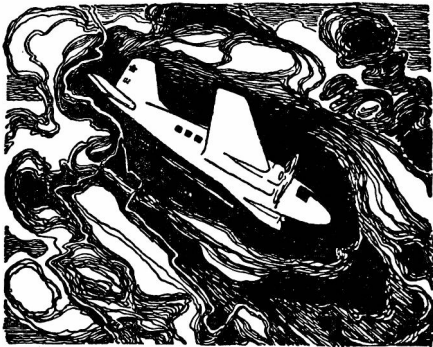
Мальчишка побежал к ребятам. Бежал и думал об этом танкисте, и думал, что узнает про него всё-всё, а потом напишет этому мужчине...

И тут мальчишка вспомнил, что не узнал ни имени, ни адреса этого человека, и чуть не заплакал от обиды. Ну, что тут поделаешь...

А мужчина шёл широким шагом, размахивая на ходу чемоданчиком. Он никого и ничего не замечал, шёл и думал о своём отце и о словах мальчика. Теперь, когда он будет вспоминать отца, он всегда будет думать об этом танкисте. Теперь для него это будет история отца.

Так хорошо, так бесконечно хорошо, что у него наконец появилась эта история. Он будет её часто вспоминать: по ночам, когда плохо спится или когда идёт дождь и ему делается печально или когда ему будет очень-очень весело.

Так хорошо, что у него появилась эта история, и этот старый танк, и этот мальчишка...

МАЛЬЧИК С КРАСКАМИ

Мальчик сидел в самолёте и не отрываясь смотрел в окно.

Светило солнце. Оно слепило глаза, но мальчик всё равно смотрел.

— Слушай, дорогой, — сказала мальчику мать. — Задёрни шторку или пересядь на соседнее кресло. Здесь слишком жарко от солнца, а тебе это вредно.

Мальчик недовольно посмотрел на мать. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь услышал, что ему вредно сидеть на солнце.

— Мне здесь очень хорошо,— сказал мальчик.— Солнце совсем не мешает.

— Ну ладно,— ответила мать.— Сиди, а я пересяду.

Она пересела на противоположную сторону самолёта. А мальчик продолжал смотреть в окно.

Из кабины вышел лётчик. Это был командир самолёта. Он сел рядом с мальчиком.

Мальчик оглянулся. Теперь рядом с ним сидел стоящий человек. Ему хотелось с ним поговорить. Лётчик это понял. Его хмурое, усталое лицо чуть-чуть посветлело, и он привычно спросил:

— Нравится?

— Очень,— ответил мальчик.

— Мечтаешь тоже, видно, в лётчики?

Мальчик смутился. Он совсем не мечтал быть лётчиком, потому что у него были слабые лёгкие, и он знал, что в лётчики его не возьмут. Врать он не умел, а правду говорить ему не хотелось.

— Я люблю рисовать,— ответил мальчик.— Вон, смотрите: белые облака совсем как стадо белых слонов. У первого под хоботом клыки. Это вожак. А вон облако-кит. Очень красивый хвост.

Мальчик посмотрел на лётчика, увидел, что тот улыбается, и замолчал. Ему стало стыдно, что он рассказывает взрослому человеку, да к тому же ещё лётчику, про каких-то облачных слонов и китов.

Мальчик уткнулся в окно.

Лётчик тронул его за плечо:

— Здорово у тебя работает фантазия. Действительно, до чего эти облака похожат на слонов! Ловко ты подметил.

— Мне мама купит в Москве краски, как взрослому художнику, и я буду рисовать,— сказал мальчик.— Честное слово. Смотрите, а вон земля! Она похожа на мозаику — есть такая детская игра.

Лётчик посмотрел на землю. Сколько он летал, а ничего этого не видел. Ему даже стало немножко обидно: столько раз пролетал мимо всяких там слонов и ничего этого не замечал. Он с восхищением посмотрел на этого худенького мальчика.

Небо для него всегда было только местом работы, и он привык его оценивать с точки зрения пригодности для полёта: низкая облачность — плохо для посадки, высокая облачность — отлично для полёта, грозовая — опасно. И ещё он много раз видел за крылом самолёта облака зенитных разрывов вражеских батарей — это было опаснее грозы.

А земля для него была местом посадки, где можно было отдохнуть в ожидании следующих полётов.

Потом лётчика позвали в кабину самолёта, и он ушёл.

А через несколько минут мальчик увидал, что им навстречу, полыхая молниями и грохоча, приближалась большая свинцовая туча.

Мать мальчика снова пересела поближе к сыну. А когда мимо их кресел прошёл второй пилот, она спросила его:

— Это не опасно? Гроза ведь.

— Из Москвы сообщили, что мы можем обойти грозу с севера,— ответил пилот.

Между тем в самолёте сразу стало темно. Пассажиры не отрываясь смотрели на тучу, которая надвигалась на самолёт, и беспокойно переговаривались между собой.

Самолёт развернулся и пошёл вдоль тучи. Ему всё время приходилось забирать правее и правее,

потому что туча наступала на него и захватывала с двух сторон. И как-то незаметно самолёт оказался в грозовом кольце. Он кружил в маленьком пространстве посредине, а тучи всё сжимали и сжимали кольцо.

Мальчик увидел, что двое мужчин встали с первых сидений и прошли в хвост самолёта. Все почему-то беспокойно посмотрели им вслед. Потом поднялись ещё двое и тоже пошли в хвост.

Вышел лётчик — сам командир корабля. Он посмотрел на пустые кресла и громко сказал:

— Прошу пассажиров немедленно занять свои места! Самолёту трудно держать равновесие.— Ему неприятна была трусость этих людей, которые при первой опасности бросаются в хвост самолёта,— думают, что это их спасёт.

— Не понимаю вашего приказа,— сказал один из тех мужчин, что пересели в хвост самолёта.— Не всё ли равно, где сидеть?

— А вы всё же пересядьте,— ответил лётчик.

Лицо у него было злое и жестокое. И, пока эти люди возвращались на свои места, он не уходил. При этом взгляд лётчика на секунду встретился со взглядом мальчика. Неожиданно и слишком легкомысленно для такого опасного момента лётчик подумал: «Интересно, на что похожа эта грозовая туча?»

Самолёт стал набирать высоту. Моторы его нутужно гудели, обшивка трещала от встречного ветра, он часто проваливался в воздушные ямы, но упрямо лез вверх, чтобы подняться над тучей и там, в чистом, высоком небе, переждать грозу. Это было не так-то легко: набрать высоту на самолёте старой конструкции, но лётчик сумел взобраться выше грозы.

Все пассажиры молчали, многие задёрнули

шторы, чтобы не видеть страшной чёрной тучи. Только мальчик смотрел в окно. Ему нравилась эта дикая, волшебная красота, эта страшная чернота, над которой они летели. Эта чернота грозового неба, сквозь которую ничего не было видно.

Внизу, под самолётом, всё полыхало и ухало и отдавалось в самолёте. Где-то там, под тучей, была Москва. И вдруг самолёт клюнул носом и стремительно понёсся вниз. В самолёте кончилось горючее, и лётчик бросил машину вниз, потому что только на предельной скорости можно было проскочить через грозу.

В следующий миг что-то начало рваться, ослепительно бить в самые окна, ломать самолёт.

Это продолжалось пять минут или даже меньше, и потом совсем рядом появилась земля, и самолёт покатиł по твёрдой бетонной дорожке.

Хлестал отчаянный дождь. Пассажиры выскочили из самолёта и, не дожидаясь автокара, побежали к зданию аэропорта. Последним бежал лётчик. Он не хотел отставать от этих людей, потому что пережил с ними сейчас минуту большой опасности, и ему поэтому сразу не хотелось с ними расставаться.

— Вы сейчас куда? — спросил лётчик у матери мальчика.

— Нам надо на симферопольский самолёт. Он улетает через два часа. Не знаю, полетит ли?

— Конечно, полетит, — ответил лётчик. — Гроза уйдёт за два часа. А низкая облачность для «ТУ» не страшна.

— Два часа? — переспросил мальчик. — Может быть, мы успеем купить краски.

— Ты же видишь, какая погода? — сказала мать. — Сейчас дождь. Ты можешь простудиться. Краски купим на обратном пути.

Мальчик ничего не ответил.

— Ну, будь здоров! — сказал лётчик мальчику. — Рад был познакомиться.

Когда мальчик с матерью стояли в очереди, чтобы сесть в симферопольский «ТУ-104», когда мальчик уже забыл про краски и нетерпеливо ждал своей очереди, вдруг перед ними появился лётчик. Он был в том же мокром костюме — не успел переодеться.

Они минуту помолчали. Мальчик не знал, откуда здесь вдруг появился лётчик, но чувствовал, что всё это неспроста.

— Вот тебе краски. Полный набор. Красные, синие, лазурные и так далее. — Лётчик протянул мальчику длинную деревянную коробку. — Бери, бери и рисуй!

Мальчик робко взял коробку с красками и посмотрел на мать. Все в очереди тоже оглянулись.

— Зачем же вы себя так утруждали! — сказала мать и достала деньги. — После тяжёлого полёта...

— Раз обещали, то надо, — сказал лётчик и замолчал.

Лицо его постепенно делалось всё мрачнее и мрачнее. И стало совсем мрачным и грубым. Он неловко взял у женщины деньги и сунул их в карман.

И ушёл обратно к аэропорту, сутулый, большой. Он ушёл, а мальчик, прижимая к груди коробку красок, поднялся в самолёт, чтобы за сто десять минут покрыть расстояние в тысячу километров, познать высоту и современную скорость полёта и ещё раз посмотреть на землю сверху, чтобы увидеть её как-то по-новому.

ДЕВУШКА В ВОЕННОМ

Почти целая неделя прошла для меня благополучно, но в субботу я получил сразу две двойки: по русскому и по арифметике.

Когда я пришёл домой, мама спросила:

— Ну как, вызывали тебя сегодня?

— Нет, не вызывали,— соврал я.— Последнее время меня что-то совсем не вызывают.

А в воскресенье утром всё открылось. Мама

влезла в мой портфель, взяла дневник и увидела двойки.

— Юрий,— сказала она.— Что это значит?

— Это случайно,— ответил я.— Учительница вызвала меня на последнем уроке, когда почти уже началось воскресенье...

— Ты просто врун! — сердито сказала мама.

А тут ещё папа ушёл к своему приятелю и долго не возвращался. А мама ждала его, и настроение у неё было совсем плохое. Я сидел в своей комнате и не знал, что мне делать. Вдруг вошла мама, одетая по-праздничному, и сказала:

— Когда придёт папа, покорми его обедом.

— А ты скоро вернёшься?

— Не знаю.

Мама ушла, а я тяжело вздохнул и достал учебник по арифметике. Но не успел я раскрыть его, как кто-то позвонил.

Я думал, что пришёл наконец папа. Но на пороге стоял высокий широкоплечий незнакомый мужчина.

— Здесь живёт Нина Васильевна? — спросил он.

— Здесь,— ответил я.— Только мамы нет дома.

— Разреши подождать? — Он протянул мне руку.— Сухов, товарищ твоей мамы.

Сухов прошёл в комнату, сильно припадая на правую ногу.

— Жалко, Нины нет,— сказал Сухов.— Как она выглядит? Все такая же?

Мне было непривычно, что чужой человек называл маму Ниной и спрашивал, такая же она или нет. А какая она ещё может быть?

Мы помолчали.

— А я ей фотокарточку привёз. Давно обещал,

а привёз только сейчас.— Сухов полез в карман.

На фотографии стояла девушка в военном костюме: в солдатских сапогах, в гимнастёрке и юбке, но без оружия.

— Старший сержант,— сказал я.

— Да. Старший сержант медицинской службы. Не приходилось встречаться?

— Нет. Первый раз вижу.

— Вот как? — удивился Сухов.— А это, брат ты мой, не простой человек. Если бы не она, не сидеть бы мне сейчас с тобой...

* * *

Мы молчали уже минут десять, и я чувствовал себя неудобно. Я заметил, что взрослые всегда предлагают чаю, когда им нечего говорить. Я сказал:

— Чаю не хотите?

— Чаю? Нет. Лучше я тебе расскажу одну историю. Тебе полезно её знать.

— Про эту девушку? — догадался я.

— Да. Про эту девушку.— И Сухов начал рассказывать: — Это было на войне. Меня тяжело ранили в ногу и в живот. Когда ранят в живот, это особенно больно. Даже пошевелинуться страшно. Меня вытащили с поля боя и в автобусе повезли в госпиталь.

А тут враг стал бомбить дорогу. На передней машине ранили шофёра, и все машины остановились. Когда фашистские самолёты улетели, в автобус влезла вот эта самая девушка,— Сухов показал на фотографию,— и сказала: «Товарищи, выходите из машины».

Все раненые поднялись на ноги и стали выхо-

дить, помогая друг другу, торопясь, потому что где-то недалеко уже слышен был рокот возвращающихся бомбардировщиков.

Один я остался лежать на нижней подвесной койке.

«А вы что лежите? Вставайте сейчас же! — сказала она. — Слышите, вражеские бомбардировщики возвращаются!»

«Вы что, не видите? Я тяжело ранен и не могу встать, — ответил я. — Идите-ка вы сами побыстрее отсюда».

И тут снова началась бомбёжка. Бомбили особыми бомбами, с сиреной. Я закрыл глаза и натянул на голову одеяло, чтобы не поранили оконные стёкла автобуса, которые от взрывов разлетались вдребезги. В конце концов взрывной волной автобус опрокинуло набок и меня чем-то тяжёлым ударило по плечу. В ту же секунду вой падающих бомб и разрывы прекратились.

«Вам очень больно?» — услышал я и открыл глаза.

Передо мной на корточках сидела девушка.

«Нашего шофёра убили, — сказала она. — Надо нам выбираться. Говорят, фашисты прорвали фронт. Все уже ушли пешком. Только мы остались».

Она вытащила меня из машины и положила на траву. Встала и посмотрела вокруг.

«Никого?» — спросил я.

«Никого, — ответила она. Затем легла рядом, лицом вниз. — Теперь попробуйте повернуться на бок».

Я повернулся, и меня сильно затошнило от боли в животе.

«Ложитесь снова на спину», — сказала девушка.

Я повернулся, и моя спина плотно легла на её спину. Мне казалось, что она не сможет даже тронуться с места, но она медленно поползла вперёд, неся на себе меня.

«Устала,— сказала она. Девушка встала и снова оглянулась.— Никого, как в пустыне».

В это время из-за леса вынырнул самолёт, пролетел бреющим над нами и дал очередь. Я увидел серую струйку пыли от пуль ещё метров за десять от нас. Она прошла выше моей головы.

«Бегите! — крикнул я.— Он сейчас развернётся».

Самолёт снова шёл на нас. Девушка упала. Фьють, фьють, фьють — просвистело снова рядом с нами. Девушка приподняла голову, но я сказал:

«Не шевелитесь! Пусть думает, что он нас убил».

Фашист летел прямо надо мной. Я закрыл глаза. Боялся, что он увидит, что у меня открыты глаза. Только оставил маленькую щёлочку в одном глазу.

Фашист развернулся на одно крыло. Дал ещё одну очередь, снова промазал и улетел.

«Улетел,— сказал я.— Мазила».

Потом девушка потащила меня дальше. Когда она меня дотащила до железнодорожной станции, было уже темно. Мы ползли десять часов.

* * *

— Вот, брат, какие бывают девушки,— сказал Сухов.— Один раненый сфотографировал её для меня на память. И мы разъехались. Я — в тыл, она — обратно на фронт.

Я взял фотографию и стал смотреть. И вдруг узнал в этой девушке в военном костюме мою ма-

му: мамины глаза, мамин нос. Только мама была не такой, как сейчас, а совсем девчонкой.

— Это мама? — спросил я. — Это моя мама спасла вас?

— Вот именно, — ответил Сухов. — Твоя мама. Тут вернулся папа и перебил наш разговор.

— Нина! Нина! — закричал папа из прихожей. Он любил, когда мама его встречала.

— Мамы нет дома, — сказал я.

— А где же она?

— Не знаю, ушла куда-то.

— Странно, — сказал папа. — Выходит, я зря तो-ропился.

— А маму ждёт фронтовой товарищ, — сказал я.

Папа прошёл в комнату. Сухов тяжело поднялся ему навстречу. Они внимательно посмотрели друг на друга и пожали руки. Сели, помолчали.

— А товарищ Сухов рассказывал мне, как они с мамой были на фронте.

— Да? — Папа посмотрел на Сухова. — Жалко, Нины нет. Сейчас бы обедом накормила.

— Обед ерунда, — ответил Сухов. — А что Нины нет, жалко.

Разговор у папы с Суховым почему-то не получался. Сухов скоро поднялся и ушёл, пообещав зайти в другой раз.

* * *

— Ты будешь обедать? — спросил я папу. — Мама велела обедать, она придёт не скоро.

— Не буду я обедать без мамы, — рассердился папа. — Могла бы в воскресенье посидеть дома!

Я повернулся и ушёл в другую комнату. Минут через десять папа пришёл ко мне.

— Юрка,— голос у папы был виноватый,— как ты думаешь, куда пошла мама?

— Не знаю. Оделась по-праздничному и ушла. Может быть, в театр,— сказал я,— или устраиваться на работу. Она давно говорила, что ей надоело сидеть дома и ухаживать за нами. Всё равно мы этого не ценим.

— Чепуха,— сказал папа.— Во-первых, в театре в это время спектаклей нет. А во-вторых, в воскресенье не устраиваются на работу. И потом, она бы меня предупредила.

— А вот и не предупредила,— ответил я.

После этого я взял со стола мамину фотографию, которую оставил Сухов, и стал на неё смотреть.

— Так-так, по-праздничному,— грустно повторил папа.— Что у тебя за фотография? — спросил он.— Да ведь это мама!

— Вот именно, мама. Это товарищ Сухов оставил. Мама его из-под бомбёжки вытащила.

— Сухова? Наша мама? — Папа пожал плечами.— Но ведь он в два раза выше мамы и в три раза тяжелее.

— Мне сам Сухов сказал.— И я повторил папе историю этой маминой фотографии.

— Да, Юрка, замечательная у нас мама. А мы с тобой этого не ценим.

— Я ценю,— сказал я.— Только иногда у меня так бывает...

— Выходит, я не ценю? — спросил папа.

— Нет, ты тоже ценишь,— сказал я.— Только у тебя тоже иногда бывает...

Папа походил по комнатам, несколько раз открывал входную дверь и прислушивался, не возвращается ли мама. Потом он снова взял фотографию, перевернул и прочёл вслух:

— «Дорогому сержанту медицинской службы в день её рождения. От однополчанина Андрея Сухова». Постой-постой,— сказал папа.— Какое сегодня число?

— Двадцать первое!

— Двадцать первое! День маминого рождения. Этого ещё не хватало! — Папа схватился за голову.— Как же я забыл? А она, конечно, обиделась и ушла. И ты хорош — тоже забыл!

— Я две двойки получил. Она со мной не разговаривает.

— Хороший подарочек! Мы просто с тобой свиньи,— сказал папа.— Знаешь что, сходи в магазин и купи маме торт.

Но по дороге в магазин, пробегая мимо нашего сквера, я увидел маму. Она сидела на скамейке под развесистой липой и разговаривала с какой-то старухой. Я сразу догадался, что мама никуда не уходила. Она просто обиделась на папу и на меня за свой день рождения и ушла.

Я прибежал домой и закричал:

— Папа, я видел маму! Она сидит в нашем сквере и разговаривает с незнакомой старухой.

— А ты не ошибся? — сказал папа.— Живо тащи бритву, я буду бриться. Достань мой новый костюм и вычисти ботинки. Как бы она не ушла,— волновался папа.

— Конечно,— ответил я.— А ты сел бриться.

— Что же, по-твоему, я должен идти небритым? — Папа махнул рукой.— Ничего ты не понимаешь.

Я тоже взял и надел новую куртку, которую мама не разрешала мне ещё носить.

— Юрка! — закричал папа.— Ты не видел, на улице цветы не продают?

— Не видел,— ответил я.

— Удивительно,— сказал папа,— ты никогда ничего не замечаешь.

Странно получается у папы: я нашёл маму и я же ничего не замечаю.

Наконец мы вышли. Папа зашагал так быстро, что мне пришлось бежать. Так мы шли до самого сквера. Но, когда папа увидел маму, он сразу замедлил шаг.

— Ты знаешь, Юрка,— сказал папа,— я почему-то волнуюсь и чувствую себя виноватым.

— А чего волноваться,— ответил я.— Попро-сим у мамы прощения, и всё.

— Как у тебя всё просто.— Папа глубоко вздох-нул, точно собирался поднять какую-то тяжесть, и сказал: — Ну, вперёд!

Мы вошли в сквер, шагая нога в ногу. Мы по-дошли к нашей маме.

Она подняла глаза и сказала:

— Ну вот, наконец-то.

Старуха, которая сидела рядом с мамой, по-смотрела на нас, и мама добавила:

— Это мои мужчины.

ОСЛИК И ПЯТЫЙ ОКЕАН

Мы ехали автобусом в аэропорт. Я и мама. Мама сидела на первом сиденье, я — на втором. Мы так устроились из-за мамы. Она сказала, что я слишком ёрзаю и обязательно помну ей платье.

Рядом с мамой разместился толстый и большой лётчик. Он занимал много места, и мама оказалась у самой стенки. Я смотрел, как погибает новое, замечательно отглаженное мамино платье, и наконец сказал лётчику:

— Может быть, вы пересядете ко мне, а то вам тесно.

Мама покраснела, а лётчик стал извиняться.

— Простите,— говорит,— действительно вам неудобно.

— Ничего, ничего,— ответила мама.— Это я должна перед вами извиниться за своего сына.

«Вот здорово! Я же ещё оказался виноватым!— подумал я.— Удивительно, до чего взрослые любят извиняться!»

Пассажиры в автобусе посмотрели на нас. Им очень, конечно, хотелось узнать, почему покраснела мама, и они с нетерпением ждали, что будет дальше. Но лётчик просто пересел ко мне.

Наше сиденье покривилось, и я начал скатываться на лётчика.

— Ты, я вижу, легче пуха,— заметил он.

Теперь покраснел я, взглянул на него и подумал: «Ну как я могу перевесить такую гору?» А вслух ответил:

— Я не самый лёгкий, у нас в классе есть полегче меня. Например...— Но кого назвать, я не знал и ловко перевёл разговор: — Погода нелётная, сплошная облачность.

— Облачность есть. Ты верно заметил.— Лётчик сощурил глаза и посмотрел на небо.

— Но это не опасно? — спросила мама.

— Какая же опасность? — ответил лётчик.— Пока облачность низкая, ваш самолёт никуда не полетит.

Я промолчал. Мне очень хотелось, чтобы лётчик подумал, что мы тоже летим. А мама взяла и сказала:

— Что вы, мы не летим! Разве можно с детьми летать? Муж возвращается из командировки. Иркутским самолётом.

Я прилип к оконному стеклу и сделал вид, что не слышу маминых слов про детей.

— Иркутским? — переспросил лётчик.— Мо-

жете не волноваться. Там пилот — мой старый друг. Надёжный товарищ.

Автобус остановился у здания аэропорта. Мы попрощались с лётчиком и пошли к справочному бюро.

— Скажите, — спросила мама как можно вежливее, — иркутский прибывает вовремя?

— Опаздывает, — ответили из окошка. — Подождите через полчаса.

У мамы сразу испортилось настроение. Я стал смотреть по сторонам, чтобы придумать, как её развлечь, и увидел лётчика — нашего автобусного попутчика.

«Сейчас я всё узнаю», — подумал я и пустился догонять лётчика. Но он шёл очень быстро и ни на кого не налетал, а я всё время с кем-нибудь сталкивался.

Лётчик открыл какую-то дверь и скрылся. Я прошмыгнул следом за ним и попал в длинный пустой коридор. Где искать теперь лётчика, я не знал, потому что дверей было много и все плотно прикрыты. Только в одной в узенькую щель пробивалась полоска света.

Я медленно подошёл и услышал знакомый голос:

— И давно потеряна связь?

— Больше часа, — ответила женщина.

Я слышал, как лётчик стал ходить по комнате.

В дверную щель мне видна была карта, вдоль и поперёк пересечённая разноцветным пунктиром. И по каждому пунктиру двигалась маленькая фигурка самолёта.

— Позвони-ка ещё разок, — сказал лётчик.

Женщина, которую я не видел, спросила по телефону:

— Иркутский не появлялся?

И тут я догадался: «Иркутский! Это самолёт, на котором летит папа».

Я открыл дверь и просунул голову. За столом сидела женщина. Она была в синем форменном кителе с двумя золотыми нашивками на рукаве. Лётчик стоял спиной ко мне и смотрел в окно на аэродромное поле.

— Мальчик, ты откуда здесь? — строго спросила женщина.

Лётчик оглянулся. Он совсем не удивился, что увидел меня.

— Это мой знакомый, — говорит. — Тоже иркутский встречает. Ты что, всё слышал?

Я кивнул.

— Слышал и, может, даже испугался, хотя пугаться совсем нечего. Подумаешь, связь потеряли! Восстановят. Может быть, у них там просто испортилась рация. Лучше посмотри, какая карта. Это, брат, хитрая карта. Видишь, по ней игрушечные самолёты двигаются, они на наш аэродром летят. Можно сказать, говорящая карта. Посмотрел на неё — и сразу знаешь, где самолёт находится.

Лётчик говорил, но я плохо его слушал, а всё шарил глазами по карте.

— Скажите, а где иркутский самолёт?

— Иркутский? Вот он. — И лётчик показал на маленький самолётик, который неподвижно стоял на зелёной пунктирной линии.

— Ну, я пошёл. Мне к маме надо, — сказал я и вышел в зал ожидания.

Мама сидела в стороне от всех и читала газету.

— Ты где был? — спросила она.

— Да так, гулял, — соврал я.

Прошёл ещё час, а в справочной по-прежнему ничего не знали про иркутский самолёт. Какие-то

самолёты прилетали и улетали, а нашего всё не было.

Мы сидели с мамой и не разговаривали. Тогда я незаметно сполз со стула и пошёл в диспетчерскую. Я тихонько приоткрыл её дверь и отыскал зелёную пунктирную линию. Иркутский самолёт стоял на прежнем месте.

Я вернулся к маме. И тут снова появился лётчик, он шёл не торопясь.

— Товарищ, товарищ! — крикнула мама.

Он оглянулся и подошёл.

— Я очень волнуюсь и поэтому решила вас окликнуть. Почему-то до сих пор нет нашего самолёта!

Лётчик посмотрел на меня, и я отвернулся. Я боялся, что он сейчас всё расскажет маме.

— Не волнуйтесь. Плохая погода. Где-нибудь сидит или сбился с курса. На нём знаете какой пилот бывалый! — Лётчик сел рядом с мамой. — Отличный парень! Я его ещё с войны знаю. Тогда он мальчишкой был. Если хотите, могу про него историю рассказать, всё равно ведь нам ждать.

* * *

Было это в 1941 году...

Пилот считал раненых, которые подымались по лесенке в самолёт. Одни опирались на автоматы, как на палку, некоторых несли на носилках. Он считал вслух: «Раз, два, три, четыре...» Все напряжённо прислушивались к размеренному счёту. «Пять, шесть, семь...»

Раненые стояли в очереди к самолёту молча, но каждый из них с трепетом ждал, когда этот счёт прекратится.

Среди раненых был здоровый мужчина. Он

держал за руку мальчика лет одиннадцати, бледного, худенького, одетого в чистое гражданское платье, неизвестно как сохранившееся в этих партизанских лесах.

Пилот считал: «Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать». Потом он замолчал, и в самолёт влезло ещё несколько раненых.

«Всё! — сказал он. — Больше сажать нельзя!»

Мальчик вырвался и отошёл в сторону. К нему подошёл его попутчик и начал что-то говорить. Мальчик слушал, опустив голову, потом снова вложил свою руку в его руку, и они стали в конец очереди.

В очереди, кроме них, осталось всего три человека. Двое совсем молодых парней, один с перебинтованными руками, другой с перевязанным лицом, на котором виднелись только удивительно голубые глаза. И третий постарше, бородастый.

Но пилот всё равно сказал:

— Всё, больше не могу! А то не взлетим.

Трое молчали. Они знали: раз нельзя, то нельзя, хотя если они останутся в лесу, без врача, то умрут от ран. Но они молчали. Их суровые лица, огрубелые от войны и невзгод, были мрачны.

И человек с мальчиком тоже молчал.

Пилот оглянулся. Эти трое поворачивались, чтобы уйти. Тогда он открыл люк самолёта и крикнул:

«Сдать всем оружие и лишние вещи! Быстро!»

Обычно, когда самолёты летели из этих далёких партизанских лесов в Москву, то все раненые брали с собой оружие. Дорога была трудная, нередко случалось, что самолёт в пути сбивали фашисты и раненым приходилось сражаться, чтобы не сдаваться в плен.

Скоро у самолёта выросла горка автоматов, запасных обойм, гранат, пистолетов разных марок.

Пилот посмотрел на эту горку оружия, потом перевёл взгляд на раненых. Они стояли теперь рядом, и мальчика из-за них не было видно. И крикнул:

«Ещё!»

Из самолёта полетели шинели, вещевые мешки, фляги с водой, чья-то рука выбросила несколько пар сапог. Тогда двое из этих, голубоглазый парень и бородатый, сели на землю и тоже скинули сапоги. Потом бородатый помог присесть третьему, у которого обе руки были перевязаны, и стащил с него сапоги.

«Ну, входите», — сказал пилот.

И трое, ступая босыми ногами по железным ступеням лесенки, скрылись в самолёте.

Пилот уже хотел убрать лесенку, но мужчина с мальчиком сказал:

«Товарищ, паренька ещё захвати. Необходимо...» — Он что-то хотел добавить, но посмотрел на мальчика и не стал.

Пилот нехотя отстегнул кобур с пистолетом, сбросил кожаное пальто и кивнул мальчику:

«Входи».

Самолёт дрогнул. Рёв мотора разорвал ночную напряжённую тишину. Машина медленно побежала, но всё же набрала положенную скорость и взлетела.

Была осенняя ночь. Тихая и звёздная. В самолёте сидели и лежали люди. Прислушивались к шуму мотора. Они летели в тёмном небе, как слепые, ничего не видя, а где-то далеко-далеко под ними лежала земля. И вдруг они точно прозрели: самолёт попал в луч вражеского прожектора. Все жда-

ли, что в следующий момент прожектор погаснет, но он горел неярким светом, точно кто-то повесил в самолёте обыкновенную электрическую лампочку.

Пассажиры самолёта, и молодые и старые, поняли, что стоят на краю страшной пропасти. Они могли каждую секунду погибнуть, но никто не шелохнулся, потому что, если бы у них под ногами была земля, то они кричали бы и дрались, а тут они были в небе. Их привязывал к земле только острый луч прожектора, который готовил им гибель.

А мальчик думал об отце и плакал. Отец его погиб несколько дней назад. Он ничего не боялся, он только плакал.

Пилот попытался уйти от прожектора, но тот ухватил его крепко. Пушки не стреляли. Фашисты ждали: снизится самолёт или нет? Снизится — значит, свой, нет — значит, советский. А пилот тем временем старался набрать высоту, чтобы уйти. Раздался первый залп, потом второй. Самолёт сильно тряхнуло. Но он упрямо летел вперёд, делая крутые виражи, бросаясь вниз так, что едва выходил на прямую. Люди в самолёте падали друг на друга и от боли теряли сознание.

Потом прожектор пропал. Разрывы стали глуше. Пилот ввёл самолёт в облако и ушёл от фашистов.

Прошло ещё минут пятнадцать. В чёткую работу мотора стали врываться непонятные звуки, будто птица на лету хлопала крыльями. Мотор зачихал и умолк.

Может быть, на время, может быть, мотор снова заговорит, закрутится винт и сильно потянет машину вперёд. Но самолёт скользил вниз, точно по хорошо укатанной плоскости. Он скользил лег-

ко и плавно, и никакая сила уже не могла удерживать его на высоте.

Теперь летел не самолёт, летела земля — она была большая, больше неба.

Самолёт норовил клюнуть носом и сорваться в пике, а пилот удерживал его. Он планировал из последних сил и вглядывался в предутреннюю мглу, пытаясь найти в бесконечном лесном пространстве подходящую полянку. Наконец он увидел то, что искал: это была лесная поляна, — и пошёл на посадку.

Самолёт ударился о землю, но пилоту всё же удалось выровнять машину. Она пробежала метров четыреста, подмяла редкий кустарник и у самых деревьев замерла.

Пилот вышел из кабины. Он снял шлем и молча обвёл всех взглядом. Он смотрел в лица — старые, заросшие, усталые, и в молодые, ещё безусые, тоже усталые. Пилот посмотрел на мальчика, подмигнул ему и неожиданно улыбнулся. И все сразу улыбнулись, и мальчик первый раз после гибели отца робко разжал губы.

Пилот напялил шлем на голову, открыл дверь самолёта. Прыгнул на землю. На секунду замер: вдруг за каким-нибудь кустом снайпер взял его на прицел? Но кругом было тихо-тихо.

Пилот скоро вернулся.

«Пробиты баки. Ни капли бензина. Только в запасных осталось, но на нём не долететь».

«А фронт далеко?» — спросил бородатый партизан.

«Километров пятьдесят».

«Надо найти бензин. Пойдём в деревню, — сказал бородатый. — Коммунисты, прошу поднять руки».

Подняли руки трое партизан и пилот.

«Пойду я,— сказал бородатый,— товарищ пилот и...— Он посмотрел на троих партизан. Они были тяжело ранены.— И...»

«Я пойду».

Все оглянулись. Это говорил мальчик.

«Я уже не раз ходил в разведку. Меня не тронут».

«Хорошо. Пойдешь ты.— Бородатый встал, поправил руку на перевязи и сказал: — Я, Михаил Скопин, коммунист».

«Я, Андрей Беспалов, коммунист»,— сказал пилот.

И тогда все посмотрели на мальчика, и он сказал тихим голосом:

«Я, Коля Федосов, пионер».

Они ушли. К полудню им удалось отыскать дорогу и выйти к деревне. Они залегли в кустах, на лесной опушке, чтобы посоветоваться, что делать дальше.

«По-моему, нам надо дожидаться ночи»,— сказал пилот Беспалов.

«Ночью скорее поймают,— ответил Коля.— Я сейчас пойду».

«Один?»

«Да».

Скопин молчал. Он был опытный партизан и понимал, что мальчик прав.

«А что ты будешь говорить, если в деревне немцы?» — спросил Беспалов.

«Не в первый раз.— Коля встал, глаза его сузились и стали злыми.— Ну, я пошёл».

Он подобрал на ходу прутик и, размахивая им, запыхал к деревне. А те двое смотрели ему в спину, в белобрысый затылок и тоненькую шею. Мальчик ни разу не оглянулся.

«Да,— сказал наконец Беспалов,— это тебе паренёк!»

А бородатый Скопин ничего не сказал.

Они лежали в кустах и ждали. Было жарко. Сначала хотелось пить, потом захотелось есть.

Беспалов смотрел на пыльную дорогу, которая вела в деревню. Он всё ждал, когда же придёт мальчик. Иногда он отрывал взгляд от дороги и оглядывался на Скопина. Тот лежал на спине, лицо его стало бледным, на повязке появились свежие пятнышки крови.

«Больно?» — спрашивал Беспалов.

«Нет», — отвечал Скопин.

Прошло несколько часов. У Беспалова першило в горле, губы потрескались. А на дороге по-прежнему никого не было.

«Скопин, может, мне пойти? Я здесь, бугай, лежу, а он, маленький, там!»

«Брось ерунду молоть», — отвечал Скопин. — Тебя сразу схватят».

«А почему там такая тишина? Немцы, наверное, ушли».

«Если бы ушли, он бы вернулся».

Наступила тревожная ночь. Скопин задремал, а Беспалов лежал в темноте и ловил каждый шорох. Он решил ждать до утра, а утром идти в деревню. И вдруг послышался осторожный шёпот:

«Товарищи, товарищи...»

Беспалов узнал голос мальчика и крикнул громко, неожиданно для себя:

«Коля! Коля! Мы здесь!»

«Тише! Не знаю, зачем вы так кричите? — сказал Коля. Он стоял рядом с Беспаловым, и от него сильно пахло бензином. — А ещё военный лётчик».

«Прости, Коля. Я рад, что ты вернулся!»

«Идёмте за мной», — прошептал Коля.

Они прошли шагов тридцать вдоль опушки, и Беспалов увидел большой бидон из-под молока.

Беспалов хотел поднять бидон, но он был очень тяжёлый, а руки, как назло, скользили по мокрому железу. Видно, дорогой бензин плескался и залил стенки бидона.

«Вам одному не поднять, он тяжёлый,— сказал Коля.— Надо Скопина позвать».

«А как же ты дотащил его сюда?»

«Мне две женщины помогали. Они вернулись в деревню».

«Две женщины дотащили, а я, что же, не смогу, по-твоему? Смехота какая-то получается». — Беспалов присел на корточки, со злостью обхватил

бидон руками, натужился, поднялся и поставил на плечо.

Коля взял его за руку и повёл к тому месту, где они оставили Скопина.

* * *

Мы с мамой слушали лётчика не перебивая. Я теперь думал сразу про папу и про Колю. Только каждый раз, когда радио объявляло о прилёте нового самолёта, лётчик замолкал. Мы слушали радио.

Потом зал аэропорта наполнялся оживлёнными людьми. От них пахло чужими землями — жарким южным солнцем, солёным морем.

Я искал среди этих пассажиров папу. А вдруг диспетчер забыл объявить и это прилетел иркутский самолёт? Разве чудес не бывает! И мама тоже искала. Только лётчик никого не искал. Он раскуривал папиросу, украдкой поглядывая на маму, и продолжал рассказ.

* * *

...К утру Скопин, Беспалов и Коля добрались до самолёта. Беспалов тут же выстругал небольшие колышки, забил ими дырки от снарядных осколков в баках, залил бензин, и уже через полчаса самолёт приземлился на московском аэродроме.

Партизан — на «санитарку» и в госпиталь. А Коля остался с Беспаловым.

«Ну, а тебе куда?» — спросил его Беспалов.

Коля молчал.

«Ну, чего ты приуныл и не отвечаешь? Куда тебе?»

«У меня письмо в главный партизанский штаб. Там меня направят...»

«А мама твоя где?»

«Мамы нету».

Беспалов задрал голову кверху, и у него почему-то непривычно защеколало в горле.

«Ты посмотри, Коля, небо-то какое отличное».

«Большое, не то что в лесу», — ответил Коля.

«Вот что, в главный штаб ты успеешь сходить, а сейчас марш ко мне домой!» — Беспалов говорил громким голосом, чтобы увереннее себя чувствовать. Он боялся, что Коля вдруг откажется с ним идти и пропадёт для него навсегда.

Через пять дней Беспалов получил новое боевое задание и улетел. Коля остался ждать его в Москве. Он не спрашивал, сколько ему жить у Беспалова. А Беспалов уже договорился в главном партизанском штабе, что Коля останется у него.

«Ты мне, браток, пиши, — на прощание попросил Беспалов. — Ладно?»

«Ладно».

Беспалов не знал, что ему ещё сказать, похлопал лётным шлемом по руке и решил успокоить Колю:

«Ничего, брат, скоро закруглим войну, подрастём и будем вместе бороздить пятый океан».

«А что за пятый океан?»

«Ну как же! На земле есть четыре океана, а пятый океан — это небо. Самый великий океан». — Беспалов поерошил Колины волосы и неловко поцеловал в ухо.

«Подождите! — Коля порылся в кармане и вытащил фигурку ослика. — Это я сам выпилил из дерева в партизанском лагере и на костре обжёг. Хотел отцу подарить ко дню рождения. Возьмите его в полёт».

В это время снова заговорило радио, и лётчик замолчал.

— Самолёт Иркутск—Москва прибудет через полчаса.

— Прибудет, прибудет! — закричал я.

— Ну вот видите, как всё хорошо кончилось, — сказал лётчик. — Я знал, Коля не подведёт!

Но я уже бежал, можно сказать, летел. У дверей диспетчерской я на секунду остановился, потом тихонько нажал на дверь. Воздушная карта по-прежнему горела разноцветными линиями. Я нашёл иркутский самолёт. Теперь он не стоял, он двигался к Москве.

Я стал такой счастливый, что даже не знал, что мне делать от счастья.

Я бросился обратно в зал. Там сидела мама.

— Мама, а где же лётчик? — спросил я.

— Он ушёл.

— Как же ушёл!

Вот никогда не бывает человеку до конца хорошо. Ведь мы ещё не узнали, что случилось с Беспаловым.

Мама увидела, что я очень расстроился, а так как у неё самой было хорошее настроение, то она сказала:

— Вот что, на тебе двадцать копеек, иди купи себе газированной воды и мороженого.

Я пошёл в буфет.

Там за одним столиком сидели два лётчика. Один из них был наш знакомый. Я несколько раз прошёл мимо, чтобы он меня заметил, и даже один раз задел его стул. Но он меня не замечал. Он сидел, откинувшись на спинку стула, внимательно слушал своего товарища и всё время вертел в руке

какую-то длинную цепочку. Я присмотрелся... и вдруг увидел, что к этой серебряной цепочке был прикован за ухо маленький чёрный ослик.

— Чёрный ослик,— прошептал я.— Тот самый, которого подарил Коля Беспалову. Так это же и есть Беспалов!

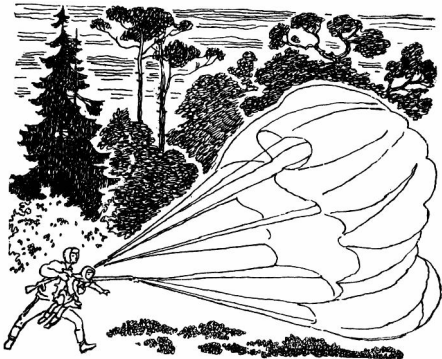
Я бросился вниз по лестнице с такой скоростью, что все встречные прижались к стенке. Я забыл про газированную воду и про мороженое.

— Мама! — закричал я страшным голосом.— Ты знаешь, кто этот лётчик? Это...— Я сделал длинную паузу.— Это Беспалов!

Но тут объявили, что иркутский самолёт идёт на посадку. И мама сразу забыла про Беспалова и даже, может быть, про меня. Она побежала к выходу на лётное поле, а я — следом за ней.

Перед нами лежало поле аэродрома, покрытое серыми бетонными плитами. А над ним синее-синее небо. «Так вот какой он, пятый океан!» — подумал я и тут же увидел огромный серебристый «ТУ-104».

Это был наш, иркутский самолёт.

МАЙОР ЩЕГОЛЕЕВ

Третий день я жил в районном центре: ждал направления на работу. Вокруг меня было много новых совхозов, все они строились, и трудно было решить, куда меня отправить в первую очередь.

В это утро, как всегда, я пришёл в исполком. В приёмной председателя сидел мальчик.

— Занят? — спросил я и кивнул на дверь председателя.

— Занят,— ответил мальчик.

Дверь в кабинет была приоткрыта, и оттуда доносился возмущённый мужской голос:

— Мы этого инженера ждём шесть месяцев, а ты хочешь его потихоньку отправить в другой совхоз. Нам дома́ надо строить. Больше я не могу заставлять людей ждать! У меня ведь такой народ. Славный, милый, молодой народ или бывшие фронтовики. Они приехали на целину чёрт знает откуда, а мы не можем построить им дома́. Я тебя и слушать не хочу! Ух, как я зол на вас: вечно тянете. Три дня держат инженера без дела, а мой славный народ ждёт. Ух, как я зол! От злости прямо голова закружилась!

Я посмотрел на мальчика. Он поймал мой взгляд и сказал:

— Это дед. За инженером мы приехали.

— А как зовут твоего деда? — спросил я.

— Щеголеев Иван Сергеевич.

«Славный народ, славный народ... Ну конечно, это майор Щеголеев», — подумал я.

Когда я вошёл в кабинет председателя, Щеголеев замолчал, сердито посмотрел в мою сторону и отвернулся.

Председатель тоже молчал — видно, не хотел при Щеголееве говорить, что я и есть тот самый инженер, из-за которого идёт спор.

А я смотрел в красный, седой затылок Щеголеева и думал: «Ну что же ты, Щеголеев, отвернулся или так постарел, что не узнаёшь старых друзей?»

И вдруг Щеголеев оглянулся и внимательно посмотрел на меня. Встал и, припадая на левую ногу, почти побежал мне навстречу:

— Алёша, милый Алёша! — Он обнял меня за плечи и всё хлопал по спине. — Алёша, дорогой

мой! Ах, как я рад тебе! — Он повернулся к председателю. — Мой старый друг. — Потом Щеголеев спросил меня: — Надолго к нам?

— Приехал строить.

— Строить? — Глаза у Щеголеева округлились, а потом он захохотал. Он смеялся от души, до слёз.

— Здорово получилось, — сказал он председателю. — Придётся у тебя инженера забрать на правах дружбы.

Председатель обиженно поджал губы и нехотя ответил:

— Везёт тебе, Щеголеев. Только вы учтите, товарищ инженер, он вас будет уговаривать остаться в совхозе совсем, но из этого ничего не выйдет.

Через час мы уже пылили по грунтовой дороге в совхоз.

Щеголеев сам вёл машину; его внук Лёня сидел рядом с ним.

Щеголеев поминутно оглядывался на меня.

— Машка, Машка будет счастлива. Я всё вспоминал: где, думаю, Алёха? Вот бы взял и прикатил на целину. — Щеголеев повернулся к Лёне. — Ты что так скептически поджимаешь губы? Не догадался, кто это? Я тебе рассказывал, рассказывал, а ты всё забыл.

— За меня не беспокойся, — ответил Лёня. — Я ничего не забыл. — Лёня незаметно посмотрел на меня. — Просто сомневался. Думал, он не такой.

— А какой же? — удивился Щеголеев.

— Ну, вроде тебя.

— Ты слышишь, Алёша, он считает, что все бывшие военные такие крикливые, как я. Особенно партизаны. Партизаны, партизаны... Ты-то помнишь партизан?

Щеголеев замолчал. И я тоже молчал.

Вспоминал прошлое, военные годы. Смотрел на Щеголеева и вспоминал...

* * *

Его привезли ночью. Дверь в палату широко открылась, и две сестры вкатили на коляске раненого.

— Свет, чёрт побери, свет вы можете включить, хотя бы на одну минуту?! — Он не говорил, а просто орал.

От этого голоса я сразу проснулся.

Сестра включила свет, и я увидел немолодого мужчину с большим красным лицом.

— Извините меня, — сказал мужчина, — терпеть не могу без света укладываться спать. Я же не крот, и если у нас такие комфортабельные условия, то могу я лечь нормально?

Обе ноги у него были перевязаны.

Наконец он улёгся. Сестра потушила свет. Прошло минут пять.

— Вы спите? — спросил он. — Разрешите представиться. Майор Щеголеев. Иван Сергеевич.

— Алексей Петров.

— Какого рода войск?

— Сапёр, инженерные войска.

— А я кавалерист. Больше двадцати лет на лошадках. Многие кавалеристы, знаете ли, переметнулись в танкисты, — сказал он с обидой. — А я нет.

Утром он проснулся и сразу стал звать санитарку.

Санитарка прибежала быстро — всё же тяжелораненый и новый, только с фронта. К новым всегда больше внимания.

— Принесите горячей воды. Побриться надо.

— И-и-и... милый, потерпи,— ответила санитарка.— Здесь процедуры поважней.

Он зло почесал подбородок.

— Видали порядки? А у меня, пока не побреюсь, ноги в два раза сильнее болят, чёрт побери! — Он любил чертыхаться.

Скоро санитарка принесла ему в стакане воду. Щеголеев вытащил из тумбочки бритвенный прибор, намылил лицо и лёжа, без зеркала, побрился.

Он брился каждый день, нещадно выскребая лицо. После этого у него сразу улучшалось настроение и он оживлённо крутил красноватым, отполированным лицом.

— А я из партизан. В сорок первом, зимой, нас отправили в рейд по тылам врага. Дрались, голодали, мёрзли. Кони до единого у нас пали. А люди живучие. Все кони пали, а люди выдержали. Тут я подсобрал местных мужиков и остался партизанить в белорусских лесах. Вот и партизанил, пока не пришибли. Разрывной в обе ноги навывлет. Чёрт побери! Снайпер фашистский. Спасибо, что в ноги. Снайперу, я вам скажу, всё равно. Он может и голову провинтить в одну секунду. И провинтил бы. Да я голову успел в окопчик спрятать, а ноги — нет.

— Вы не скажете, который час? — снова заговорил он.

— Десять.

— Что-то долго нет Машки.

— Знакомая работает в госпитале?

— Нет, со стороны.

— Могут не пустить. Здесь строго. Главный врач — профессор Железная Дисциплина.

— А я плевал на его железную дисциплину. Я с ним вчера уже побеседовал. Пусть только по-

пробует не пропустить Машку, я камня на камне от госпиталя не оставляю.

— Что же вы сделаете? — спросил я.

— Что?.. — Он приподнялся на локтях. — Голодовку объявлю. Думаете, обвинят в дезертирстве? Кукиш. Я кадровик, у Котовского в гражданскую воевал и в партизанах остался по доброй воле.

В это время дверь нашей палаты открылась, и вошла девочка лет одиннадцати. На ней был надет длинный белый халат, и волосы повязаны белым платочком.

— А, Машка, наконец-то! Вот вам и Машка, — сказал он мне. — Ты почему поздно?

— Я пришла давно. Там все сердитые такие. Не пускают, и разговаривать никто не хочет. Говорю им: «В госпитале лежит наш командир, и мне надо его проведать». А они говорят: «Здесь много командиров».

— «Командир, командир»! Глупая башка, — тихо перебил её Щеголеев. — Назвала бы отцом.

— А тут вышел толстый генерал, — продолжала Машка. — Они перед ним вытянулись. Он меня и пустил.

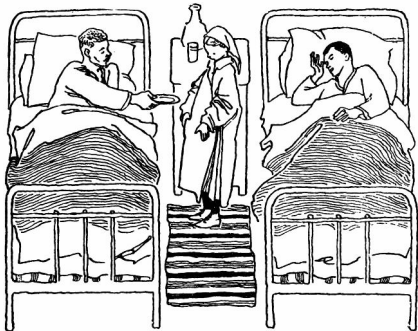
— Это главный. Его здесь зовут Железная Дисциплина. Ну, что я говорил? Он догадался, что со мной лучше по-хорошему. А, сапёр?

Мне всё-таки показалось, что Щеголеев любит немного прихвастнуть, и я промолчал.

— Как устроилась? — спросил Щеголеев.

— Хорошо. Во всей квартире только одна тёнька живёт. Анна Семёновна. Она говорит, что вас считали убитым и хотели занять вашу комнату. А она не дала и всё время платила за вас деньги в домоуправление. Она сказала: «Не такой он мужчина, чтобы так легко пропасть».

— Анна Семёновна меня знает, — сказал Щего-

леев.— Ты у неё спроси, сколько я должен ей за квартиру. И отдай. Ну, куда же остальные соседи подевались?

— Эвакуировались,— сказала Маша.

— Сбежали, значит. Струсили.

— Ну почему же сбежали? — спросил я.— Сейчас из Москвы многие уехали. Женщины, старики, дети.

— Раз я говорю струсили — значит, знаю. Я бы их! Ну, пусть живут, тыловые крысы. С запахом на душе не больно сладко жить.

У него был неровный, крикливый характер. И он перескакивал в разговоре с одного предмета на другой с необыкновенной лёгкостью.

— Ты ела?

Машка кивнула головой.

— Врёшь,— сказал Щеголеев. Он полез в тум-

бочку и достал манный пудинг, который нам давали на завтрак.— Ешь!

— Не хочу. Я ела, и чего вы ко мне пристали!

— Ешь, я тебе приказываю! Видали, какая взрослая стала — стесняется...

Он сказал, когда Маша ушла:

— Грубоват я, сам знаю. Часто кричу без толку. Солдафон.— И сердито добавил: — Своих детей никогда у меня не было и поэтому тонких родительских чувств не переживал. Не знаю, как они там обожают своих ребятишек. А Машку я в одной деревне подобрал, когда партизанил.

Во время ужина объявили воздушную тревогу, и все пошли в бомбоубежище. Я тоже прямо из столовой пошёл в бомбоубежище. После отмены тревоги вернулся в палату.

— Слава богу, что пришли, — сказал Щеголев.— Заждался. Вот номер телефона. Звякните — узнайте, как Машка.

Я долго звонил по телефону. Никто не снимал там трубку.

— Не отвечают? Ах, чёрт возьми! Волнуюсь я, прямо руки трясутся.

— Они, вероятно, ушли в бомбоубежище и не вернулись, — сказал я.

— Не успокаивайте меня! — зло перебил он.— Я сам знаю. А вы лучше ещё раз позвоните.

Я звонил пять раз и наконец дозвонился. Оказывается, Анна Семёновна с Машкой прятались в метро.

— Молодец Анна Семёновна, — сказал Щеголев.— Нечего зря головой рисковать. Бомбоубежище могут пробить, или дом завалится, а в метро надёжно.

Ноги, видно, у него очень болели. Он во сне стонал. А днём, когда разговаривали, про них даже

ни разу не вспомнил. Только во время перевязок всегда просил меня уйти.

— Неприятно смотреть, знаете ли,— сказал он.— Всё там разворочено, и запах не из приятных.

Через несколько дней к нам зашёл главный врач.

— Вот что, майор,— сказал он Щеголееву.— Правую ногу надо прооперировать, плохо срастается.— Он встал на колени перед кроватью Щеголеева и приложил ухо к его груди.— Сердечко пошаливает. Надо беречь сердце. Ну, хочешь, чтобы нога была хорошая?

— Не возражаю,— сказал Щеголеев.

— Тогда будем оперировать, но без наркоза. Сердце надо беречь. Согласен?

— Согласен,— ответил Щеголеев.

Перед операцией он сказал мне:

— Машке не говори, что операция. Скажи: увезли на перевязку или на снимки в рентгеновский кабинет. А её отправь домой, пусть приходит завтра.

Щеголеева привезли через три часа. Его красное, отполированное лицо было на этот раз белым, как простыня, которой он был прикрыт.

— Почему он спит? — удивился я.— Ведь ему должны были делать операцию без наркоза.

— Ох, лучше не вспоминать,— ответила сестра.— Дали ему наркоз. Когда уже всё приготовили к операции и сняли повязку с ноги, он вдруг говорит профессору: «Я без наркоза на операцию не согласен». В общем, боевой между ними получился разговор. Но товарищ майор профессора нашего перекричал, и вот сделали.

Когда Щеголеев очнулся, его начало тошнить, но он всё же сказал:

— Терпеть не могу боли. Мне в гражданскую в

колени кость сверлили, тоже после ранения, так я этого никогда не забуду. А главный хорош: его в кавалерию вполне можно взять. Еле я его одолел. Артист.

После операции дела Щеголеева пошли лучше. Месяца через два, к тому времени, когда меня выписывали, он уже спускал ноги с кровати.

— Машка,— сказал Щеголеев,— сейчас Алёша пойдёт на первую прогулку, а ты будешь его сопровождать.— Он хитро улыбнулся.— И знаете, куда вы пойдёте? Вы пойдёте в главный партизанский штаб — узнаете, как мои ребята.

Спорить со Щеголеевым было бесполезно, и мы с Машей, конечно, отправились в партизанский штаб. Там я узнал, что с отрядом Щеголеева совсем плохо. Их накрыли фашисты, и отряд ушёл в болота. Посылали самолёт, но никого не нашли.

Я вернулся и в мягких тонах рассказал всё Щеголееву.

— Ты не темни, не темни! Говори прямо.

А когда я рассказал ему прямо, он сильно расстроился:

— Ах, какие славные, славные там ребята! Ведь им теперь из болота не выйти. Дураки, погибнут в болоте, засосёт их. Умрут с голоду. Только я мог бы их разыскать и спасти.— Вдруг он изменился в лице,— Ну, да Машка... Ещё Машка знает, где их найти. Она всё знает.

Весь день он вставал и ложился. Десятки раз повторял одни и те же слова: «Машка знает. А там люди, славные люди...»

— Ты знаешь, там один мальчишка есть. Шестнадцать лет. Прирождённый математик. Настоящий Лобачевский. Однажды во время бомбёжки высчитал скорость падения бомбы. А ещё там есть агроном, тоже молодняк. Так он в лесу картошку

сажал, особый сорт выращивает к мирному времени. В Белоруссии бульба — важнейшая культура. Слушай, — он схватил меня за руку, — слушай, Алёшка, полетел бы ты к ним, а? Ведь пропадут. А? Ну, приедешь ты в новый полк — ни одного знакомого. А здесь тебя, как родного, примут, руки будут целовать. Ты сапёр, ты им такую оборону устроишь. Ходы подземные.

— Ну что ты, Иван Сергеевич. Кто меня отпустит и как я их там найду? Ерунда!

— Да ты слушай, слушай! Вы там в один день оборудуете посадочную площадку и примете самолёт с Большой земли. Я Машку отправлю с тобой. Она тебя отведёт к партизанам. Я бы мог через штаб найти подходящего человека, но мне Машку жалко. А ты её знаешь. Машку посылаю, понял? Слушай, Алёшка, согласишься, ведь какое славное, благородное дело сделаешь. Руки тебе будут целовать женщины.

— Ладно, — согласился я. — А без Машки нельзя? Ведь на парашюте прыгать надо.

— Нет, без Машки ты ничего не найдёшь. Без Машки — это всё равно, что акробатический номер под куполом цирка без тренировки.

На следующее утро я отправился в партизанский штаб.

— Ты наседай на них. Не уходи, пока не дадут согласия, — сказал Щеголеев.

Я пробыл в штабе весь день, но ничего не добился.

— Чиновники, — сказал Щеголеев. — Тыловые крысы. Отказать в таком деле!

— Они не отказали. Но им надо проверить меня, договориться с армейским отделом кадров, доложить начальству.

— На это уйдёт две недели. А там люди поги-

бают,—сказал он.— У меня от волнения ноги разболелись.— Он позвонил сестре.— Позовите главного врача.

— Вам плохо? — спросила сестра.

— Нет. Но мне нужен главный врач.

— В чём дело?—сухо спросил главный врач.— Что ещё за паника?

— Да никакой паники,— сказал Щеголеев.— Помощь ваша нужна, товарищ генерал.—Щеголеев рассказал всё.— Вас знают, вам это ничего не стоит. А Алёшка кто? Жалкий сапёрный капитан. А тут нужно давить.

— Попробую,—сказал главный врач.— Попробую, но мне не особенно нравится вся эта история с девочкой.— Он посмотрел в лицо Щеголеева и увидел его глаза. Не знаю, что он там в них увидел, но только он тут же встал и ушёл.

Главный врач принёс хорошие новости. Мы должны были лететь не одни: с нами летело пятнадцать молодых ребят из десантных частей.

— Ну, теперь отлично,—сказал Щеголеев.— Теперь вы там наведёте порядок. Десантники — отчаянные ребята.

Когда Щеголеев прощался с Машей, он плакал. Слёзы стояли у него в глазах, и он совсем сник.

— Машка, ты там осторожнее. Алёша, следи за Машкой. Чёрт возьми, до чего я волнуюсь!

— А чего вы разволновались? — сказала Маша.— На себя не похожи. А помните, как я ходила в Домниковку, когда в ней немцы были? И ничего?

— Ничего,—сказал Щеголеев.

— А помните, я осталась в лесном лагере, и наскочили немцы. И я убежала. И ничего?

— Ничего.— Щеголеев смотрел ей в лицо с напряжённым вниманием.— При первой возможности — сразу обратно. Слышишь, Машка? Это не детское дело — шататься по партизанским отрядам. Сразу обратно, тебе надо в школу.

— Я сразу. Вы не волнуйтесь.

Потом Щеголеев несколько раз поцеловал её и сказал:

— Ну, дочка, иди.

* * *

Взрослому человеку трудно прыгать с парашютом, а тут девочка. Лёгонькая она, поэтому в её парашюте сделали несколько дырок и привесили груз, чтобы не повисла в воздухе.

Вылетели ночью, к рассвету добрались. Машу сильно укачало.

— Ну, Маша, пора,— сказал я, а сам подумал: «Ещё ни разу такие маленькие не прыгали с парашютом».

Я открыл дверь — там была серая пропасть и холод. А земли не было видно.

— Как только ты прыгнешь, тебя сразу перестанет тошнить. Я первый, а ты за мной.

Она подошла ко мне, и я крепко пожал её ладошку. И вспомнил Щеголеева, его нервное, подвижное лицо. «Не спит сейчас,— подумал я,— беспокоится о Машке».

Я прыгнул, раскрыл парашют и стал вертеться по сторонам — искать в небе Машку. И, когда я её увидел, когда я увидел эту крохотную чёрную точку, этот маленький комочек, я заплакал... А следом за нами попрыгали все ребята.

Я начал дёргать за стропы парашюта, чтобы ускорить своё падение. Мне нужно было застрахо-

вать Машу на земле: она сама бы не справилась с парашютом. Она могла разбиться.

Приземлился, погасил парашют, быстро отстегнул лямки и побежал к тому месту, где приземлялась Маша. Зацепился за сук дерева, разорвал куртку и поранил руку, но всё же успел. Подхватил Машу на лету и поцеловал. Так я был рад, что всё закончилось благополучно.

Когда все собрались, я сказал:

— Отсюда надо быстрее уйти. Нас могли засечь немцы. Соображаешь, где мы?

— Да. Мы здесь до войны всегда землянику собирали. Фашисты сюда не пойдут. Они из лесу не дают выйти, а сюда редко добираются.

Она чувствовала себя в этом лесу, как в родном доме, и совсем не боялась. Она даже не боялась ночевать в тёмном лесу. Я лежал с открытыми глазами и ловил лесные шорохи, а она преспокойно спала.

Мы нашли партизан на третьи сутки. Они, когда увидели Машу, так прямо не знали, что делать от радости.

А через несколько дней мы приготовили площадку, и с Большой земли прилетел самолёт с боеприпасами и продуктами. Машка на этом самолёте улетела в Москву...

* * *

Щеголеев остановил машину. Он оглянулся.

— Вспомнил старое? — догадался он. — Надо отдохнуть. Жара, и ноги затекли.

— А у тебя сердце не болит? — спросил Лёня.

— Видал наблюдателя? Машка приставила. Везде за мной ходит. Прилип. — Он повернулся к Лёне. — Не болит у меня сердце. У меня никогда не болит сердце, это вы всё с мамой придумали.

— Ну и хорошо, что не болит,— спокойно ответил Лёня.

— А Маша что делает в совхозе? — спросил я.

— Машка — учительница. Строга до ужаса.— Щеголеев вынул из кармана фотокарточку.— Вот она, полюбуйся.

Это была совсем взрослая женщина. Столько ведь лет прошло.

— Маша похожа на тебя, Иван Сергеевич,— сказал я.— И нос другой, и глаза не твои. А всё равно похожа.

Щеголеев довольно улыбнулся.

— Я тебе поэтому и показал. Хотел проверить, не ты первый это подметил. У меня с ней родственные души. У неё даже мои привычки.

Щеголеев тяжело вздохнул:

— Скоро уйду на пенсию, буду сидеть около Машки и отдыхать. Буду ребятишкам рассказывать про эту проклятую войну. Люди быстро забывают прошлое, а ребятишкам надо знать, как нам это нелегко досталось.

— Поехали, что ли? — позвал Лёня.

— Поехали,— ответил Щеголеев.

Он шёл к машине впереди меня. Я посмотрел в его широкую, по-военному прямую спину и подумал: «Никогда ты не будешь сидеть возле Машки. Характер у тебя беспокойный. Если так сидеть, то нужно прислушиваться к перебоем сердца и к боли старых ран и ждать смерти. А ты ведь не захочешь прислушиваться...»

Щеголеев изо всех сил старался не хромать и опирался на палку. Но он сильно хромал.

ХОРОШИМ ЛЮДЯМ — ДОБРОЕ УТРО

Сегодня у нас праздник. У нас с мамой всегда праздник, когда прилетает дядя Николай — старый друг моего отца. Они вместе учились когда-то ещё в школе, сидели на одной парте и воевали против фашистов: летали на тяжёлых бомбардировщиках.

Своего папу я ни разу не видел. Он был на фронте, когда я родился. Я его видел только на фотографиях. Они висели в нашей квартире. Одна,

большая, в столовой над диваном, на котором я спал. На ней папа был в военной форме, с погонями старшего лейтенанта. А две другие фотографии, совсем обыкновенные, гражданские, висели в маминной комнате. Папа там — мальчишка лет восемнадцати, но мама почему-то любила эти папины фотографии больше всего.

Папа часто снился мне по ночам. И, может быть, потому, что я его не знал, он был похож на дядю Николая.

...Самолёт дяди Николая прибывал в девять часов утра. Мне хотелось его встретить, но мама не разрешила, сказала, что с уроков уходить нельзя. А сама повязала на голову новый платок, чтобы ехать на аэродром. Это был необыкновенный платок. Дело не в материале. В материалах я мало разбираюсь. А в том, что на платке были нарисованы собаки разных пород: овчарки, мохнатые терьеры, шпицы, доги. Столько собак сразу можно увидеть только на выставке.

В центре платка красовался громадный бульдог. Пасть у него была раскрыта, и из неё почему-то вылетали нотные знаки. Музыкальный бульдог. Замечательный бульдог. Мама купила этот платок давно, но ни разу не надевала. А тут надела. Можно было подумать, что специально берегла к приезду дяди Николая. Завязала кончики платочка сзади на шее, они еле дотянулись, и сразу стала похожа на девчонку. Не знаю, как кому, а мне нравилось, что моя мама похожа на девчонку. Очень, по-моему, приятно, когда мама такая молодая. Она была самая молодая мама в нашем классе. А одна девочка из нашей школы, я сам слышал, просила свою маму, чтобы та сшила себе такое пальто, как у моей мамы. Смешно. Тем более, что пальто у моей мамы старое. Даже не

помню, когда она его шила. В этом году у него обтрепались рукава, и мама их подогнула. «Теперь модны короткие рукава», — сказала она. А платочек ей очень шёл. Он даже делал новым пальто. Вообще я на вещи не обращаю никакого внимания. Готов ходить десять лет в одной форме, только чтобы мама покрасивее одевалась. Мне нравилось, когда она покупала себе обновки.

На углу улицы мы разошлись в разные стороны. Мама заторопилась на аэродром, а я пошёл в школу. Шагов через пять я оглянулся, и мама оглянулась. Мы всегда, когда расстаёмся, пройдя немного, оглядываемся. Удивительно, но мы оглядываемся почти одновременно. Посмотрим друг на друга и идём дальше. А сегодня я оглянулся ещё раз и издали увидел на самой маминой макушке бульдога. Ох, до чего он мне нравился, этот бульдог! Музыкальный бульдог. Я ему тут же придумал имя: «Джаз».

Я едва дождался конца занятий и помчался домой. Вытащил ключ, у нас с мамой отдельные ключи, и потихоньку открыл дверь.

— Поедем в Москву, — услышал я громкий голос дяди Николая. — Мне дали новую квартиру. И Толе будет со мной лучше, и ты отдохнёшь.

У меня гулко забилось сердце. Поехать в Москву вместе с дядей Николаем! Я давно тайно мечтал об этом. Поехать в Москву и жить там втроём, никогда не расставаясь: я, мама и дядя Николай. Пройтись с ним за руку на зависть всем мальчишкам, провожая его в очередной полёт. А потом рассказывать, как он летает на пассажирском турбовинтовом лайнере «ИЛ-18». На высоте шести тысяч метров, выше облаков. Это ли не жизнь? Но мама ответила:

— Я ещё не решила. Надо поговорить с Толей.

«Ох, боже мой, она ещё не решила! — возмутился я. — Ну конечно, я согласен».

— Право, мне смешно. Что он так запал тебе в память? — Это дядя Николай заговорил о моём отце. Я уже хотел войти, но тут остановился. — Прошло столько лет. Ты и знала-то его всего полгода.

— Таких помнят вечно. Он был добрый, сильный и очень честный. Один раз мы с ним заплыли на Адалары, в Гурзуфской бухте. Влезли на скалу, и я уронила в море бусы. Он прыгнул в воду не раздумывая, а скала была высотой метров двадцать. Смелый.

— Ну, это просто мальчишество, — сказал дядя Николай.

— А он и был мальчишкой, и погиб мальчишкой. В двадцать три года.

— Ты его идеализируешь. Он был обыкновенный, как все мы. Кстати, любил прихвастнуть.

— Ты злой, — сказала мама. — Я даже не предполагала, что ты злой.

— Я говорю правду, и тебе это неприятно, — ответил дядя Николай. — Ты вот не знаешь, а он не погиб в самолёте, как тебе писали. Он попал в плен.

— Почему ты раньше об этом не рассказал?

— Я сам недавно узнал. Нашли новые документы, фашистские. И там было написано, что советский лётчик, старший лейтенант Нащоков сдался в плен без сопротивления. А ты говоришь: смелый. Может быть, он оказался трусом.

— Замолчи! — крикнула мама. — Сейчас же замолчи! Ты не смеешь о нём так думать!

— Я не думаю, а предполагаю, — ответил дядя Николай. — Ну, успокойся, это ведь давно прошло и не имеет к нам никакого отношения.

— Имеет. Фашисты написали, а ты поверил?

Раз ты так думаешь о нём, тебе нечего приходить к нам. Ты нас с Толей не поймёшь.

Мне надо было войти и выгнать дядю Николая за его слова о папе. Мне надо было войти и сказать ему что-нибудь такое, чтобы он выкатился из нашей квартиры. Но я не смог, я боялся, что, когда увижу маму и его, просто разревусь от обиды. Раньше чем дядя Николай успел ответить маме, я выбежал из дома.

На улице было тепло. Начиналась весна. Около подъезда стояли знакомые ребята, но я отвернулся от них. Я больше всего боялся, что они видели дядю Николая и начнут меня расспрашивать о нём. Я ходил-ходил и всё думал про дядю Николая и никак не мог додуматься, зачем он так плохо сказал о папе. Ведь он знал, что мы с мамой любим папу. Наконец я вернулся домой. Мама сидела за столом и царапала ногтем скатерть.

Я не знал, что мне делать, и взял в руки мамин платок. Стал его рассматривать. На самом уголке был нарисован маленький ушастый пёсик. Не породистый, обыкновенный дворняга. И красок художник для него пожалел: он был серенький с чёрными пятнами. Пёсик положил морду на лапы и закрыл глаза. Печальный пёсик, не то что бульдог Джаз. Мне его стало жалко, и я решил ему тоже придумать имя. Я назвал его Подкидышем. Не знаю почему, но мне показалось, что это имя ему подходит. Он на этом платке был какой-то случайный и одинокий.

— Знаешь, Толя, уедем в Гурзуф.— Мама заплакала.— На Чёрное море. Дед давно ждёт нас.

— Хорошо, мама,— ответил я.— Уедем, только ты не плачь.

Прошло недели две. Как-то утром я открыл глаза, а над моим диваном на стене, где висел папин портрет в военной форме,—пусто. От него осталось только квадратное тёмное пятно. Я испугался: «Вдруг мама поверила дяде Николаю и поэтому сняла папин портрет? Вдруг поверила?» Вскочил, побежал в её комнату. На столе стоял открытый чемодан. А в нём были аккуратно уложены папины фотографии и его старая лётная фуражка, которая сохранилась у нас от довоенного времени. Мама собирала вещи в дорогу. Мне очень хотелось поехать в Гурзуф, но почему-то стало обидно, что на стене вместо папиной фотографии — тёмное пятно. Грустно как-то, и всё.

И тут ко мне пришёл мой лучший друг Лёшка. Он был самый маленький в нашем классе, а сидел на высокой парте. Из-за неё виднелась только Лёшкина голова. Он сам себя поэтому прозвал: «голова профессора Доуэля». Но у Лёшки одна слабость — он болтал на уроках. И учительница часто делала ему замечания. Однажды на уроке она сказала: «У нас есть девочки, которые очень много внимания уделяют своим причёскам». Мы повернулись в сторону Лёшкиной парты, знали, что учительница намекает на его соседку. А он встал и говорит: «Наконец это, кажется, ко мне не относится». Глупо, конечно, и совсем не остроумно. Но получилось ужасно смешно. После этого я просто влюбился в Лёшку. Многие над ним смеялись, что он маленький и голос у него тоненький, девчачий. А я нет.

Лёшка протянул мне письмо.

— Перехватил у почтальона,—сказал он.— А то ключ доставать да лезть в почтовый ящик.

Письмо было от дяди Николая. Я совсем расквасился. Сам не заметил, как у меня слёзы выступили на глазах. Лёшка растерялся. Я никогда не плакал, даже когда схватился за горячий утюг и сильно обжёг руку. Лёшка пристал ко мне, и я всё ему рассказал.

— Про твоего папку — это сущая ерунда. Столько орденов получил за храбрость, и вдруг струсил. Ерунда. А на этого Николая наплюй! Был и нет. И всё. Зачем он вам?

«Нет, этого даже Лёшка понять не мог. У него был отец, а у меня его никогда не было. А дядя Николай так мне раньше нравился, — подумал я. — Был и нет. И всё. Весёлый Лёшка!»

Вечером я отдал письмо маме. Она взяла новый конверт, запечатала туда невскрытое письмо дяди Николая и сказала:

— Скорей бы кончались занятия в школе. Поедем в Гурзуф, и ты будешь бродить по тем самым местам, где бродили мы с папой.

* * *

От Симферополя до Алушты мы ехали автобусом. В автобусе маму сильно укачало, и мы пересели на теплоход.

Теплоход ходил рейсом от Алушты до Ялты, через Гурзуф. Мы сели на носу и стали ждать отправления. Мимо прошёл широкоплечий краснолицый моряк в тёмных очках, посмотрел на маму и сказал:

— Вас здесь зальёт водой.

— Ничего, — ответила мама. Она вытащила из сумки платочек и повязала голову.

Моряк поднялся в рубку. Он был капитаном. И теплоход отчалил.

Из Гурзуфской бухты дул сильный ветер и поднимал волну. А нос теплохода разбивал волну, и брызги крупными каплями падали на нас. Несколько капель упало на мамин платок. На том месте, где стоял бульдог Джаз, появилось большое пятно. Моё лицо тоже было мокрым. Я облизнул губы и закашлял от солёной морской воды.

Все пассажиры ушли на корму, а мы с мамой остались на прежних местах. Наконец теплоход причалил, и я увидел деда — мамино папу. Он был в парусиновой куртке и матросской тельняшке. Когда-то дед плавал корабельным коком, а теперь он работал поваром в городской чебуречной. Делал чебуреки и пельмени.

Теплоход ударился о деревянный помост, матрос укрепил причальный трос. Капитан высунился в окошко:

— Привет коку! В Ялту собрался?

— Привет, капитан! Дочь встречаю,— ответил дед и заспешил к нам навстречу.

А мама, как увидела деда, бросилась к нему и вдруг заплакала.

Я отвернулся. Капитан снял тёмные очки, и лицо у него стало обыкновенным.

— Слушай, братишка, надолго вы сюда?

Я сначала не понял, что он обращается ко мне, а потом догадался. Рядом никого не было.

— Мы,— говорю,— насовсем.

— А...—Капитан понимающе покачал головой.

* * *

Я проснулся от незнакомого запаха. Я спал во дворе под персиковым деревом. Это оно так незнакомо пахло. На скамейке сидела мама. Она была одета так же, как вчера. И поэтому мне показав-

лось, что мы всё ещё в дороге, всё ещё не приехали. Но мы приехали. Просто мама не ложилась спать.

— Мама,— спросил я,— что мы будем делать?

— Не знаю,— ответила мама.— А в общем, знаю. Завтракать.

Скрипнула калитка, и во двор вошла маленькая, полная женщина в домашнем халате.

— Здравствуйте,— сказала она,— с приездом. Я ваша соседка, Волохина Мария Семёновна. Уж как ждал вас старик! Уж как ждал! Всё говорил: у меня дочь красавица.— Соседка как-то непонятно замурлыкала.— Я-то думала, всем отцам их дочери кажутся красавицами. А теперь вижу, что не хвастал...

— Добрый день,— перебила её мама.— Присаживайтесь.

— Мария! — раздался мужской голос из-за забора.— Я ухожу на работу!

— Подождёшь! — грубо ответила женщина и снова повернулась к маме.— Мой, всё ему некогда. Такая красotka и без муженька,— продолжала соседка.— Ну, здесь вы не пропадёте. На курортах мужчины ласковые.

— Перестаньте,— сказала мама и посмотрела в мою сторону.

— Мария! — снова раздалось из-за забора.— Я ухожу!

Соседка убежала. А мы с мамой позавтракали и пошли гулять по городу. Людей на узких гурауфских улицах было мало. Местные работали, а отдыхающие сидели у моря. Была очень сильная жара. Асфальт перегрелся и прогибался под ногами, как подушка. Но мы с мамой ходили и ходили. Я молчал, и мама молчала. Мне показалось, что мама хочет замучить себя и меня. Наконец мы спустились к морю.

— Можешь выкупаться,— сказала мама.

— А ты?

— Я не буду.

Море было тёплым и тихим. Я плыл долго и всё ждал, когда мама крикнет, чтобы я возвращался. Но мама не кричала, а я уже устал. Тогда я оглянулся. Мама сидела, как-то неловко поджав под себя ноги. Я подумал, что мама похожа на раненую птицу. Один раз я нашёл на озере утку с перебитым крылом, она также как-то неловко сидела. Я поплыл назад. Вылез на берег. От напряжения у меня дрожали ноги и в ушах сильно стучало. Лёг животом на горячие камни и опустил голову на руки. Совсем рядом зашуршали камни, кто-то прошёл чуть ли не по моей голове и остановился. Я приоткрыл глаза и увидел ноги в исцарапанных и сбитых от постоянного хождения по камням сандалиях. Я поднял голову: за маминой спиной стояла маленькая девочка и рассматривала собак на платке. Когда она заметила, что я уставился на неё, то отвернулась от собак.

— Тебя как зовут? — спросил я.

— Сойка,— ответила девочка.

— Сойка? — удивился я.— Это птичье имя. А может быть, ты лесная птица из породы воробьиных?

— Нет. Я девочка. Я живу на Крымской улице, дом четыре.

«Ну, Сойка так Сойка,— подумал я.— Мало ли каких имён не придумывают родители для своих детей. У нас, например, в классе учился мальчик, которого звали Трамвай. Его отец был первым вагоновожатым на первой трамвайной линии, проложенной в городе. Это было, можно сказать, историческое событие. В честь этого он дал своему сыну имя Трамвай. Не знаю, как они называют его

дома: Трамвайчик, или Трамчик, или Трамваюшко? Язык сломаешь. Комедия. А Сойкин отец, вероятно, охотник».

— Сойка,— спросил я,— твой отец охотник?

— Нет. Он колхозный рыбак. Бригадир.

Мама повернулась, посмотрела на Сойку и сказала:

— Её зовут не Сойка, а Зойка. Правда? — Девочка кивнула.— Просто она ещё маленькая и не выговаривает букву «з».

— До свидания, Зойка,— сказала мама.

— До свидания, Сойка,— сказал я. Теперь мне больше нравилось имя «Сойка». Смешное имя и какое-то ласковое.

Деда дома не оказалось. Он пришёл значительно позже, когда на соседнем дворе уже раздавались голоса курортников. Наша соседка сдавала внаём комнаты приезжим. Дед пришёл весёлый. Он похлопал меня по плечу и сказал:

— Ну, вот что, Катюша (это так зовут мою маму), завтра пойдёшь наниматься на работу. Я уже договорился. В санаторий, по специальности, медицинской сестрой.

— Вот это хорошо! — сказала мама.

И вдруг дед вскипел. Он даже закричал на маму:

— Долго ты будешь в прятки со мной играть, что у тебя случилось?

Мама рассказала деду про дядю Николая и про то, что он говорил о папе.

— Всё это твои придирки к Николаю. Он хороший парень.

— Он был бы плохим отцом для Толи,— упрямо сказала мама.

— Толя, Толя! Семь пядей во лбу. Толя первое время мог бы пожить у меня.

— Я не останусь без мамы,— сказал я.— И она тоже никуда не поедет. Я не люблю дядю Николая.

— А ты-то что? Ты даже не знал своего отца. Николай его обидел. А если Николай прав, если он до сих пор где-нибудь живёт там, в чужой стране?

Дед сказал страшное. «Папа живёт там, в чужой стране? — подумал я.— Значит, он просто предатель».

— Этого не может быть,— сказал я.

— Много ты понимаешь в людях! — ответил дед.

— Отец, сейчас же замолчи! — закричала мама.— Подумай, что ты говоришь?

Последних слов её я уже не слышал. Я выскочил из дому и побежал по тёмным улицам Гурзуфа.

— Толя, Толя!.. — слышался голос мамы.— Вернись!.. Толя-я!..

Я решил тут же уехать от деда, раз он мне такое сказал. Он, видно, меня ненавидит, потому что я как две капли воды похож на своего отца. И мама из-за этого никогда не сможет забыть про папу. У меня не было ни копейки денег, но я прибежал на пристань. Там стоял тот самый теплоход, на котором мы приехали в Гурзуф. Я подошёл к капитану и спросил:

— На Алушту?

— На Алушту!

Я думал, что капитан меня узнает, но он меня не узнал. Я немного прошёлся по причалу и снова подошёл к капитану:

— Товарищ капитан, вы меня не узнали? Мы вчера приехали с мамой на вашем теплоходе.

Капитан внимательно посмотрел на меня.

— Узнал. А ты куда один так поздно?

— Надо в Алушту, срочно. А денег у меня нет,

не успел у мамы захватить. Пропустите без билета, а я потом вам отдам.

— Ладно, садись,— сказал капитан.— Довезу.

Я проскочил на теплоход, пока капитан не передумал, и уселся на последней скамейке, в углу.

Теплоход отчалил, качаясь на волнах. За бортом мелькали береговые огоньки. Они всё больше и больше удалялись, а впереди было чёрное ночное море. Оно шумело за бортом, обдавало меня холодными брызгами. Ко мне подошёл матрос и сказал:

— Эй, паренёк, тебя капитан зовёт в рубку.

Я встал и пошёл. Идти было трудно, сильно качало, и палуба уходила из-под ног.

Капитан стоял за рулём и смотрел в темноту. Не знаю, что он там видел. Но он смотрел пристально и изредка крутил колесо то в одну, то в другую сторону. Над ним горела тусклая электрическая лампочка, и такие же лампочки горели на носу и на корме теплохода. Наконец капитан оглянулся:

— Ну, что там у тебя стряслось?

Я промолчал. Мне нечего было говорить этому чужому человеку. Но он ко мне пристал, и я в конце концов сказал:

— С дедом поругался...

— Так,— сказал капитан и снова уставился в темноту.

Я начал говорить, что уезжаю к своему приятелю Лёшке и там как-нибудь устроюсь, но тут наш теплоход загудел и заглушил все мои слова.

— Так,— снова сказал капитан,— а как же мама? Ох, эти гордые сыновья, они всегда думают только о своей персоне, а что бы им подумать о маме?

— Маму жалко,— ответил я.

— А деда не жалко? Старик погорячился, а ты сразу в амбицию.

Я не стал отвечать капитану — ведь он ничего не знал...

— А твой дед славный человек. Чебуреки делает — пальчики оближешь.

— Это не самое главное.— Я со злостью отвернулся.

Навстречу нам шёл катер. Он тоже в ответ загудел. Катер был маленький, его почти не было видно в ночном громадном море, только электрические лампочки, которые висели на нём, плыли, раскачиваясь на волнах.

— У него три сына на войне погибли,— сказал капитан.— Здесь, в Крыму, мы вместе воевали. Несколько дней были в бою. Устали и ночью легли поспать, крепко прижавшись друг к другу. А утром встать не можем, примёрзли к земле. Поотрывались, и в бой. Они все трое так и погибли в этом бою. Холодно было воевать.

Капитан замолчал. Из-за шума волн и гула машины говорить было трудно, приходилось всё время кричать. Мы молчали до самой Алушты. Когда причалили, я повернулся и пошёл. Медленно так. Вышел на пристань. Постоял. Потом появился капитан. Он мне сказал:

— Я на твоём месте вернулся бы назад. Нехорошо так. Завтра я к вам зайду и всё улажу. Мы с твоим дедом старые друзья.

— Не могу я.

— А я всё же на твоём месте вернулся бы. Мать сейчас небось по всему Гурзуфу бегаёт, тебя ищет.— Капитан закурил.— Привычка с войны. Никак не могу бросить курить. Ну, пошли в обратный рейс.— Капитан бросил папиросу в море и тяжело прыгнул на палубу теплохода. А я следом за ним. Сел на старое место и просидел до самого Гурзуфа. Когда причалили, я услышал голос деда:

— Костя, ты не видел, мой паренёк не уезжал с тобой рейсом на Алушту?

Капитан промолчал. Тогда я сказал:

— Здесь я! — и вышел на пристань.

* * *

Мама и дед уходили на работу рано, и я оставался один. Каждое утро я просыпался от одних и тех же слов:

— У-ух ты, зайчишка мой! У-ух ты, зайчишка какой! — Это наш сосед Волохин играл со своим маленьким сынишкой, пока его жена торговала персиками на базаре.

Но сегодня Волохин не играл с сыном, а отчаянно ругал свою жену. Я вышел на улицу. У Волохиных калитка была открыта, и по двору с ребёнком на руках расхаживал Волохин — длинный, белёсый мужчина. Он помахал мне рукой и заискивающе попросил:

— Моя ушла и пропала. А мне надо уходить. Посиди, пожалуйста, с зайчишкой.

Не успел я опомниться, как «зайчишка» оказался у меня на руках, а Волохина и след простыл.

Ребёнок был толстый, лицо у него было как помидор. Я начал его трясти и раскачивать, но он не произносил ни звука. «Немой какой-то, — подумал я. — Ни разу не слышал его голоса». У меня устали руки, и я опустил «зайчишку» на землю. И вдруг он как заорёт. Пришлось снова взять его на руки и продержатъ до прихода Волохиной.

— Мой длинный уже убежал? — спросила Волохина. — Дырявая калоша! Другие мужья с жёнами на базаре торгуют. А этому неудобно. Он физрук в санатории, и его могут узнать отдыхающие. Начальник!

Я выскользнул в калитку и направился к морю. Шёл по набережной и стучал палкой о железную изгородь городского парка, в который никого из местных жителей не впускали. Там построили санаторий. И тут я увидел Волохина — он играл в теннис с толстым мужчиной.

Волохин заметил меня, подбежал к изгороди. Он вытер со лба пот рукой и сказал:

— Работаю. Восстанавливаю нормальный вес у больного. Ну как, моя ругалась?

— Ругалась.

— Жестокая женщина! — Он рассмеялся. — Но хозяйка первый сорт. Во всём у неё расчёт. Давай заходи.

— Меня же не пропустят, — сказал я.

— Давай заходи. — Волохин тряхнул головой. — Я дам команду.

Я подошёл к входу в парк.

— Ивановна, запомни этого паренька, — сказал Волохин контролёрке. — Чтобы всегда, в любой час, его пропускали.

Весь день я проторчал в парке, подавал волейболистам мяч, играл с толстым курортником вместо Волохина в теннис. А вечером, когда вернулся домой, застал у нас Волохину. Она разговаривала с мамой.

— Народу в этом году приехала тьма. Ты почему, Катерина, не сдаёшь комнаты? Лишние деньжонки не в тягость карману.

— У нас тесно, — ответила мама.

— Слушай, что я тебе скажу. — Волохина наклонилась к маме. — У меня отдыхающих уже много, в милиции больше не пропишут, а места ещё есть. Ты давай оформляй их на свою площадь в милиции, а жить они будут у меня. Десять рублей тебе за это.

— Нет,— ответила мама.— Нам своих денег хватает.

— Даровые же деньги...

— Толя, ты ужинать будешь? — спросила мама.

— Да,— ответил я и посмотрел на Волохину.

— Ишь какие! — сказала она со злостью.— Разыгрывают из себя честных. А у самой-то муженёк!.. Это всем известно.

Волохина хлопнула калиткой и ушла. Мы с мамой сидели молча и про ужин забыли. А Волохина стояла у забора и громко разговаривала с какой-то отдыхающей про войну, про то, как её муж честно воевал, а некоторые сдавались в плен.

На другой день, когда я проходил мимо парка, меня окликнул толстый курортник и позвал играть в теннис. У входа я наскочил на Волохину.

— А, сосед,— сказал Волохин. Он взял меня за плечо и подвёл к контролёрше.— Ивановна, чтоб больше этого паренька здесь не было. Ходят всякие посторонние. До свидания, дорогой,— и Волохин помахал рукой.— Привет маме!

Я не знал, что делать. Если бы я был взрослым, то подрался бы с Волохиным. Я взобрался на гору к развалинам старинной татарской крепости и просидел там целый день. Когда я возвращался домой, то увидел маму, а в нескольких шагах позади неё дядю Костю. Я не стал их нагонять, а пошёл следом.

Так мы шли друг за другом. Дядя Костя почему-то не догонял маму. А я не догонял ни маму, ни дядю Костю.

У калитки нашего дома прогуливался Волохин с ребёнком на руках.

— А у этой женщины, зайчишка,— показал Волохин на мою маму,— муж бьяка.

Мама ничего не ответила Волохину и прошла в калитку, а к нему подошёл дядя Костя.

— Вот что, почтенный,— сказал дядя Костя,— если ты ещё раз скажешь эти слова, я тебе... В общем, будешь иметь дело со мной!

— Но-но-но... — Волохин отступал к своей калитке. — Осторожнее! У меня ребёнок на руках.

Я подошёл вплотную к дяде Косте. Лицо его стало красным. Я подумал, что он сейчас ударит Волохина, но он тихо сказал:

— Великолепный негодяй. Прикрывается ребёнком.

Мама ждала нас во дворе. Она сказала мне:

— Зря мы приехали в Гурзуф. Всё у нас здесь не ладится.

— Да бросьте вы обращать внимание на всяких негодяев! — сказал дядя Костя.

А я подумал, что мама права. Жили бы мы на старом месте, там хоть Лёшка был. Он верный друг.

Дядя Костя ушёл. Мы с дедом сидели во дворе, когда почтальон принёс мне новое письмо от Лёшки. Я разорвал конверт. В нём, кроме маленькой Лёшкиной записки, оказалось ещё одно письмо, в белом конверте, с обратным адресом, написанным не по-русски. Скоро я разобрал, что оно было из Чехословакии. «Странно, — подумал я. — Маме письмо из Чехословакии». Я подержал его в руках, и неясная тревога вдруг овладела мной. Почему-то не хотелось бежать к маме с этим письмом. Но тут мама сама вышла во двор.

— Толя, ты не видел моего платка? — спросила мама. — Ах, как жалко, кажется, я его потеряла. Милый платочек. И память о нашем городе.

— Мама,— сказал я,— тебе письмо из Чехо-

словакии. Лёша переслал. Оно прибыло на наш старый адрес.

— Из Чехословакии? — удивилась мама и сразу забыла про платок.

Дед поднял голову. Мама торопливо надорвала конверт, я видел — у неё дрожали руки, и вытащила письмо.

— Почерк Карпа, — сказала она. — Я не могу читать, дрожат руки и мелькает в глазах... Ничего не вижу...

— Толя, читай, — сказал дед.

Я взял из маминых рук письмо. Там было несколько пожелтевших тетрадных страничек. А первым лежал новенький, белый листок бумаги, исписанный крупными, ровными буквами.

Я начал читать:

— «Дорогой товарищ Катерина Нащокова! Пишет письмо старый чех, дед Ионек. Точнее, пишет не дед, он не знает русского языка, а его внучек Зденек.

Слава богу, наконец-то я нашёл вас. Теперь получу ответное письмо, и тогда я успокоюсь.

Пересылаю письмо вашего мужа, погибшего на чехословацкой земле. Я должен был давно отправить вам это письмо, но во время фашистской оккупации письмо у меня хранилось отдельно от конверта с адресом. И конверт пропал, когда фашисты сожгли мой дом. Несколько лет я узнавал вашу фамилию, ведь в письме её не было. Я писал много писем в Советский Союз, но по одним именам: Карпишек (так мы звали вашего мужа) и Катерина — много ли узнаешь?

Наконец я разыскал одного чеха-партизана из отряда вашего мужа. Он жил в Высоких Татрах. Я поехал к нему. Он меня отправил к другому партизану в Братиславу. В общем, я объездил де-

сять человек. Все помнили русского, а фамилии его не знал никто. Командир партизанского отряда знал, но он погиб. Мой сын знал, но он тоже погиб. А потом, когда узнали вашу фамилию, начали искать ваш адрес. На это понадобилось немало времени.

Дорогая панна Катерина! Приезжайте к нам в гости. Берите сына и приезжайте. Здесь у нас в селе в каждом доме примут вас, как родную. Приезжайте, будьте ласковы. Ионек Брейхал».

Я отложил письмо деда Ионика и посмотрел на папин почерк, на листки бумаги, пожелтевшие и высохшие. Они стали, как крылья бабочек в коллекции или листья и травы в гербарии. И, не поднимая головы, я начал читать папино письмо.

— «Дорогие Катя и Толя! Давно вы не получали моих писем, а это моё последнее письмо. Больше мне уже не придётся ходить по земле. На расвете я буду в руках гестаповцев. Но сначала по порядку.

Мы возвращались с боевого задания. Бомбили тылы врага. Летели мы в одиночку. Наш самолёт получил повреждение и отстал от основной группы. Над Чехословакией самолёт загорелся, и я приказал всем прыгать. Последним прыгнул сам.

В ту минуту, когда я приземлился и погасил парашют, меня окружили фашисты. Их было человек десять. Они обыскали меня, отняли пистолет и твоё письмо. Документы в полёты мы не брали.

«Один?» — спросил офицер.

Было раннее утро, только немного начинало сереть, и фашисты не могли точно рассмотреть, сколько человек сбросилось на парашютах. Видимо, они засекли одного меня.

«Один, — сказал я. — Остальные погибли. Там, там, — я показал на небо».

«Яволь»¹. — Офицер засмеялся. Он что-то приказал солдатам и побежал с ними к рощице, которая виднелась вдали.

Двое солдат отвезли меня на мотоцикле в город, в гестапо. Там я пробыл десять дней, а потом попал в концентрационный лагерь. Русских в лагере не было. Одни чехи. После гестапо мне было трудно работать: болели руки и ноги. Но не пойти на работу было нельзя. Больных отправляли в госпиталь. А оттуда никто не возвращался. И я работал.

Из лагеря мне помогли бежать чешские товарищи. Они переправили меня в партизанский отряд. Отряд был маленький, всего человек двадцать, и нам приходилось туго. И вот мы взорвали железнодорожный мост, который был очень нужен фашистам. Они через него возили нефть из Румынии в Германию.

На другой день фашисты приехали в село, расположенное поблизости от моста, пришли в местную школу и арестовали целый класс ребят — двадцать мальчиков и девочек. Это было «наше» село. У нас там жили свои люди. Одним из таких был дед Ионек, отец партизана Франтишека Брейхал. Он нам и принёс эту новость.

Фашисты дали срок три дня: если в течение трёх дней не появится тот человек, который взорвал мост, дети будут расстреляны.

И тогда я решил идти к гестаповцам. Чехи меня не пускали, они сказали: «Дети наши, мы и пойдём». Но я ответил, что если пойдёт кто-нибудь из них, чехов, то фашисты из мести всё равно могут расстрелять ребят. А если придёт русский, то дети будут спасены. И я пошёл с дедом Ионеким.

¹ Яволь (нем.) — конечно, как сказать (в ироническом смысле).

Теперь ночь, а утром я пойду к фашистам. Когда ты получишь это письмо, то Расскажи всем, как я погиб. Главное, найди моих товарищей по полку, пусть обо мне вспомнят.

Всё. Уже рассвет. А у меня ещё много дел. Сейчас я передам и письмо и конверт деду Ионеку. Он всё это сохранит и, когда придёт время, отправит вам.

Прощайте. Ваш Карп».

Весь вечер дед читал папино письмо. Потом он долго сморкался, теребил рукой колено и, наконец, сказал:

— Катенька, мне надо пройтись. Ты не возражаешь? — Он показал на папино письмо. — Я возьму его с собой.

Маме надо было идти в санаторий, чтобы сделать укол одному больному, и я пошёл вместе с ней. Не хотелось оставаться одному. На обратном пути мы встретили Сойку, ту самую девочку, которая купалась со мной в первый день.

— У меня ваш платок. Одна тётя его нашла, а я ей сказала: «Я знаю, чей это платок».

Сойка протянула маме платок, та развернула его и посмотрела, в какой раз, на эту собачью выставку.

— Я дарю его тебе, — сказала мама. — Он ведь совсем детский. Собаки.

Я посмотрел на маму и понял: она не хотела, чтобы этот платок возвращался к ней и о чём-то ей напоминал. Может быть, о дяде Николае. А мне всё равно было жалко платок. И ведь не маленький я. А жалко. Привык к собакам. Но тут я перевёл глаза на Сойку. Что случилось с её лицом, просто не передать. Какие у неё были испуганные,

недоверчивые, насторожённые глаза. Она не верила своему счастью. Ей эти собаки нравились, видно, ещё больше, чем мне. У меня после этого всю мою жадность как рукой сняло.

— Эту собаку зовут Джаз,— сказал я.— А вот этого маленького пёсика Подкидыш. Остальным ты сама придумай имена.

— До свидания.— Она торопилась побыстрее уйти.— Я их уже полюбила.

Мы молча дошли до дома. Я разделся и лёг спать.

— Мне кажется, что он всё время был жив,— сказал я,— а погиб только вчера.

— Спи, Толя. Пересчитай, сколько над нами звёзд, и заснёшь.

— А ты?

— Мне не заснуть, мне звёзды уже не помогают. Я дождусь деда.

На следующее утро я встал рано и ушёл на рыбалку. Я любил ловить рыбу. Правда, я был плохой рыбак, вечно зевал, когда начинался клёв. Но я любил ловить рыбу. На море тихо. Солнце. И настроение то весёлое, то грустное. Можно подумать о маме, о дяде Косте и о бабушке. Можно поговорить с папой. Так, про себя. А сегодня я придумал написать папе письмо. Пусть многим это покажется странным, а я всё равно напишу. Мне так захотелось написать ему письмо, я ведь никогда ему не писал. Напишу и отправлю Лёшке.

Лёшке можно, он поймёт.

Тихо на море. Солнце искрится в воде. И никто тебе не мешает — что хочешь, то и придумывай. «Хорошо, что мы с дядей Костей любим море,—

подумал я.— И хорошо, что есть такой дядя Костя». Но папе я тоже не могу изменить, и я придумал: буду морским лётчиком.

Когда я возвращался, то увидел маму, она шла к пристани.

«В Ялту едет,— догадался я.— В горвоенкомат. Искать папиных товарищей».

Мама была в белом платье, которое давным-давно не одевала, и в белых туфлях на высоком каблуке.

У причала стоял теплоход дяди Кости. Мама поднялась на пирс, и ей навстречу вышел дядя Костя. Мне очень хотелось подойти к ним, но я почему-то не подошёл. Я спрятался за будку билетной кассы и смотрел за ними. Я почти ничего не видел, только широкую спину дяди Кости в белом кителе.

Потом теплоход отчалил.

Я долго смотрел вслед теплоходу, пока он не превратился в маленькую белую точку, сверкающую на солнце.

На верхней набережной я встретил отряд артековцев. Они шли строем. В белых рубашках с красными галстуками и в коротких синих трусах. Загорелые. У них был настоящий крымский загар — светло-коричневый. Такого загара нигде не встретишь.

Почему-то, когда артековцы появлялись на улицах Гурзуфа, прохожие останавливались и смотрели на них. И сейчас все остановились, и я тоже остановился. А вожатый артековцев командовал, и они громко крикнули: «Всем-всем — доброе утро!»

Мне очень нравилось, что они так кричали.

После встречи с артековцами настроение у меня стало совсем хорошее. Спокойное такое и чуть-чуть грустное, но хорошее.

СОДЕРЖАНИЕ

Солёный снег. <i>Повесть</i>	3
Голубая Катя. <i>Рассказ</i>	66
После уроков. <i>Рассказ</i>	74
Космонавт. <i>Рассказ</i>	80
Три ветки мимозы. <i>Рассказ</i>	85
Первое письмо. <i>Рассказ</i>	88
Ночной ветер. <i>Рассказ</i>	94
Толстяки. <i>Рассказ</i>	97
Вожак. <i>Рассказ</i>	101
Чудак из шестого «Б». <i>Повесть</i>	104
Сенька. <i>Рассказ</i>	168
Улица Белого Лося. <i>Рассказ</i>	178
В старом танке. <i>Рассказ</i>	194
Мальчик с красками. <i>Рассказ</i>	202
Девушка в военном. <i>Рассказ</i>	208
Ослик и пятый океан. <i>Рассказ</i>	217
Майор Щеголеев. <i>Рассказ</i>	233
Хорошим людям — доброе утро. <i>Рассказ</i>	248

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Железников Владимир Карпович

ХОРОШИМ ЛЮДЯМ — ДОБРОЕ УТРО

Рассказы и повести

Ответственный редактор *С. В. Орлеанская*. Художественный редактор *М. Д. Сухощева*. Технический редактор *В. К. Егорова*. Корректоры *В. Е. Калинина* и *Т. Ф. Юдичева*.

Сдано в набор 14/X 1971 г. Подписано в печать 24/1 1972 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 17. Усл. печ. л. 15,86. (Уч.-изд. л. 11,83). Тираж 100 000 экз. ТП 1972 № 228. Цена 58 коп. на бум. № 1. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сушешский вал, 49. З. 3023.